

РУНО
Книга первая

Студенческий литературно-художественный альманах
ЛИТО ЛЭТИ, выпуск V

*Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш Царь! так! выпьем за Царя.*

А. Пушкин

Санкт-Петербург

2012

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Р 867

Редколлегия:

Редактор – *Никита Мокеев*

Редакторы-составители – *Юрий Королёв, Данила Данич*

Художественный редактор – *Марина Ясыченко*

Выпускающий редактор – *Максим Швец*

В оформлении обложки использована работа

Сергея Симкина:

«Аргонавты. Соединение Небесного и Земного рождает...».

Холст, масло, 60х80 см., 2009.

В оформлении сборника спользованы фрагменты работы

Александры Суворовой

Руно : В 2 кн. : Литературно-художественный альманах ЛИТО ГЭТУ (ЛЭТИ) – СПб.: Реноме; 2012. – Кн. II. – 408 с.: ил. – (Вып. V).

Альманах литературного объединения «ЛИТО ЛЭТИ» включает художественную прозу, поэтические тексты, критику и публицистику студентов СПб ГЭТУ «ЛЭТИ» и других членов литературного объединения. Сборник проиллюстрирован живописью, графикой и фотоработами членов ЛИТО. Руководитель ЛИТО – А. И. Михалевич (поэтесса, член Союза писателей Санкт-Петербурга).

Вниманию господ авторов:

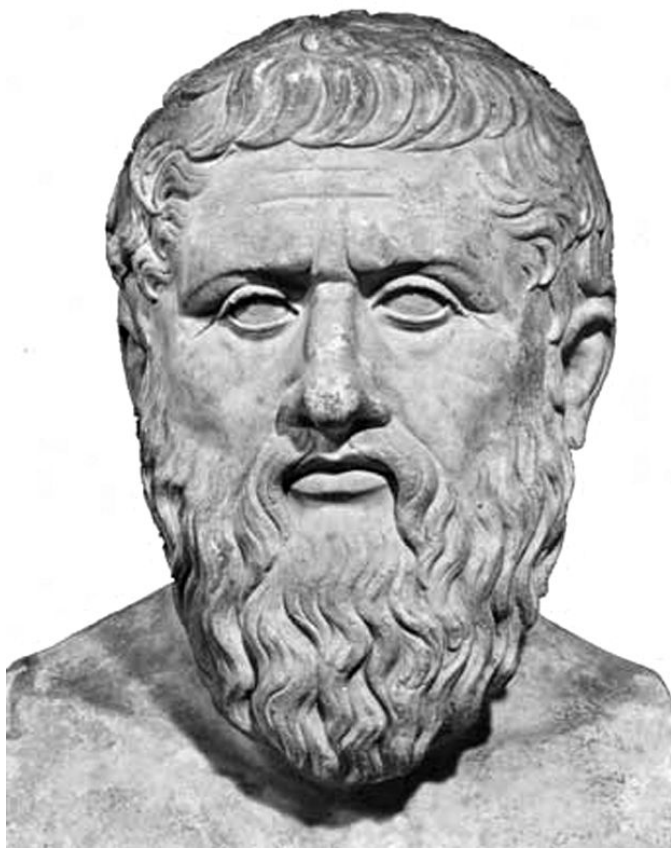
Желающих опубликовать стихотворения, прозу, публицистику, живопись, фотоработы и т.д. и т.п. в альманахе «Руно» покорнейше просим присылать свои произведения по адресу: danitschi@mail.ru

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-91918-247-4
ISBN 978-5-91918-248-1 (Книга I)

© Авторы, текст, иллюстрации

π^3



π^3

ο Πλατωνισμος

π^3

ο πατριωτισμος

π^3

ο πνευματισμος

Эмблема альманаха π³ – т. е. тройное греческое π: платонизм, патриотизм, пневматизм.

И кто бы ни был тот, кто первым разделил греков на древних и просто греков, но все три слова по происхождению древнегреческие, хотя и снабжены ставшим теперь уже латинским суффиксом.

Платонизм – безусловное признание реализма Платона и диалектики Платона, развитой затем платониками и неоплатониками, Гегелем и немецким классическим идеализмом, немецкими романтиками, Владимиром Соловьёвым и титанами русской философии и Русского Ренессанса. Многие гениальные философские откровения Платона затем были поставлены на естественнонаучную (аналитико-психологическую) базу Карлом Густавом Юнгом, хотя во многом он переоткрывал достижения А. Ф. Лосева. «Пир» и «Федр» Платона, «Смысл любви» Владимира Соловьёва, «Эрос у Платона», «Философия имени» и «Диалектика мифа» Алексея Фёдоровича Лосева – составляют нашу мировоззренческую базу, а работа В. С. Соловьёва «Смысл любви» кроме того – основной, если угодно, программный документ нашего альманаха.

Патриотизм – «Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам» (А. С. Пушкин), преклонение перед подвигами предков, равномерная, без предпочтений любовь ко всем без исключения народам России, к их национальным культурам – всему тому, что в них есть чистого и человеческого.

Пневматизм восходит к учениям гностиков, в частности Валентина и Василида. Дело в том, что любой истинный христиан всегда немного гностик. Лев Платонович Карсавин (1882 – 1952) предложил называть увлечённых гнозисом христиан гностицистами, чтобы отличать их от древних, неортодоксальных гностиков. Согласно учениям древних гностиков, люди делятся на пневматиков, психиков и гиликов (соматиков). Гилики – физические существа, вопрос о спасении души которых просто не стоит, ибо спасать, грубо говоря, у них и нечего. Психики – люди, спасение которых зависит от их поведения (к ним относятся христиане). Эти люди могут спасти свою душу, если будут стараться. Пневматики – люди духовные, они в принципе не способны погубить свою душу, даже если будут очень стараться это сделать. У них просто не выйдет. Каждый христианин в своем развитии проходит и через период позитивизма и атеизма, и через период увлечения гнозисом. Не следуя строго гностическим идеалам юности, мы все же стараемся, с известной долей юмора, быть пневматиками и всех к этому призываем.

Мы хотели добавить для ровного счета (четыре – любимое число Юнга, и не только его любимое число) ещё и *пуризм*, или *пуританизм*, имея в виду борьбу за чистоту русского языка и русской культуры. Но большинством голосов это предложение было отклонено, потому что вызывает не-

нужные ассоциации. Во-первых, пуританизм ассоциируется с тупиковой и очевидно деградирующей ветвью христианства – протестантизмом:

Не видите ль? Собравшись в дорогу,

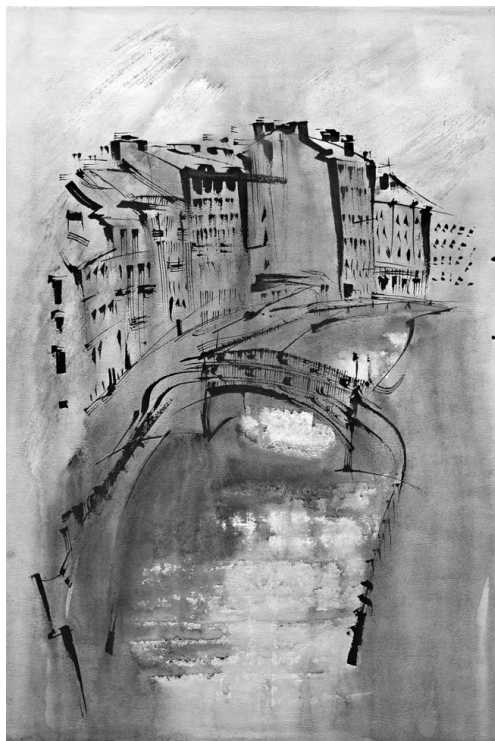
В последний раз вам вера предстоит.

Ещё она не перешла порогу,

Но дом её уж пуст и гол стоит.

(Ф. И. Тютчев. «Я лютеран люблю богослуженье...»)

Во-вторых, пуризм, или пуританизм, ассоциируется с ханжеской моралью, в то время как платонизм и ханжество – вещи абсолютно несовместные. Многие низменные люди (гилики, наверное) путают платонизм с ханжеством, называя платоников, в частности, нас, ханжами. Этим они лишь демонстрируют свою низость. Что ж, пусть. Так даже проще, когда свинья (а среди современных людей искусства это далеко не редкость) сам расписывается в том, что он свинья. Не надо даже ломать голову, думая, кто же он.



Катя ЗАРХ «Мой дом на Мойке».

Бум. акв. тушь; 60х40 см., 2002

Предисловие

Наш альманах издаётся на средства его организаторов и является ни от кого не зависимым изданием. Мы благодарны нашим учителям, которые обучают наших студентов профессионализму, поскольку считаем обучение художественному мастерству лучшим средством нравственного воспитания. Однако наши принципы могут не совпадать ни с убеждениями руководителя ЛИТО ЛЭТИ, ни с точкой зрения членов тех или иных творческих союзов, поскольку наша основная цель – воспитание наших детей.

Из стен ЛЭТИ вышли многие известные литераторы. Это и Александр Семёнович Танков и Валерий Попов. Литературное объединение ЛЭТИ было создано А. С. Танковым в 1973 – 1974 учебном году и первое занятие состоялось в конце февраля 1974 г. Как сейчас вспоминается этот день, длинная лекционная аудитория на 2-ом этаже 4-го корпуса, там, в конце, у доски сидит Танков, и Танков говорит: над всеми нами витает тень Владимира Соловьёва. И она действительно витала над нашим ЛИТО все эти годы и осеняет нас сейчас, мы всегда это чувствуем.

*Что ж он пророчит нам, настойчивый и властный,
Призыв родных теней?
Расцвет ли новых сил, торжественный и ясный?
Конец ли смертных дней?*

*Но что б ни значил он, призыв ваш замогильный,
С ним сердце бьётся в лад,
Оно за вами, к вам, и по дороге пыльной
Нам не идти назад.*

Владимир Сергеевич Соловьёв, отец русской философии и Русского Духовного Ренессанса, выдвинул требование теургии. Художник обязан быть теургом, т. е. боготворцем, сотрудником Творца в деле улучшения этого мира, должен оказывать на этот мир нравственное воздействие средствами искусства, поскольку едва ли что-нибудь может сравниться по мощи своего воздействия с гедонистической функцией искусства, с его возможностью удовлетворить «чистую жажду наслаждения». Как писал Фет, патриарх школы чистого искусства, в своем программном стихотворении «Муза»:

*Пленительные сны лелея наяву,
Своей божественною властью,
Я к наслаждению высокому зову
И к человеческому счастью.*

... ..

*К чему противиться природе и судьбе:
На землю сносят эти звуки
Не бурю страстную, не вызовы к борьбе,
Но исцеление от муки.*

Наш альманах постоянно подвергается критике за то, что на его страницах наряду с довольно сильными произведениями печатаются иногда очень слабые стихотворения начинающих авторов. И это правда. Дело в том, что наше литературное объединение – вузовское и его основная задача – это воспитание через творчество, т. е. основная наша задача – теургическая.

Второе, что также важно для нашего альманаха – это философия Вяч. И. Иванова, которого А. Ф. Лосев называл своим учителем, слишком великим для того, чтобы быть популярным. В своей основополагающей работе о двух стихиях в русском символизме Вяч. Иванов писал о двух отношениях к символу и мифу, т. е. о двух подходах к искусству. Первый подход, характерный для материалистов и субъективистов (что на практике почти одно и то же), Вяч. Иванов назвал «идеалистическим символизмом», имея в виду субъективный идеализм. Пафос данного подхода по Иванову – иллюзионизм, символ для них – только средство «художественной изобразительности, не более чем сигнал, долженствующий установить общение разделенных индивидуальных сознаний», «поэтическое средство взаимного заражения людей одним субъективным переживанием».

Второе направление Вяч. Иванов называет «реалистическим символизмом», или реалиаризмом, имея в виду реализм Платона. А в наши дни уже едва ли найдется такой естественник – математик, физик, биолог, – который бы не стоял на почве реализма Платона. «Точность математических формул просто поражает», – пишет Роджер Пенроуз. А получаются они вовсе не как аппроксимация наблюдений, а из соображений красоты и изящества теории. Ясно, что физический мир является порождением вневременного математического мира идей. «Чем глубже мы понимаем законы природы, – продолжает Пенроуз, – тем сильнее чувствуем, что физический мир как-то исчезает, испаряется, и мы остаёмся лицом к лицу с чистой математикой, т. е. имеем дело лишь с миром математических правил и понятий». Для реалиаризма «символ есть цель художественного раскрытия: всякая вещь (а вы знаете, что по Лосеву вещь – это заключительная часть диалектической триады: идея-смысл; материя; вещь, как синтез идеи-смысла и материи как условия реализации смысла), поскольку она реальность сокровенная, есть уже символ, тем более глубокий, тем менее исследимый в своём последнем содержании, чем прямее и ближе причастие этой вещи реальности абсолютной. В реалистическом символизме – символ, конечно, также начало, связующее раздельные

сознания, но их соборное единение достигается общим мистическим лицецерением единой для всех, объективной сущности».

«Реалистический символизм, – пишет Иванов, – раскроет в символе миф. Только из символа, понятого как реальность, может вырасти, как колос из зерна, миф. Ибо миф – объективная правда о сущем. Миф есть чистейшая форма озаменованной поэзии...

Новый же миф есть новое откровение тех же реальностей; и как не может случиться, чтобы кем-нибудь втайне обретенное постижение некоторой безусловной истины не сделалось всеобщим, как только это постижение возведено хотя бы немногим, так невозможно, чтобы адекватное озаменование раскрывшейся познающему духу объективной правды о вещах, не было принято всеми как нечто важное, верное, необходимое и не стало бы истинным мифом, в смысле общепринятой формы эстетического и мистического восприятия этой новой правды.

...творится миф ясновидением веры и является вещим сном, произвольным видением, «астральным» (как говорили древние тайновидцы бытия) гиероглифом последней истины о вещи сущей воистину. Миф есть воспоминание о мистическом событии, о космическом таинстве»...

Итак, Иванов фактически отождествил работу художника с работой учёного. Развитие науки, по Лосеву, – это смена мифологий. То же самое, по Иванову, – и откровение художника.

«Одним хочется, – пишет Лосев, комментируя «отнодь не научные страсти вокруг теории относительности», – распылить Вселенную в холодное и чёрное чудовище, в необъятное и неизмеримое ничто; другим же хочется собрать Вселенную в некий конечный и выразительный лик с рельефными складками и чертами, с живыми и умными энергиями, хотя чаще всего ни те ни другие совсем не понимают и не осознают своих интимных интуиций, заставляющих их рассуждать так, а не иначе».

Примеры можно приводить бесконечно. Все знают хрестоматийный школьный пример о двух моделях мира – Птолемея и Коперника, из которых одна ничуть не более «истинна», чем другая, просто уравнения проще, если за точку отсчёта принять Солнце, а не Землю. А какие мифологические страсти бушевали вокруг этих двух моделей! И какие сегодня бушуют вокруг учения Дарвина, хотя все элементарные частицы одного и того же вида одинаковы и неразличимы, так что сказать что «человек создан из того материала, который в бочонке с глиной» или же сказать «он создан из того же материала, что и весь отряд приматов» – абсолютно одно и то же, если отвлечься от мифа. При этом все знают компетентное заключение Н. Н. Бехтеревой, приведенное ею в книге «Магия мозга и лабиринты жизни», о том что такая сложная система, как человеческий мозг, а следовательно, и сам человек, не

могли возникнуть в земных условиях. Во всяком случае, не могли возникнуть случайным образом, без эволюции, направляемой разумом и объективной волей. Все также знают, что тот удивительный, невероятный подбор параметров мироздания, при котором только и возможно было появление жизни, невозможно объяснить иначе, кроме как откровенно субъективистским слабым антропным принципом (если бы этот мир был чутьочку другим, то некому было бы эти вопросы задавать) или же сильным антропным принципом (так *должно* было быть, чтобы появился человек).

Чистая наука, как известно нейтральна и с реальностью никак не связана. Реален только миф, и он может быть добрым или злым, возвышенным или низменным, человечным или, напротив, материалистическим. Существует такое понятие как ответственность учёного за те положения чистой науки, которые он предоставляет в распоряжение мифологам. Всем известно, какую темную и грязную волну вызвала в своё время безответственная публикация совершенно невинных с точки зрения мыслящих людей результатов Дарвина. Например, Маркс, нимало не заботясь о правде, радостно сообщал своим сообщникам, что появился один англичанин, который утверждает, что мы от обезьян. «Прекрасно, как раз то, что нам надо», – пишет по этому поводу Маркс. А какой восторг у мракобесов вызывал психоанализ Фрейда, пока не явился, наконец, Карл Густав Юнг, развеявший бредовые комплексы своего учителя и в пику ему назвавший новую область науки аналитической психологией.

Очевидно, что коль скоро художник, как и учёный, творит, а точнее, открывает новые мифы, то так же как существует понятие ответственности учёного, должно существовать и чувство ответственности художника за его мифы. Знаменитые Тавистокские лекции Юнга открываются известным примером протестантской мифологии о монахах-греховодниках, причём этих скабрёзных историй о монахах в Европе больше, чем самих монахов – замечает Юнг и здесь же задаётся вопросом, кому и зачем нужна эта очевидная ложь? Все ведь знают о крайнем аскетизме и подвижничестве как нашего православного, так и европейского католического монашества. Юнг без труда находит ответ: эта ложь распространяется для того, чтобы внедрить в сознание обывателя мысль: уж если монаху можно, то и мне тем более.

«Так верит поэт, так он познает интуитивным своим познанием. Мифотворчество – творчество веры. Задача мифотворчества, поистине, – ”вещей обличение невидимых”. И реалистический символизм – откровение того, что художник видит как реальность, в кристалле низшей реальности».

В качестве образца реалиаризма Иванов рассматривает поэзию Тютчева. Разумеется, Тютчев дорог нам не тем, что он гениальный поэт (мало ли было гениальных поэтов), а своим мистицизмом. Гениальность без мисти-

цизма была бы позорна, потому что направлена против человеческого в человеке. Иванов пишет:

«Такое тайновидение мы встречаем у Тютчева, которого признаём величайшим в нашей литературе представителем реалистического символизма.

Всё, что говорит Тютчев, он возвещает как гиерофант сокровенной реальности. Тоска ночного ветра и просонье шевелящегося хаоса, глухонемой язык тусклых зарниц и голоса разыгравшихся при луне валов; таинства дневного сознания и сознания сонного; в ночи бестелесный мир, роящийся слышно, но незримо, и живая колесница мироздания, открыто катящаяся в святилище небес; в естестве, готовом откликнуться на родственный голос человека, всеприсутствие живой души и живой музыки; на перепутьях родной земли исходивший её в рабском виде под ношею креста Царь небесный – всё это для поэта провозглашения объективных правд, всё это уже миф».

И снова Иванов, как и Лосев, приходит к соловьёвскому требованию теургии:

«У Владимира Соловьёва внутренние события личной жизни, осознанные, говоря языком астрологов и алхимиков, в астральном плане, служат предметами его поэтического вдохновения так, что он только живописует совершившееся как реальный миф его личности: такова, например, поэма «Три свидания» и столько лирических стихотворений, посвящённых общению с ушедшими. Вл. Соловьёв ставит высшею задачей искусства задачу теургическую. Под теургическою задачей художника он понимает преобразующее мир выявление сверхприродной реальности и высвобождение истинной красоты из-под грубых покровов вещества. В этом смысле говорил Соловьёв в речах о Достоевском: «художники и поэты опять должны стать жрецами и пророками, но уже в другом, но ещё более важном и возвышенном смысле...».

И, наконец, третья тема нашего альманаха – это традиционная для поэзии «чистого искусства» любовь к нашему многонациональному отечеству, ко всем народам, его населяющим, воспевание подвигов предков. Эпиграфом к этой части альманаха можно было поставить всем известные слова святой молитвы: «Ещё молимся о Богохранимой Стране нашей, о властях и воинстве ея». У каждого из нас есть отцы, деды, прадеды, которым мы обязаны тем, что они отстояли нашу страну и дали нам возможность жить на свете. Может быть, живя в какую-нибудь другую эпоху, мы не стали бы так акцентировать внимание на патриотической тематике. Например, в советское время это было общим местом, и сама тема была частично опошлена. Деяния предков, которые в тревожных 18-ом и 19-ом веках, как правило, были или священнослужителями, или воинами, а ещё чаще молодость отдавали ратному труду, а в зрелом возрасте принимали схиму и проводили остаток жиз-

ни в молитвенном предстоянии за нашу страну пред Богом, подвиги этих совершенно легендарных людей, которые ценой своей крови, а часто и жизни, освобождали братские народы от чужеземного ига и вводили их в братскую семью равноправных народов Российской Империи, в советское время их дела или предавались забвению, или же их самих называли, чуть ли не колонизаторами только за то, что они раздвигали границы Империи! До 1917 г. в России вообще не было понятия национальности, все народы были равны перед великим белым царём. Сегодня патриотическая тема опять становится острой и оригинальной, поэтому на страницах нашего альманаха ей предоставляется место, не взирая на качество предложенных стихов (как вы, наверное, уже заметили на примере прошлых выпусков альманаха).

К сожалению, сегодня выходит очень много сборников, составители которых говорят: «У нас единственный критерий отбора – это качество стихов». В результате выходят сборники, в которых много внимания материализму и пошлости, дурного вкуса и дурного тона, циничного предпочтения земных благ вечным ценностям. Эти сборники всегда занудны, скучно и неинтересно оформлены, в них нет молодого озорства и детского веселья, потому что там, где присутствует пошлость, не может присутствовать ни психологизм, ни утончённый юмор. Мы никогда не пойдём по этому пути, мы никогда не поставим мастерство выше идеологии. «Мастерство ради мастерства» не имеет ничего общего с высокой идеей «искусства для искусства». Конечно же, обучаться мастерству совершенно необходимо: плохой художник будет плохим теургом. Конечно, мы должны учиться, в частности, восходящему к Шеллингу принципу «объектного коррелята», умения говорить о большом через зримые и осязаемые детали. И в то же время мы должны всегда помнить, что мастерство – это лишь средство, но не цель.

Из того, что на страницы нашего альманаха не может попасть пошлость и моветон, вовсе не следует, что альманах скучен. Как раз наоборот! Едва ли Вы найдете второе такое молодое, озорное, дерзкое во всех отношениях, эпатажное, так же во всём, издание, как наш альманах! Поэтому, присылайте, пожалуйста, Ваши произведения, если Вы принимаете идеологию нашего альманаха, и не бойтесь, что стихи слабые.

Дорогие юные мистики! Дорогие юные теурги! Дорогие юные платоники! Дорогие юные евразийцы! Не стесняйтесь, пожалуйста, присылать Ваши слабые произведения. Они будут встречены с пониманием, нежностью и умилением и в каком-нибудь виде напечатаны на страницах альманаха. А мастерство – придёт к Вам постепенно под сенью литературного объединения! Приходите, пожалуйста, мы ждём Вас!

Редколлегия

Интервью Главы Российского Императорского Дома Её Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Марии Владимировны

Большинство царских потомков входит в Объединение членов рода Романовых, которое соперничает с Российским Императорским Домом во главе с Великой Княгиней Марией Владимировной, внучкой Великого Князя Кирилла Владимировича, по праву родового старшинства провозгласившего себя в 1924 году Императором Всероссийским Кириллом I.

В ноябре 2010 года я написал письмо с просьбой об интервью и тем и другим. Но ответ – и очень любезный – пришёл лишь из Канцелярии Главы Российского Императорского Дома Е. И. В. Государыни Великой Княгини Марии Владимировны. Я отправил в Канцелярию свои вопросы и через несколько месяцев получил на них развёрнутые ответы. Это не интервью в строгом смысле – я не встречался с Великой Княгиней Марией Владимировной РОМАНОВОЙ и даже не разговаривал с ней никогда. Но, как меня заверили, Великой Княгине понравились вопросы, и она отвечала на них лично, в Мадриде директору Канцелярии Александру Закатову.

Материал Олега Черницкого. Газета «Московские новости»

– Ваше Императорское Высочество, что вы чувствуете, когда думаете о России?

– Родители с детства приучали меня к мысли, что Россия – самая лучшая страна. Казалось бы, это утверждение, особенно тогда, вступало в противоречие с действительностью: наши соотечественники в СССР жили в тяжёлых условиях, а мы находились в изгнании и без какого-либо реального шанса на возвращение домой. Но в нашем сознании Россия была страдающей матерью, попавшей в пленение.

По мере взросления я понимала, что все мы без исключения – не только революционеры, но и Императорский Дом, и аристократия, и значительная часть церковной иерархии, и интеллигенция, и другие сословия и учреждения дореволюционной России – являемся в чём-то виновниками, а в чём-то жертвами происшедшей в России катастрофы. Если мы хотим из неё выбраться, нам нужно не идеализировать прошлое, не искать виноватых, а попросить друг у друга прощения и постараться найти точки сближения ради судьбы нашей страны, ради будущих поколений.

Но Россия всё равно всегда останется нашей матерью. Согласитесь, любой нормальный человек любит свою мать, несмотря ни на что, даже если она в чём-то и несовершенно. Потому что она нас родила, мы её часть навсегда. А значит, и нашу Родину мы не можем обвинять, обижаться на неё или ждать от неё чего-либо, не любя её всем сердцем, не стараясь служить ей и не ставя это служение на первое место.

– Какие уроки не выучила Россия из своей истории?

– Может быть, нашей серьезной и повторяющейся ошибкой стала излишняя доверчивость. Мы очень легко принимаем на веру чужие идеи, зачастую ложные и неподходящие нам. За это не раз пришлось заплатить самую страшную цену – жизнями тысяч, а в недавнем прошлом миллионов людей. И всё-таки у России достаточно духовных сил, чтобы преодолеть любую напасть. А это значит, что главные уроки своей истории мы усвоили неплохо.

– Россия – обычная страна или нет?

– Обычных стран вообще не бывает. Каждая страна имеет свои уникальные особенности и свой исторический путь, достойна уважения и имеет право на самобытное развитие – полностью самостоятельное или в рамках какого-то крупного государства или содружества государств. Различия заключаются в разной мировой роли. Одни страны оказывают большее влияние на человечество в политическом, экономическом и культурном отношении, другие – меньше.

Россия, конечно, выделяется среди самых великих стран. Даже сейчас, после всех потерь, она остаётся крупнейшим по размеру территории государством земного шара. Создать такое государство чрезвычайно трудно, а поддерживать его существование в течение нескольких столетий ещё труднее. Тем не менее это удалось. Российский опыт многовекового сохранения единства в многообразии, сосуществования множества народов разных верований, традиций и культур, когда не было допущено ни их уничтожения, ни искусственного смешения, не превзойдён никем.

– Страдает ли сейчас Россия? Как и кто ей может помочь?

– Россия – это живое тело, состоящее из миллионов людей, ощущающих себя её частицами. Одни рассеяны по миру жестокими катаклизмами XX века, другие борются за существование в своём отечестве. Если страдает хотя бы один орган, то страдает всё тело. Даже если у большинства устроилось всё хорошо (а это пока, увы, далеко не так), нельзя игнорировать страдающее меньшинство, иначе болезнь рано или поздно снова овладеет всем телом. Если мы это поняли, следующая ступенька сознания – не нужно ждать помощи ни от кого, кроме, конечно, Бога. Но и тут следует помнить русскую пословицу «на Бога надейся, а сам не плошай». У фран-

цузов есть аналогичная пословица, возможно, ещё более точно передающая мысль: Aide-toi, et le Ciel t'aidera («Помоги себе сам, и Бог тебе поможет»). Если мы утвердимся в идее, что никто не сделает за нас то, что мы должны сделать сами, каждый на своём месте, страдания в России станут несравненно меньше.

– Может ли Россия прожить без Царя?

– Думаю, что без Царя в течение того или иного достаточно длительного периода может, а вот без идеи Царя – вряд ли.

С самого основания государства в 862 году Россия в течение свыше тысячи лет шла по пути развития и совершенствования государства-семьи, каковой является монархия. Думаю, это не случайность, а следствие закономерных исторических обстоятельств и событий, сформировавших менталитет государствообразующего великорусского народа и всех братских народов, создавших всероссийскую цивилизацию. Наследственный законный монарх – это прирождённый отец нации. Не случайно народ Царя называл батюшкой, а Царицу – матушкой.

В прошлом веке на смену пусть и несовершенному, но живому и органичному государству-семье после короткого этапа послереволюционного разброда и хаоса пришла всеподавляющая машина тоталитарного государства-концлагеря. Сейчас наступило время более гуманного, но не менее материалистического и механистического либерально-демократического республиканского государства – акционерного общества. Однако генетический код невозможно ни вычеркнуть, ни стереть из народной памяти. Человек редко способен добровольно и осознанно променять свою семью на акционерное общество, даже если семья не во всём благополучна, а акционерное общество процветает. А значит, и *монархическая идея государства-семьи не умрёт никогда, независимо от успехов или провалов республиканских экспериментов*. К ней будут возвращаться вновь и вновь. История даёт тому много подтверждений. Особенно в трудные времена: и тоталитарные диктаторы, и демократические правители апеллируют к принципам, присущим монархии, стараются с большим или меньшим успехом играть роль Царя и за счёт этого получают народную поддержку. Однако суррогаты всё равно никогда не смогут заменить подлинник.

Я верю, что идея исторической православной легитимной наследственной монархии полезна нашей Родине даже при республиканском строе – как некая постоянно существующая духовно-нравственная альтернатива, не позволяющая полностью разорвать связь времен.

На протяжении всей истории человечества, какие бы варианты государственного и общественного устройства ни придумывались и ни опробова-

лись, мы неизменно возвращаемся к надёжной проверенной модели. От маленькой деревушки до больших государств, когда необходимо принятие решений, требующих опыта и высокого авторитета, люди обращаются к священникам и старцам – носителям духовной и исторической преемственности. А осуществление решений и защита сограждан возлагается на молодых, сильных и энергичных. В монархической идее заложено гармоничное сочетание обоих начал.

Я убеждена, что будущее за строем, способным сочетать тысячелетнюю традицию российской государственности с новыми институтами, правами и свободами.

– **Что такое демократия? Возможна ли демократия в России?**

– Первое классическое определение демократии, подразумеваемое конституциями большинства современных государств, – это верховная, то есть ничем не ограниченная власть народа, являющаяся источником любой другой власти. Если к этому определению начинают приклеивать дополнительные формулировки и уточнения, если у слова «демократия» в таких политических системах появляются прилагательные, это уже некое лукавство. *Если власть народа хоть чем-то ограничена (например, по определенным вопросам законодательно запрещено проводить референдум), то мы уже не можем говорить о принадлежности верховной власти народу и должны искать реальную верховную власть где-то в другом месте.*

Как правило, в современных республиках, декларирующих себя демократическими, верховная власть на самом деле принадлежит той или иной олигархии (партийной, финансовой, торгово-промышленной, военной). Это объективный факт независимо от того, как мы его оцениваем, положительно или отрицательно.

В то же время вряд ли кто-то будет оспаривать, что в современном мире даже в небольших государствах демократия как верховная власть не может осуществляться на практике. Прямая демократия невозможна из-за многочисленности граждан, а как только создаются транслирующие органы, они тут же присваивают себе реальную верховную власть. В худшем случае они создают откровенную фикцию демократии с безальтернативными выборами и почти стопроцентной «явкой» избирателей. Россия, слава богу, от этого ушла окончательно и бесповоротно. Но как бы то ни было, мы имеем дело с «управляемой демократией». А значит, не с демократией в высшем смысле верховной власти, ибо верховной властью никто управлять не может по определению.

Мы все стремимся к реальной, подлинной, полезной и близкой каждому человеку демократии. К демократии в её втором понимании – к народному самоуправлению. К широкому гарантированному законом и политической прак-

тикой соучастию демократического принципа в осуществлении управления, живущего в многообразных общественных объединениях и в личной инициативе граждан. Равноправно с принципом аристократическим, воплощаемым во влиятельных элитарных группах, и монархическим, присутствующим в деятельности структур, где необходима твердая вертикаль власти.

И тогда возникает вопрос: а для чего же было свергать монархию? Разве в любом монархическом государстве, и в дореволюционной России в том числе, не существуют и не развиваются демократические институты? Разве не опирались на средний класс и низы ещё святой Великий Князь Андрей Боголюбский и его преемники, заложившие основы русского централизованного государства? Разве не Царь Иоанн Грозный учредил всесословные Земские Соборы, имевшие реальное влияние на государственную политику в XVI–XVII веках? Разве были безгласны и бесправны сословные корпорации, от дворянских собраний до крестьянских общин, даже в абсолютистскую крепостническую и бюрократическую эпоху XVIII – первой половины XIX века? Разве не расцвели земства после реформ моего прапрадеда Александра II Освободителя? И разве не была задушена и похоронена всяческая народная инициатива после революции 1917 года, совершённой якобы ради передачи верховной власти народу?

Вместо «носителя верховной власти» народ попытались превратить в «массу» – это было любимое словечко разных народных вождей. Государство действительно решало ряд социальных проблем, в определённых случаях защищало интересы отдельных людей и групп. Без этого ни одно государство не смогло бы существовать. Но граждан методично приучали к мысли, что государство само знает, что нужно каждому, и даст ровно то и ровно столько, сколько считает нужным. Так и при рабовладельческом строе разумные рабовладельцы заботились о своих рабах, хорошо их кормили и содержали в приличных условиях, так что рабы жили иногда лучше, чем лично свободные, но бедные граждане. Но рабы лишены главного – свободы, достоинства и чести.

Попытка сделать из нашего народа «массу» не удалась и, убеждена, не удастся никогда и никому. *Но мы достигнем подлинной демократии только тогда, когда начнём устраивать её на основе наших традиционных духовных ценностей и нашего исторического опыта, а не по зарубежным лекалам.*

– Россия – это Европа или Азия?

– Ни то ни другое. По моему глубокому убеждению, *наша родина – самостоятельная цивилизация.* Она вобрала в себя многое из опыта Европы и Азии, но не является ни окраиной Запада или Востока, ни каким-то их механическим смешением. Россия – это Россия.

– **Надо ли восстанавливать Российскую Империю в былых размерах?**

– Я не скрываю, что являюсь сторонницей интеграции народов, принадлежащих к единому цивилизационному пространству бывшей Российской Империи. Но прекрасно понимаю, что возродить прежнюю Российскую Империю или СССР уже не удастся. Слишком много обстоятельств и представлений претерпело глобальные изменения.

Некоей моделью для современной интеграции может служить Британское Содружество наций. Разумеется, эту модель невозможно слепо скопировать. Нужно учитывать наши исторические и национальные особенности. Но некие ориентиры опыт Британского Содружества может дать.

Размер нашего Всероссийского Содружества, если оно возникнет, будет зависеть от множества факторов, предугадать которые трудно. Убеждена, что нужно стремиться не к размеру, а к высокому качеству межгосударственных связей и незыблемому и бесспорному авторитету центра общей координации, которые позволят создать мощное и прочное объединение, сильное духом и конкурентоспособное.

– **Что бы вы сказали россиянам, которые восхваляют сейчас Сталина?**

– Проще всего было бы дать однозначно отрицательную оценку личности Сталина и отметить, что большинство его нынешних почитателей наверняка не захотели бы жить в его эпоху.

Казалось бы, чего еще ожидать от Главы династии Романовых, мировоззрение которой заведомо несовместимо с богоборческим тоталитаризмом? Но я считаю заданный вами вопрос весьма глубоким и нуждающимся в серьезнейшем осмыслении. Постараюсь поделиться только некоторыми размышлениями.

То, что в общественном сознании возрастает авторитет Сталина, свидетельствует о разочаровании людей в бездушной материалистической либеральной модели демократии. Симпатии вызывает, конечно, не реальный Сталин – выдающийся, но страшный, циничный и жестокий политик XX века, а его мифологизированный образ отца народов, сильного вождя, мудрого полководца. Это поиск отца людьми, которых лишили собственного их природе государственного и общественного уклада и которым не дают в осмыслении их исторического опыта выйти за пределы рамок послереволюционного этапа.

Память о тысячелетней исторической отеческой царской власти из народной памяти вытравлена каленым железом. Советскому режиму «повезло» больше.

Когда я смотрю по российским телевизионным каналам передачи о советской эпохе, то вижу, как пожилые люди – дети и внуки сталинских нарко-

мов и партийных функционеров – с ностальгией вспоминают о годах коммунистического режима, даже если им самим пришлось пережить репрессии. По-человечески я их понимаю. Это были годы их молодости, из которой человеческая память на склоне лет выбирает самое светлое, героическое и романтическое.

Такие передачи снимают и показывают многомиллионной аудитории, в том числе молодёжи, не жившей при советской власти, спустя двадцать лет после падения коммунистического режима. Но если бы при коммунистическом режиме спустя двадцать лет после революции разрешили положительно отзываться о монархии, о церкви, об Императоре Николае II и его министрах и сановниках, о верноподданническом подвиге солдат и офицеров Императорской армии и флота, о реформах царского правительства, о деятельности полиции и охранного отделения, наверняка нашлось бы много людей – живых свидетелей, а не историков, – которые смогли бы передать следующим поколениям доброе, а может быть, иногда идеализированное представление о дореволюционной России. Трудно сказать, чем бы это обернулось для большевиков.

Посудите сами, можно ли было подумать хоть о чём-то отдалённо похожем в 1937 году? Само предположение вызывает лишь горькую улыбку. А когда в середине 1980-х появилась реальная возможность переосмыслить оболганное и затоптанное прошлое, людей, помнивших Императорскую Россию, осталось единицы, и они были в таком возрасте, что не могли существенно повлиять на общественное мнение.

Так отчасти нарушилась связь времён. *Десять с лишним веков дореволюционной истории искусственно отсечены и представляются чем-то бесконечно далёким, а наиболее понятным и близким образом отеческой власти теперь становится Сталин.* Не думаю, что это справедливо. Но довольно симптоматично. Это свидетельство сохранения патернализма в менталитете нашего народа.

Поэтому не могу выразить солидарность с теми, кто просто стремится уничтожить Сталина и предлагает программы десталинизации, направленные не столько на беспристрастную и честную оценку его политики, сколько на вытравливание из народного сознания вековых представлений о власти.

Сталин был действительно великим политиком. Это признавали и его враги, среди которых немало весьма ярких личностей (достаточно назвать Уинстона Черчилля). Если бы его умом в молодости не овладели революционные теории, он мог бы стать выдающимся иерархом церкви или государственным деятелем Российской Империи, перед которым поблёкли бы образы Сперанского, Витте, Столыпина. К сожалению, он употребил данный ему Богом талант на службу злу. Сталин оказался важной частью – но

только частью, а не создателем – ужасной тоталитарной машины, стремящейся вытравить образ божий из человека.

Говорят, что на определенном этапе он будто бы осознал пагубность богоборческого и антинационального большевизма и начал возрождать русские государственные и национальные ценности, даже хотел упразднить атеистический характер режима. Увы, даже если предположить, что он об этом думал, сделать ему ничего не удалось. Его режим был построен на постоянном терроре, который возобновлялся после временных затиший. Церковь и другие религии использовались им чисто прагматически, и ни на минуту коммунистическая партия не отказывалась от воинствующего безбожия, даже в моменты ослабления гонений на верующих. Национальная политика породила страшные плоды, которые мы пожинаем сейчас. Экономическая модель плановой экономики, эффективная в экстремальных условиях, оказалась нежизнеспособной в мирное время.

Все базовые устои сталинской системы не могли пережить своего создателя, даже в рамках коммунистического режима. А режим тоже был обречён в исторической перспективе, так как, отказавшись от наиболее кровавых методов, развенчав покойного Сталина и свалив на него одного вину за общие преступления, не смог до самого 1991 года изжить богоборчество и утопические марксистско-ленинские догмы.

Сталин несёт ответственность за великие злодеяния – чудовищную попытку искоренить веру в Бога, организацию массовых репрессий и террора, насильственную коллективизацию и раскулачивание наиболее трудолюбивой и работоспособной части крестьянства, уничтожение значительной части культурного наследия. Но систему страха и истребления создавал не он один – и его соратники, и его противники, и многие его жертвы.

В то же время с его именем связана победа в Великой Отечественной войне, создание оборонной мощи, которая защищает нашу страну при любой власти, опыт мобилизации человеческих ресурсов не только насилем, но и умелым эмоциональным воздействием. Эти обстоятельства и факты нельзя отрицать или оставлять без объективной оценки.

Любая программа десталинизации, если она будет исходить от политических сил, не способных сформулировать истинно патриотическую, социально ориентированную, сильную и традиционную альтернативу, обернётся на практике ещё большей сталинизацией общественного сознания.

– Сохранились ли в современной России дворяне по духу, а не по имени? Можно ли описать этот дух?

– Дворянское достоинство – это прежде всего особая ответственность в служении своей стране. Ошибочно думать, что дворянство связано с высо-

комерием, неоправданными привилегиями и паразитизмом. На определенном этапе истории права дворянства в России действительно оказались гипертрофированными. Дисбаланс в социальной сфере – одна из причин революции. Но теперь, проанализировав все исторические уроки, мы можем утверждать, что дворянство дало России очень много. Не стоит по отдельным плохим исключениям судить обо всём российском дворянстве. Как остроумно заметил один иностранный автор, оценивать российское дворянство по Салтычихе – всё равно что оценивать английскую аристократию викторианской эпохи по Джеку-потрошителю.

Все политические, социальные и экономические привилегии дворянства ушли в прошлое. Они не будут восстановлены, даже если в России когда-либо возродится легитимная монархия. Но у дворянства как исторической институции всегда останется обязанность хранить традиции и идеалы чести, верности и самопожертвования.

Процесс возрождения дворянства в России идёт непросто. Появляется много самозванцев и жуликов. Среди настоящих представителей старых дворянских родов (и в России, и в эмиграции) далеко не все смогли сохранить присущий предкам дух, сознание и воспитание. В этом нет ничего удивительного, ведь столько сил было направлено на дискредитацию и уничтожение всего лучшего, что было в дворянстве. Но, несомненно, дворянские устои и дух сохранились. Они живут в делах и намерениях потомков многих старинных родов, присутствуют в жизни вновь возникающих дворянских семей.

Я никогда не жалею аристократические титулы, но считаю, что сохранение традиции воспроизводства служилого дворянства важно для современной России. Потому что *главное в дворянском духе – это уважение к достоинству человеческой личности*, столь необходимое в современном мире. А уважение к себе невозможно без уважения к другим людям независимо от их происхождения. Вот почему снобизм – это самое отвратительное качество, лишаящее дворянина его подлинного достоинства, даже если история его рода насчитывает много веков.

– Что вы видите, когда приезжаете в Россию, – процветание или упадок?

– До процветания явно далеко, но нельзя говорить и об упадке. Россия продолжает стоять на перепутье, как древний витязь. *До тех пор пока весь народ не будет объединён общей и понятной целью и идеей национально-государственного бытия, некоторая подвешенность и постоянная угроза стабильности будут сохраняться.*

– Встречались ли вы с Борисом Ельциным, Владимиром Путиным, Дмитрием Медведевым? Какое впечатление произвели на вас руководители государства?

– С Борисом Ельциным переписывался и затем беседовал при личной встрече мой отец Великий Князь Владимир Кириллович. Я присутствовала вместе с Президентом на ряде государственно-церковных мероприятий, но специально мы не встречались. С Владимиром Путиным и Дмитрием Медведевым общалась, когда они занимали руководящие посты в мэрии Санкт-Петербурга и по поручению Мэра Анатолия Собчака курировали наши первые визиты на Родину. Потом мы встречались на разных торжествах. Например, в 2003 году я присутствовала вместе с Президентом России Путиным на праздновании 100-летия канонизации св. преподобного Серафима Саровского. В 2008 году, когда скончался глубоко почитавшийся мною Святейший Патриарх Алексей II, мы встретились с Президентом России Медведевым и Председателем Правительства Путиным у его гроба. Потом встречались на интронизации Святейшего Патриарха Кирилла. Мы всегда тепло друг друга приветствуем.

Уверена, со временем созреют условия для официальной встречи Главы Императорского Дома с главой современного государства. Я понимаю, что это вопрос непростой. В некоторых странах путь к такой встрече готовился десятилетиями. Например, во Франции более шестидесяти лет существовал закон об изгнании, запрещавший Главе Королевского Дома и его прямому наследнику въезд на территорию республики. Но в конце концов, сначала фактически, а потом и юридически запрет ушёл в прошлое, и ещё некоторое время спустя Президент Шарль де Голль спокойно встречался с Главой династии Графом Парижским Генрихом. Королевский Дом обрёл во Франции вполне официальную общественную нишу. И это никак не мешает конституционным основам Французской Республики.

К Президенту Медведеву и к Председателю Правительства Путину я отношусь с искренним уважением. Понимаю, как им трудно. Говорю это не формально и не из желания кому-то угодить.

Я прекрасно сознаю, что любые мои слова и заверения не смогут изменить ту или иную политическую линию. *Если контакты с исторической династией в какой-либо стране признаются преждевременными, никакие дифирамбы существующим властям со стороны Главы Царственного Дома не принесут результата.* В то же время, если власть проникается сознанием необходимости и полезности диалога с династией, этот диалог начинается, даже если Глава династии настроен оппозиционно. Так было, например, в Испании, где я волею судьбы родилась и постоянно живу по сей день. Генералиссимус Франко и отец нынешнего Короля Хуана Карлоса Дон Хуан недолюбливали друг друга, имели острые политические противоречия и даже не останавливались перед взаимными выпадами. Но настал день, когда они встретились, обсудили ряд вопросов и совместно при-

няли весьма важные для страны решения, которые затем осуществились, будучи закреплёнными народным волеизъявлением.

Мне было бы легко и в некоторых случаях удобно критиковать существующую власть, ведь я пока живу за границей. Всем известно, что я не боюсь отрицательно оценивать саму идею республики, саму систему нынешней власти. Огорчение у меня вызывают и конкретные действия, и реформы. Например, *с болью наблюдаю, как разрушается прекрасная система российского образования, сохранившаяся в советский период, как накапливаются и прорываются национальные проблемы, как противоречиво осуществляется реформа вооружённых сил, какие масштабы приобрела коррупция, как плохо обстоит дело с формированием среднего класса, как неизжитым остаётся правовой нигилизм.*

Но я считаю своим долгом стараться увидеть и поддерживать всё позитивное, а о том, что мне представляется негативным, говорить без гнева и пристрастия, без какой-либо политической оппозиционности. Как писал наш великий гений Александр Сергеевич Пушкин, «нет убедительности в поношении, и нет истины, где нет любви».

– Когда вы вернётесь в Россию?

– Если бы я была частным лицом, уже вернулась бы. Но как Глава Российского Императорского Дома я не могу допустить уничтожения и унижения исторической институции, ответственность за которую возложена на меня Богом.

Наше изгнание в прямом смысле этого слова прекратилось в 1991 году, когда мои родители впервые после революции смогли посетить Родину. В 1992 году мы были восстановлены в российском гражданстве. С тех пор я совершила более шестидесяти визитов в Россию и другие государства, территории которых когда-то входили в Российскую Империю. Постоянно осуществляется наше взаимодействие с Русской Православной Церковью, развиваются контакты с другими традиционными исповеданиями. В Москве зарегистрирована и постоянно действует моя Канцелярия. Существует официальный сайт нашего Дома. Возрождена деятельность Императорских Орденов Святой Анны и Святителя Николая. Осуществляется ряд благотворительных программ в России и в ближнем зарубежье. На международном уровне я и мой сын стараемся по мере сил способствовать укреплению положительного образа нашей страны. Мне удалось добиться важнейшего правового решения о реабилитации Императора Николая II, его семьи, других казнённых членов нашей династии и их верных служителей. Так что многое уже достигнуто, и процесс реинтеграции неуклонно развивается. Окончательно мы вернёмся, когда будет решён вопрос о правовом статусе Императорского Дома как исторической кор-

порации. Это уже произошло в Болгарии, Румынии, Сербии, Венгрии, Албании, Италии, Франции, Португалии и ряде других республиканских стран. Не вижу причин, почему Россия должна быть исключением.

– **Как складывается ваша жизнь в Мадриде?**

– Повседневная жизнь такая же, как у большинства людей. Все практические хозяйственные вопросы я должна решать сама. Это в традициях нашей семьи, и я считаю такой образ жизни наиболее ценным опытом, который пригодится в любом случае.

За последние годы многие традиции испанского общества, к сожалению, стали разрушаться. Но при желании ещё можно найти приятные места – магазины, мастерские, небольшие уютные рестораны, где сохранился типичный испанский колорит.

Кроме обычных забот, конечно, у меня есть много других дел – участие в благотворительных, культурных и иных общественных мероприятиях, встречи с соотечественниками, поездки в другие страны, где существует русская диаспора.

– **Есть ли у вас программа действий?**

– Правильнее сказать, у меня всегда есть план работы на ближайший год и чёткое общее представление о том, чем я должна заниматься в принципе.

Я не политик, которому нужно декларировать программу действий, 90% которой, как правило, оказывается демагогией.

Я не претендент на Престол, как некоторые пытаются представить. Пока Престола нет, а если он будет возрождён, то на него не может быть претендентов – исторический закон о наследовании всегда указывает на единственное лицо, которое может этот Престол занять. В этой бесспорности личности верховного арбитра, каковым является Государь, одно из главных преимуществ монархии.

Я Глава Российского Императорского Дома, и моя программа заключается не в стремлении к власти, а в сохранении монархического идеала государства-семьи, в содействии возрождению традиций, морально-нравственных устоев, правовой культуры, дружбы и мира между братскими народами, в укреплении гражданского общества и всероссийского цивилизационного пространства.

О восстановлении монархии говорить явно преждевременно. Если монархическая государственность когда-то в будущем окажется вновь востребована нашим народом, я, мой сын или наши законные наследники исполним свой долг. Мы прекрасно отдаём себе отчет в современных реалиях и стремимся быть полезными своей Родине независимо от того, какая у неё форма правления.

Иван Александрович ИЛЬИН

(28 марта 1883 – 21 декабря 1954)

Из книги «Наши задачи»

«Такие пространства, такое число народностей, таких склонных к индивидуализму людей можно сплотить исключительно централизованным единым государством, можно удержать исключительно авторитарной (не путать с тоталитарной) формой правления. Россия может иметь собственные, самостоятельно возникающие организованные формы авторитарного государства и демократического государства – в единстве. Именно этим – не случайностью и не деспотией московского центра – объясняется то, что Россия на протяжении веков оставалась монархией, притом все сословия и профессиональные цеха вырабатывали и практиковали своеобразные формы самоуправления».

«Русский народ выйдет из революции нищим. Ни богатого, ни зажиточного, ни среднего слоя, ни даже здорового, хозяйственного крестьянина – не будет вовсе. Нищее крестьянство, пролетаризованное вокруг «агрофабрик» и «аггродорогов»; нищий рабочий в промышленности; нищий ремесленник, нищий горожанин... Это будет народ «бесклассового общества»; ограбленный, но отнюдь не забывший ни того, что его ограбили, ни того, что именно у него отняли, ни тех, кто его подверг «экспроприации»... Все будут бедны, переутомлены и ожесточены. Государственный центр, ограбивший всех, исчезнет; но государственная монетная единица, оставшаяся в наследство наследникам, будет обладать минимальной покупательной силой на международном рынке и будет находиться в полном презрении на внутреннем рынке. И трудно себе представить, чтобы государственное имущество, награбленное и настроенное, было оставлено коммунистами в хозяйственно-цветущем виде: ибо оно, по всем видимостям, пройдет через период ожесточенной борьбы за власть. Итак, предстоит нищета граждан и государственное оскудение: классическое последствие всех длительных революций и войн... Подорваны все духовные и все социальные основы демократии – вплоть до оседлости, вплоть до веры в труд, вплоть до уважения к честно нажитому имуществу. В клочки разодрана ткань национальной солидарности. Повсюду скопилась невиданная жажда мести. Массы мечтают о том, чтобы стряхнуть с себя гипноз подлого страха и ответить на затяжной организованный террор бурным дезорганизованным террором».

«И в этот момент им предложат: 1. «Демократическую свободу»; 2. «Право всяческого самоопределения» и 3. «Доктрину народного суверенитета».

Кто же будет отвечать за неизбежные последствия этого?.. Лозунг «демократия немедленно и во что бы то ни стало» один раз привёл уже в России к тоталитарной диктатуре. Он грозит такой же диктатурой и впредь, но уже антикоммунистической... Или они попытаются создать новый «демократический фашизм», чтобы, воспевая свободу, попирать её от лица новой, неслыханной в истории псевдodemократии?.. Если что-нибудь может нанести России, после коммунизма, новые, тягчайшие удары, то это именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании демократический строй. Ибо эта тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии, без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность, и всплывание на поверхность всё новых и новых антикоммунистических тиранов... Если в народе нет здравого правосознания, то демократический строй превращается в решето злоупотреблений и преступлений. Беспринципные и пронырливые люди оказываются продажными, знают это друг про друга и покрывают друг друга: люди творят предательство, наживаются на этом и называют это «демократией»».

«И вот когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг: «Народы бывшей России, расчленийтесь!» – то откроются две возможности: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмёт в свои крепкие руки «бразды правления», погасит этот гибельный лозунг и поведёт Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране; или же такая диктатура не сложится, и в стране начнётся непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмищений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия. Тогда Россия будет охвачена анархией и выдаст себя с головой своим национальным, военным, политическим и вероисповедным врагам... Пройдут годы национального опаматования, оседания, успокоения, уразумения, осведомления, восстановления элементарного правосознания, возврата к частной собственности, к началам чести и честности, к личной ответственности и лояльности, к чувству собственного достоинства, к неподкупности и самостоятельной мысли, – прежде чем русский народ будет в состоянии произвести осмысленные и непогибельные политические выборы. А до тех пор его может повести только национальная, патриотическая, отнюдь не тоталитарная, но авторитарная – воспитующая и возрождающая – диктатура... После большевиков Россию может спасти – или величайшая государственная дисциплинированность русского народа или же национально-государственно-воспитывающая диктатура... Спасти страну от гибели может только строгий авторитарный (отнюдь не тоталитарный!) режим... При

таких условиях национальная диктатура станет прямым спасением, а выборы будут или совсем неосуществимы, или окажутся мнимыми, фикцией, лишённой правообrazующего авторитета».

«...Многие думают: ... или тоталитарная диктатура – или формальная демократия. А между тем в самой этой формулировке уже указываются новые исходы: 1. Диктатура, но не тоталитарная, не коммунистическая; диктатура, организующая новую неформальную демократию, а потому демократическая диктатура; не демагогическая, «сулящая» и развращающая, а государственная, упорядочивающая и воспитывающая; не угасающая свободу, а приучающая к подлинной свободе. 2. Демократия, но не формальная, не арифметическая. Не прессующая массовые недоразумения и частные вожделения; демократия, делающая ставку не на человеческого атома и не безразличная к его внутренней несвободе, а на воспитываемого ею, самоуправляющегося, внутренне свободного гражданина; демократия качественности, ответственности и служения – с избирательным правом, понятым и осуществлённым по-новому. А за этими двумя возможностями скрывается множество новых политических форм в разнообразнейших сочетаниях. Начиная с новой, творческой, чисто русской народной монархии».

«Только такая диктатура и может спасти Россию от анархии и затяжных гражданских войн. Чтобы приучить людей к свободам, надо давать их столько, сколько они в состоянии принять и жизненно наполнить, не погубляя себя и своего государства; безмерная и непосильная свобода всегда была и всегда будет – сущим ядом. Чтобы пробудить правосознание в народе, надо воззвать к его чести, оградить его от погромных эксцессов властными запретами и предоставить на усмотрение народа не более того, чем сколько он сумеет поднять и понести, не погубляя себя и своего государства. Безмерные полномочия никогда не приводили к добру, а только вызывали политическое опьянение и разнуздание страстей. И ныне ни одна государственная конституция не предоставляет ни одному народу таких полномочий... Чтобы приучить людей к государственно-верному изволению, надо начинать с ограниченного права голоса: давать его только оседлым, только семейным, только работающим, только никогда не служившим компартии, только возрастно зрелым, только приемлемым и для избирателей и для национальной власти. Иными словами: надо начинать с системы не имущественных цензов, обеспечивающих необходимый минимум почвенности, честности и государственного смысла, с тем чтобы в дальнейшем, по мере оздоровления народа и страны, расширять круг голосующих. Всё остальное было бы доктринёрским безумием и погублением России... Твёрдая, национально-патриотичес-

кая и по идее либеральная диктатура, помогающая народу выделить кверху свои подлинно лучшие силы и воспитывающая народ к трезвлению, к свободной лояльности, к самоуправлению и к органическому участию в государственном строительстве... верность обязательствам и договорам, чувство собственного достоинства и чести».

«Сократить период самочинной мести, бесчинной расправы и соответствующего нового разрушения – сможет только национальная диктатура, опирающаяся на верные войсковые части и быстро выделяющая из народа наверх кадры трезвых и честных патриотов... Диктатору, спасающему страну от хаоса, необходимы: воля, сдерживаемая чувством ответственности, грозное импонирование и всяческое мужество, военное и гражданское... Сущность диктатуры в кратчайшем решении и в полновластии решающего. Для этого необходима одна, личная и сильная воля. Диктатура есть по существу своему учреждение военно-образное: это есть своего рода политическое полководчество, требующее глазомера, быстроты, приказа и повиновения... Никакой коллегиальный орган не овладеет хаосом, ибо он сам по себе уже заключает начало распада... В час опасности, беды, смятения и необходимости мгновенных решений-приказов – коллегиальная диктатура есть последняя из нелепостей... Диктатура имеет прямое историческое призвание – остановить разложение, загородить дорогу хаосу, прервать политический, хозяйственный и моральный распад страны. *И вот есть в истории такие периоды, когда бояться единоличной диктатуры значит тянуть к хаосу и содействовать разложению...*¹ Во главе становится единоличный диктатор, делающий ставку на духовную силу и на качество спасаемого им народа... Эту ставку на свободную и благую силу русского народа должен сделать будущий диктатор. При этом качеству и таланту должна быть открыта дорога вверх с самого низа. Необходимый отбор людей должен определяться не классом, не сословием, не богатством, не пронырливостью, не закулисными нашествиями или интригами и не навязыванием со стороны иностранцев, – а качеством человека: умом, честностью, верностью, творческой способностью и волею. России нужны люди совестливые и храбрые, а не партийные выдвиженцы и не наймиты иноземцев... Итак, национальный диктатор должен будет: 1. Сократить и остановить хаос; 2. Немедленно начать качественный отбор людей; 3. Наладить трудовой и производственный порядок; 4. Если нужно будет, оборонить Россию от врагов и расхитителей; 5. Поставить Россию на ту дорогу, которая ведёт к свободе, к росту правосознания, к государственному самоуправлению, величию и расцвету национальной культуры».

¹ – Курсив редколлегии.

«Политика имеет задания: властно внушаемая солидаризация народа, авторитетное воспитание личного, свободного правосознания. Оборона страны и духовный расцвет культуры; созидание национального будущего через учёт национального прошлого, собранного в национальном настоящем... Современный русский политик начертит нам строй, в котором лучшие и священные основы монархии впитают в себя всё здоровое и сильное, чем держится республиканское правосознание. Он начертит нам строй, в котором естественные и драгоценные основы истинной аристократии окажутся насыщенными тем здоровым духом, которым держатся подлинные демократии. Единовластие примирится с множеством самостоятельных изволений; сильная власть сочетается с творческой свободой; личность добровольно и искренно подчинится сверхличным целям и единый народ найдёт своего личного главу, чтобы связаться с ним доверием и преданностью. И всё это должно совершиться в вековых традициях русского народа и русского государства. И притом – не в виде «реакции», а в формах творческой новизны. Это будет новый русский строй, новая государственная Россия».



Катя ЗАРХ «Дождь в городе».
Бум., акв., тушь; 30х20 см.

ο πλατωνισμός ο πατριωτισμός ο πνευματισμός π³



Иван Александрович Ильин



Владимир Сергеевич Соловьёв

Философия любви Владимира Сергеевича Соловьёва

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

1-е послание Коринфянам, 13:4-8.

Пол... меньше всего выражается в совокуплении и деторождении... Розанов – мистик в мещанстве, имея в виду точное социологическое значение этого последнего слова... Это показывает, что ему... не ясно, что совокупление есть вульгаризация брака.

А. Ф. Лосев. «Диалектика мифа».

Владимир Сергеевич Соловьёв (16 января 1853 г. – 31 июля 1900 г.), говорил А. В. Мень, подобно Ломоносову, соединил в себе всё. Он был не только великим философом и великим поэтом, но и литературным критиком, переводчиком Платона (лучшего перевода на русский язык «Протагора» пока нет), публицистом, общественным деятелем. Ему принадлежат 60 словарных статей в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона.

Уже в 21 год 24 ноября 1874 г., В. С. Соловьёв успешно защищает магистерскую диссертацию «Кризис западной философии (против позитивистов)», а в 1880 г. – докторскую диссертацию «Критика отвлечённых начал». Одна за другой выходят его блистательные произведения: «История и будущность теократии» (1887), «Смысл любви» (1892 – 1894), «Оправдание добра» (1894 – 1897), «Три разговора» (1900). Одним из центральных моментов философии В. С. Соловьёва является учение о положительном всеединстве.

1. Бог есть любовь

Истинное знание является результатом эмпирического, рационального и мистического познания в их взаимосвязи. Рациональная форма знания не теряет свой смысл, а лишь дополняется привнесением жизненного начала. Философия, основанная на этих началах, стремится соединить полноту содержания духовных созерцаний Востока с логическим совершенством западной формы. В её задачи входит осуществление универсального синтеза науки, философии и религии. Объективное значение знания, его логическая необходимость и связь возможны только в том случае, если абсолютное начало – Бог – как всеединство придаст миру характер завершённой органической системы. Та же самая внутренняя связь, существующая между Богом

и миром, имеет место во всех других положительных проявлениях существования. Цельное познание реальности в целом неизбежно приводит к христианскому мировоззрению, которое зиждется на учении о Богочеловечестве, т.е. Божестве и человеке, воплощенных во Христа. История такого воплощения «...естественно завершается личным соединением живого Бога со *всем существом* человека – с разумной душой и материальным телом».

Абсолютное есть единство всего, что существует. Абсолютное первоначало выше действительного содержания и реальной формы. Абсолютное первоначало выше бытия и силы. Всякое существование, будучи относительным и, следовательно, множественным, является по отношению к абсолютному *его другим*. Если бы абсолютное оставалось «другое», то это другое было бы границей или отрицанием абсолютного и, следовательно, абсолютное было бы «ограниченным, исключительным и несвободным», т.е. оно уже не было бы абсолютным. Следовательно, абсолютное первоначало «есть единство себя и своего отрицания». Отсюда следует, что абсолютное начало есть любовь, потому что оно – самоотрицание существа и утверждение им другого.

Христианское учение зиждется на откровении и говорит о Боге как о личности, как о трёх ипостасях. Три абсолютные ценности – благо, истина и красота – соответствуют трём ипостасям Святой Троицы.

Ценности, носителями которых являются эти три лица, суть просто различные формы *любви*, если под этим словом понимать «всякое внутреннее единство, всякое изнутри идущее соединение многих». Таким образом, «благо есть единство всего или всех, т. е. любовь как желаемое («единство *существенное*»)), «Истина есть та же любовь, т.е. единство всего, но уже как объективно представляемое: это есть единство идеальное». «Наконец, красота есть та же любовь (т.е. единство всех), но как проявленная или осязуемая: это есть единство *реальное*».

Принцип «Софии» имеет всеобъемлющее значение для мира и поэтому может получить различные определения из различных точек зрения. София как относительно пассивное начало, посвящённое Богу и получающее от него свою форму, есть вечная Женственность. «Для Бога Его другое (т. е. вселенная), – говорит Соловьёв, – имеет от века образ совершенной Женственности, но Он хочет, чтобы этот образ был не только для него, но чтобы он реализовался и воплотился для каждого индивидуального существа, способного с ним соединиться. К такой же реализации и воплощению стремится и сама вечная Женственность, которая не есть только бездейственный образ в уме Божиим, а живое духовное существо, обладающее всею полнотою сил и дей-

ствий. Весь мировой и исторический процесс есть процесс её реализации и воплощения в великом многообразии форм и степеней».

2. Смысл любви

Три произведения Соловьёва «София», «Жизненная драма Платона» и «Смысл любви» непосредственно затрагивают тему смысла любви.

В «Смысле любви» и «Жизненной драме Платона» Соловьёв «договаривает мысли Диотимы» в «Пире» Платона, но выходит за пределы платоновской концепции, так как связывает «смысл» любви не с индивидуальным «преображением», а с конечной задачей истории, охватывающей всё человечество в его прошлом, настоящем и будущем. Драма Платона как раз и состояла, по Соловьёву, в том, что, «подойдя *мыслью* к задаче любви», он в действительности не дал началу любви «победы на деле» и отступил перед стоявшей пред ним задачей. Соловьёв признаёт, что «любовь существует пока лишь в своих зачатках или задатках», но, как разумное сознание не сразу достигло высшей творческой формы, так и любовь существует и там, где есть лишь её задаток, хотя она в нём и не реализуется.

«Истинный человек, — читаем в статье «Смысл любви», — в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих. *Создать* истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение, это и есть собственная ближайшая *задача* любви». Постоянно подчёркивая, что дело идёт о половой любви и *только о ней*, В. С. Соловьёв в то же время настойчиво указывает, что и «житейское и в особенности физиологическое соединение (мужчины и женщины) не имеет определённого отношения к любви: оно бывает без любви и любовь бывает без него».

«...если таким образом на двух концах животной жизни мы находим, с одной стороны, размножение без всякой половой любви, а с другой стороны, половую любовь без всякого размножения, то совершенно ясно, что эти два явления не могут быть поставлены в неразрывную связь друг с другом, — ясно, что каждое из них имеет своё самостоятельное значение и что смысл одного не может состоять в том, чтобы быть средством другого».

«Тут мы встречаемся с популярной теорией, которая, признавая вообще половую любовь за средство родового инстинкта, или за орудие размножения, пытается, в частности, объяснить индивидуализацию любовного чувства у человека как некоторую хитрость или обольщение, употребляемое природою или мировую волей для достижения её особых целей».

«Управляющая жизнью человечества сила, которую одни называют мировой волей, другие – бессознательным духом и которая на самом деле есть Промысл Божий, несомненно, распоряжается своевременным порождением необходимых для её целей провиденциальных людей, устраивая в длинных рядах поколений должные сочетания производителей ввиду будущих, не только ближайших, но и отдаленнейших, произведений. Для этого провиденциального подбора производителей употребляются самые разнообразные средства, но любовь в собственном смысле, т. е. исключительное индивидуализованное и экзальтированное половое влечение, не принадлежит к числу этих средств».

«Видеть смысл половой любви в целесообразном деторождении – значит признавать этот смысл только там, где самой любви вовсе нет, а где она есть, отнимать у неё всякий смысл и всякое оправдание. Эта мнимая теория любви, сопоставленная с действительностью, оказывается не объяснением, а отказом от всякого объяснения».

Соловьёв употребляет слово «сизигия», которое он заимствует у гностиков-валентиниан, делая подстрочную оговорку: «Я принуждён ввести это новое выражение, не находя в существующей терминологии другого, лучшего. Замечу, что гностики употребляли слово «сизигия» в другом смысле и что вообще употребление еретиками известного термина еще не делает его еретическим».

У Соловьёва этот термин обозначает отношение человеческой личности и общественной сферы в софийном, преображенном состоянии человечества. *Но сизигическая любовь у Соловьёва – вершина половой любви*, к тому же это по преимуществу любовь обожествляющая, перерождающая, связывающая со всеобщей истиной: «сила же этого духовно-телесного творчества в человеке есть только превращение, или *обращение внутрь*, той самой творческой силы, которая в природе, будучи обращена наружу, производит дурную бесконечность физического размножения организмов».

Целью сизигической любви, по Соловьёву, является всемирный организм, установление связи человеческой личности с природой и обществом, воплощение всеединой идеи во внутренней жизни человечества и материальной природы. Но Платон на этой стадии не останавливается: выше вещественного рождения уровня идеального, эпоптического рождения, – любовь к прекрасному телу, к прекрасному в телах вообще, любовь к душе, её проявлениям и «образам», любовь к знанию всех видов вещей. «Предел эротического знания – слияние с сущностью вещей, любовь даже уже не к идеальному знанию, но к самой идее. Результат такой любви – рождение «истинной добродетели».

«Любовь начинается с лицемерия «идеального образа» любимого существа и в дальнейшем развивается в «такое сочетание двух данных ограниченных существ, которое создавало бы из них одну абсолютную идеальную личность...». Смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма. «Есть только одна сила, которая может изнутри, в корне, подорвать эгоизм, и действительно его подрывает, именно любовь, и главным образом любовь половая». Говоря о половой любви и её действительном значении, Соловьёв имеет в виду не «физиологическое соединение», которое приводит к деторождению и не может «воссоздать цельность человеческого существа», а «соединение в Боге», т. е. платоническую, «духовную любовь», обращающую любящих друг друга мужчину и женщину в одного «цельного человека», способного одержать «победу над смертью». Истинная духовность такого человека, восстановившего своё единство, является в то же время «перерождением, спасением, воскресением». «...Образ и подобие Божие, то, что подлежит восстановлению, относится не к половине, не к полу человека, а к целому человеку, т. е. к положительному соединению мужского и женского начал – истинный андрогинизм – без внешнего смешения форм – что есть уродство, и без внутреннего разделения личности и жизни – что есть несовершенство и начало смерти».

Стараясь выразить смысл «Смысла любви» одной фразой, как это всегда и во всем любил делать Алексей Фёдорович Лосев, можно сказать, что основной смысл «Смысла любви» выражен следующей фразой В. С. Соловьёва (из данной работы):

«...половая любовь и размножение рода находятся между собою в обратном отношении, чем сильнее одно, тем слабее другая».

3. Любовь к народу

Христианское государство должно проводить *христианскую политику*. В области международных отношений такое государство должно содействовать «мирному сближению народов». Решая вопрос об отношениях между народами, Соловьёв использовал заповедь Христа о любви к ближнему. Соловьёв объясняет, что это требование («Люби все другие народы, как свой собственный») «вовсе не означает *психологической одинаковости* чувства, а только *этическое равенство* волевого отношения: я должен так же хотеть истинного блага всем народам, как и своему собственному; эта «любовь благоволения» одинакова уже потому, что истинное благо едино и нераздельно. Разумеется, такая этическая любовь связана и с психологическим понима-

нием и одобрением положительных особенностей всех чужих наций: преодолев нравственную волею бессмысленную и невежественную национальную вражду, мы начинаем знать и ценить чужие народности, они начинают нам нравиться». «Если такое отношение станет действительным правилом, то национальные различия сохранятся и даже усилятся, сделаются более яркими, а исчезнут только враждебные разделения и обиды, составляющие коренное препятствие для нравственной организации человечества».

Соловьёв полагал, что заповедь Христа о любви к ближнему должна распространяться на отношения между народами, ибо каждый народ оказывается на деле лишь особою формой всемирного содержания, живущего в нем, наполняющегося им и воплощающего его не для себя только, а для всех. Своё утверждение Соловьёв подкрепляет яркими примерами из истории христианских народов.

Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего. Так, француз говорит о *прекрасной Франции* и о французской *славе*; англичанин с любовью говорит: *старая Англия*; немец поднимается выше и, придавая этический характер своему национальному идеалу, с гордостью говорит: *немецкая верность*. «Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он её прекрасной или старой, говорит ли он о русской славе или о русской честности и верности? Вы знаете, что ничего такого он не говорит, и, желая выразить свои лучшие чувства к Родине, говорит только о *«святой Руси»*. Вот идеал: не консервативный и не либеральный, не политический, не эстетический, даже не формально-этический, а идеал нравственно-религиозный».

Соловьёв настаивал на необходимости создания цельной культуры, цельности политической и общественной жизни на основе начал христианства. Он был вынужден с горечью признать, что многие прогрессивные реформы прошедших столетий были проведены в основном неверующими.

«Те, которые ужаснутся этой мысли, что Дух Христов действует через неверующих в Него, будут неправы даже со своей догматической точки зрения. Если Дух Христов может действовать через неверующего священнослужителя в церковном таинстве, почему же он не может действовать в истории через неверующего деятеля, особенно когда верующие изгоняют его? Дух дышит, где хочет».

В своей жизни и философском творчестве Соловьёв был смелым поборником абсолютного Добра, которое будет достигнуто в Царствие Божием. Он резко осуждал всякую попытку оправдать эгоизм, какими бы благовидными целями тот ни прикрывался. Соловьёв критиковал эгоизм в национальной жизни

за его притворное служение народным интересам, а в религиозной жизни – за его утверждение, что только одна вера может привести к спасению. Подобные утверждения Соловьёв считал проявлениями сектантского тщеславия.

В. С. Соловьёв поставил перед собой задачу освящения духовных основ нашей земной жизни, ибо только благодаря их развитию и претворению в жизнь можно обрести Царство Божие, т. е. «достичь полного осуществления божественной и человеческой природы через богочеловека Христа, или, другими словами, обрести полноту человеческой жизни, соединенной во Христе с полнотой Бога». Нравственный идеал христианства – это абсолютная, всеобъемлющая любовь, порождающая область бытия, свободного от борьбы за существование и всякого, даже малейшего насилия. В наши дни этот идеал может иметь смысл только в том случае, если законы физики и психологии, т. е. законы нашего ограниченного земного существования, будут признаваться относительными, а любовь утвердится не только как душевное состояние индивидуума, а как метафизический принцип, активно преобразующий мир и порождающий новую небесную и новую земную жизнь – Град Божий, в котором посредством взаимопроникновения всех существ каждое из них будет свободно от ограничений, накладываемых на него естественной необходимостью.

Русская философия в лице В. Соловьёва и его последователей придаёт особое значение концепции конкретно существующих идеальных принципов (логос, София, Адам, Кадмон, душа всякого индивидуума) и их воплощению. Абстрактные идеальные начала как таковые неспособны дать миру единство и определённость. Более того, абстрактные идеальные принципы обуславливают только *царство закона*. *Царство милости* есть область конкретных, индивидуальных проявлений любви.

Владимир Соловьёв и его последователи рассматривали христианство как религию жизни и абсолютной полноты духовного и телесного бытия. Поэтому Соловьёв уделяет большое внимание учению о преображении плоти, т. е. одухотворённой, обожествленной материи, воскресению тела.

За гробом на Новодевичье кладбище Москвы шли Трубецкие, родственники усопшего, профессор, студенты, какие-то нищие. В глазах Анны Шмидт были и слезы и тихий экстаз. Быть может, она верила, что её безответный возлюбленный воскреснет. Над могилой (рядом с отцом) были произнесены речи, читались его стихи:

*Смерть и Время царят на земле, –
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.*



Калерия СОКОЛОВА

Largo appassionata

«L. van Beethoven. 2 Son. (op. 2, No 2). Largo Appassionato» – таков эпиграф к «Гранатовому браслету» А.И. Куприна.

Почему именно эту сонату – «у Бетховена самое лучшее произведение...» выбрал Куприн для «фона» к повести о большой любви, «которая повторяется только один раз в тысячу лет»?

Преподаватель музыки сказала мне однажды: «Largo appassionato – готовый тест для твоих приятелей и подруг. Если человек, будь то мужчина или женщина, ребёнок или старик, задумается, загрустит, прослезится, знай: это «твой» человек. Если же останется равнодушным... Можешь проводить его до дверей».

Каждая фортепианная соната Бетховена «рассчитана» на определённый жизненный случай. Великий композитор оставил своеобразное музыкальное лекарство от неурядиц и психологических проблем. Захлестнули ли вас чувства или вы испытываете депрессию, вас что-то мучит или любовь ваша безответна, вы размышляете или желаете поделиться радостью, – на всё найдётся ответ и успокоение, – только прослушайте, сыграйте, напойте...

Вторая часть Второй бетховенской сонаты – Largo appassionato («широко и страстно») – философский трактат, призыв к размышлению и обдуманным поступкам.

Главная тема, рефреном проходящая через всё произведение – дума, которая не даёт покоя и терзает во сне. Иногда она прерывается воспоминаниями и надеждами – так основная тема сменяется необыкновенно мелодичными отступлениями, то тихими и спокойными, то весёлыми; но снова и снова главная мысль преследует нас. Наконец она перерастает в кульминационное фортиссимо – накал страстей, апогей переживаний. И после этого порыва, как после бурных слёз, наступает облегчение и радостный покой, наступает просветление, которое заметила Вера Николаевна на лице покойного Желткова.

Вторая соната – соната для принятия решений. Но каких решений?

«От тамаса к раджасу, от раджаса к саттве» – такую цепочку развития человека представляют нам Веды – сборник древних священных писаний на санскрите. Перевести это на русский можно так: от пассивности к агрессии, от агрессии к спокойствию.

Каждое решение либо приближает нас к саттве, либо толкает на нижние ступени.

Саттва – безусловная любовь, о которой «мечтает каждая женщина», любовь, которая отдаёт и дарит, не требует и не просит. Largo appassionato, «исключительное, единственное по глубине произведение», – гимн такой любви.



Катя ЗАРХ. «Австрийская площадь». Бум., акв., тушь. 30х40 см.; 2002

Анемподлист КАЙДАЛОВ

«Appassionata»

Ты знаешь, когда мне становится плохо,
Когда всё во мраке, и трудно дышать,
Ко мне старый немец, больной и оглохший,
Из прошлого века идёт утешать.

Он был из простых, человек незнатный,
Но есть среди сонат у него одна,
— Она называется «Appassionata», —
В ней гордость царственная видна.

Её ты слушаешь и постигаешь,
Что ты не кто-нибудь, ты — Человек.
Не раб, и ценность тебя другая,
И ходишь с короной на голове!

Все трудности жизни, они — ничтожны,
А ты в своих чувствах и мыслях — колосс.
А звуки взлетают, и ты с ними тоже,
И радостно, вольно и сладко до слёз!

И я ощущаю в себе Человека,
И новые силы вливает душа.
Глухой и несчастный из прошлого века
Приходит Бетховен меня утешать.

РУССКИЙ БАЛ



А. И. КУПРИН

Юнкера

Отрывок из романа

Глава XX Полонез

– Полонез, господа, приглашайте ваших дам, – высоким тенором восклицал длинный гибкий адъютант, быстро скользя по паркету и нежно позванивая шпорами. – Полонез! Дамы и господа, потрудитесь становиться парами.

Александров спустился по ступеням и стал между колоннами. Теперь его красавица с каштаново-золотистой короной волос стояла выше его и, слегка опустив голову и ресницы, глядела на него с легкой улыбкой, точно ожидая его приглашения.

– Позвольте просить вас на полонез, – сказал юнкер с поклоном.

Её улыбка стала ещё милее.

– Благодарю, с удовольствием.

Она сверху вниз протянула ему маленькую ручку, туго обтянутую тонкой лайковой перчаткой, и сошла на паркет зала со свободной грацией. «Точно принцесса крови», – подумал Александров, только недавно прочитавший «Королеву Марго». Под руку они подошли к строящемуся полонезу и заняли очередь. За ними поспешно устанавливались другие пары.

– Я видела, как вы делали реверанс нашей славной тапан, – сказала девушка. – У вас вышло очень изящно. Я сама знаю, как это трудно, когда ты одна, а на тебя со всех сторон смотрят.

– А в особенности насмешливые глаза хорошеньких барышень, – подхватил Александров.

– Признайтесь, вы сильно волновались?

– Скажу вам по секрету – ужасно! Руки, ноги точно связаны, и одна только мысль: не убежать ли, пока не поздно. Но я перехитрил самого себя, а вообразил, что я – это не я, а наш танцмейстер Пётр Алексеевич Ермолов. И тогда стало вдруг удобно.

Она весело засмеялась.

– И у нас тоже Ермолов. Он, кажется, везде. Но как я вас хорошо понимаю. Я тоже умею так передразнивать. Я иногда пригляжусь внимательно к чьей-нибудь походке: подруги, или классной дамы, или учителя, и постараюсь пройтись совсем-совсем точно они. И тогда мне вдруг кажется, что я как будто стала не собой, а этим человеком. Точно я за него и вижу, и слышу, и думаю, и чувствую. И характер его для меня весь открыт... Но по-

смотрите, посмотрите вперёд. – Она слегка пожала пальчиками его согнутую руку. – Видите, кто в первой паре?

В головной паре стояли, ожидая начала танца, директриса и граф Олсуфьев в тёмно-зелёном мундире (теперь на близком расстоянии Александров лучше различил цвета) и малиновых рейтузах. Стоя, начальница была ещё выше, полнее и величественнее. Её кавалер не достигал ей головой до плеча. Его худенькая фигура с заметно согбенной спиной, с осевшими тонкими ножками казалась ещё более жалкой рядом с его чересчур представительной парой, похожей на столичный монумент.

– Боюсь, смешной у них выйдет полонез, – сказал с притворным сожалением Александров.

– Ну вот, уж непременно и смешной, – заступилась его прекрасная дама. – Это ведь всегда так трогательно видеть, когда старики открывают бал. Гораздо смешнее видеть молодых людей, плохо танцующих.

Высокий адъютант закинул назад голову, поднял руку вверх к музыкантам и нараспев прокричал:

– Прошу! По-ло-нез!

Дама юнкера Александрова немного отодвинулась от него; протянула ему на уровне своего плеча красиво изогнутую, обнажённую и ещё полудетскую руку. Он с легким склонением головы принял её, едва касаясь пальцами кончиков её тоненьких пальцев.

Сверху, с хор, раздались вдруг громкие, торжественные и весело-гордые звуки польского вальса. Жестковатый холодок побежал по волосам и по спине Александрова.

– Это – Глинка, – сказал шёпотом Александров.

– Да, – ответила она так же тихо. – Из «Жизни за царя». Превосходно, я обожаю эту оперу.

Александров, не переставший глядеть вперёд, туда, где полукругом загибала вереница полонеза, вдруг пришёл в волнение и едва-едва не обмолвился, по дурной школьной привычке, чёрным словом.

– Ч... – но он быстро сдержался на разлёте. – Нет, вы полюбуйте, полюбуйте только, граф-то ваш и начальница. Охотно беру свои слова обратно.

И в самом деле, стоило полюбоваться этой парой. Выждав четыре такта, они начали полонез с тонкой ритмичностью, с большим достоинством и с милой старинной грацией. Совсем ничего не было в них ни смешного, ни причудливого. Директриса несла своё большое полное тело с необыкновенной лёгкостью, с пленительно-изящной простотой, точно коронованная особа, ласковая хозяйка пышного дворца, окружённая юными, прелестными фрейлинами. Все её движения были уверенны и женственны: на-



клоняла ли она голову к своему кавалеру или делала направо и налево, светло улыбаясь, тихие приветливые поклоны.

И граф Олсуфьев вовсе уже не был стар и хил. Бодрая героическая музыка выправила его спину и сделала гибкими и послушными его ноги. Да! Теперь он был лихой гусар прежних золотых, легендарных времён, гусар дуэлист и кутила, дважды разжалованный в солдаты за дела чести, коренной гусар, приятель Бурцева или Дениса Давыдова.

Недели прошли в тяжёлом походе и в дьявольских атаках, и вот вдруг бал в Вильно, по случаю приезда Государя, только что слезши с коня, едва успев переодеться и надушиться, он уже готов танцевать всю ночь напролёт, хотя весь и разбит долгой верховой ездой. Как великолепны взоры, которые Олсуфьев бросает на свою очаровательную даму!.. Тут и гусарская неотразимая победоносность, и рыцарское преклонение перед женщиной, для которой он готов на любую глупость, вплоть до смерти, и игривое лукавство, и каскады преувеличенных комплиментов, и жестокая гибель всем его соперникам, и легкомысленное обещание любви до гробовой доски или, по крайней мере, на сутки.

– Как они оба хороши, – говорит восхищенно Александров, – не правда ли, это какое-то чудо!

– Ну что же, я очень рада, что вы сначала ошиблись.

В это время музыка как раз возвращается к первым тактам полонеза. Александров знает твёрдо слова, которые здесь поёт хор, которые и он сам когда-то пел. Слегка наклонившись к красавице, он, – правда, не поёт, – но выговаривает речитативом:

*– Вчера был бой,
Сегодня бал,
Быть может, завтра снова в бой.
Вот оно, беззаботное веселье
между двумя смертями.*

– Нам начинать, – говорит его дама. Они выжидают, когда предыдущая пара не отойдёт на несколько шагов, и тогда одновременно начинают этот волшебный старинный танец, чувствуя теперь, что каждый шаг, каждое движение, каждый поворот головы, каждая мысль связана у них одними и теми же невидимыми нитями.

– Ах, как я счастлив, что попал к вам сегодня, – говорит Александров, не переставая строго следить за ритмом полонеза. – Как я рад. И подумать только, что из-за пустяка, но маленькой случайности, я мог бы этой радости лишиться и никогда её не узнать.

– Может быть, вам это только так кажется? Какая случайность?

– Я вам скажу откровенно. Сегодня я поехал на бал не по своей воле, а по распоряжению начальства.

– Ах, бедный, как я вас жалею!

– Ну да, по наряду. Я стал отговариваться. Я выдумывал всякие предлоги, чтобы не поехать, но ничего не помогло.

– Ах, несчастный, несчастный.

– Потому что я ещё третьего дня обещал знакомым барышням, что поеду с ними на ёлку в Благородное собрание.

– Воображаю, как они теперь на вас сердятся. Вы низко упали в их глазах. Такие измены никогда не прощаются. И воображаю, как вы должны скучать с нами, невольными виновницами вашей ужасной гибели.

– О нет, нет, нет! Я благословляю судьбу и настойчивость моего ротного командира. Никогда в жизни я не был и не буду до такой степени наверху блаженства, как сию минуту, как сейчас, когда я иду в полонезе рука об руку с вами, слышу эту прелестную музыку и чувствую...

– Нет, нет, – смеясь, перебивает его она. – Только, пожалуйста, не о чувствах. Это запрещено.

– О чувствах, приходящих мгновенно и сразу... овладева...

– Тем более, тем более. Танцуйте старательнее и не болтайте пустяков.

Она обмахивается веером. Она – девочка – кокетничает с юнкером совсем как взрослая записная львица. Серьёзные, почти строгие, гримаски она переплетает улыбками, и каждая из них по-разному выразительна. Её верхняя губа вырезана в чудесной форме туго натянутого лука, и там, где этот рисунок кончается с обеих сторон у щёк, там чуть заметные ямочки.

«Точно природа закончила изящный, неповторимый чертёж и поставила точки в знак того, что труд её – совершенство».

Так думает Александров, но полонез уже кончается. Александров доводит под руку свою даму до указанного ею места и низко ей кланяется.

– Могу ли я просить вас на вальс?

– Хорошо.

– И на первую кадрили.

Глава XXI Вальс

Вкрадчиво, осторожно, с пленительным лукавством раздаются первые звуки штраусовского вальса. Какой колдун этот Рябов. Он делает со своим оркестром такие чудеса, что невольно кажется, будто все шестнадцать музыкантов – члены его собственного тела, как, например, пальцы, глаза или уши.

Еще находясь под впечатлением пышного полонеза, Александров приглашает свою даму церемонным, изысканным поклоном. Она встаёт. Легко и доверчиво её левая рука ложится, чуть прикасаясь, на его плечо, а он обнимает её тонкую, послушную талию.

– В три темпа или в два? – спрашивает Александров.

– Если хотите, то в три, а уж потом в два.

В этот момент она, сняв руку с плеча юнкера, поправляет волосы над лбом. Это почти бессознательное движение полно такой наивной, простой грации, что вдруг душою Александрова овладевает знакомая, тихая, как прикосновение крылышка бабочки, летучая грусть. Эту кроткую, сладкую жалость он очень часто испытывал, когда его чувств касается что-нибудь истинно прекрасное: вид яркой звезды, дрожащей и переливающейся в ночном небе, запахи резеды, ландыша и фиалки, музыка Шопена, созерцание скромной, как бы не сознающей самое себя женской красоты, ощущение в своей руке детской, копошащейся и такой хрупкой ручонки.

В этой странной грусти нет даже и намёка на мысль о неизбежности смерти всего живущего. Такого порядка мысли ещё далеки от юнкера. Они придут гораздо позже, вместе с внезапным ужасающим открытием того, что ведь и я, я сам, я, милый, добрый Александров, непременно должен буду когда-нибудь умереть, подчиняясь общему закону.

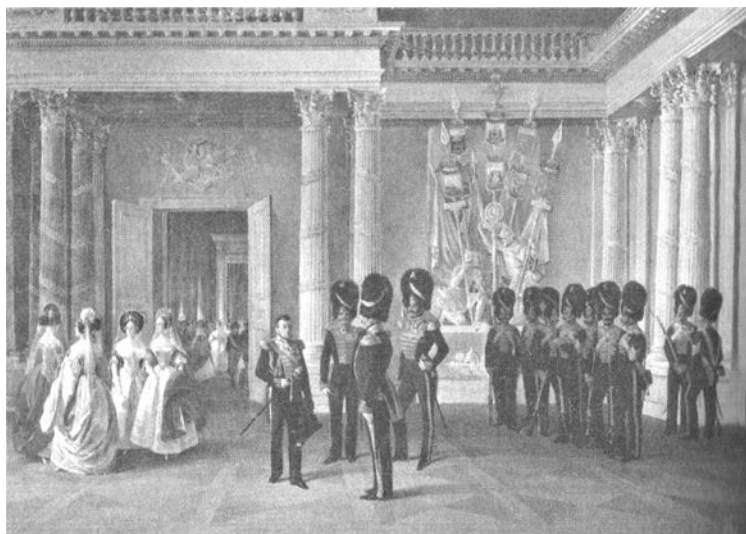
О, какая гадкая и несправедливая жестокость! Такой зловещий страх он испытывал однажды ночью во время случайной бессонницы, и этот страх его уже никогда больше не покидает. Нет. Эта грустная мгновенная тревога – другого свойства. Её объяснить ни себе, ни другому Александров никогда не сумел бы. Она, скорее всего, похожа на сожаление, что этот, вот этот

самый момент уйдёт назад, и уже ни за что его не вернёшь, не догонишь. Жизнь безмерна, богата. Будет другое, может быть, очень похожее, может, почти такое же, но та секунда уплыла навсегда...

Должно быть, Александров инстинктивно так влюблён в земную заманчивую красоту, что готов боготворить каждый её осколочек, каждую пылинку. Сам этого не понимая, он похож на скупого и жадного миллионера, который никому не позволяет прикоснуться к своему золоту, ибо к чужой руке могут пристать микроскопические частички обожаемого металла.

Александров не только очень любил танцевать, но он также и умел танцевать; об этом, во-первых, он знал сам, во-вторых, ему говорили товарищи, мнения которых всегда столь же резки, сколь и правдивы; наконец, и сам Пётр Алексеевич Ермолов на ежесубботних уроках нередко, хотя и сдержанно, одобрял его: «Недурно, господин юнкер, так, господин юнкер». В каждый отпуск по четвергам и с субботы до воскресенья (если только за единицу по фортификации Дрозд не оставлял его в училище) он плясал до изнеможения, до упаду в знакомых домах, на вечеринках или просто так, без всякого повода, как тогда неистово танцевала вся Москва. Но и оставаясь у себя дома, он всегда имел пару в лице старшей сестры Зины, такой же страстной танцовки, причем музыку он изображал голосом. Сестра танцевала прекрасно, но всегда оставалась недовольна.

— Ты очень ловкий кавалер, Алёша, — говорила она, но, понимаешь, ты всё-таки брат, а не мужчина. С тобою я, как в институте, шерочка с машерочкой. Или точно играешь на немом пианино.



Он ей отвечал не менее любезно:

– А я тебя обнимаю, точно куклу из папье-маше. Мне кажется, ты хоть и танцуешь превосходно, но сама неодушевленная.

Однако никогда ещё в жизни не случилось Александрову танцевать с такой ловкостью и с таким наслаждением, как теперь. Он почти не чувствовал ни веса, ни тела своей дамы, их движения дошли до той полной согласованности и так слились с музыкой, что казалось, будто у них – одна воля, одно дыхание, одно биение сердца. Их быстрые ноги касались скользкого паркета лишь самыми кончиками «цыпочек». И оттого было в их танце чувство стремления ввысь, чудесное ощущение воздушного полёта во вращательном движении, блаженная лёгкость, почти невесомость.

Подымались и опускались, вздрагивая, огни множества свечей. Веял лёгкий тёплый ветер от раздувшихся одежд, из-под которых показывались на секунду стройные ноги в белых чулках и в крошечных чёрных туфельках или быстро мелькали белые кружева нижних юбок. Слегка, нежно звенели шпоры и пёстрыми, разноцветными, глянцевыми реющими красками отражали бал в сияющем полу. А сверху лился из рук весёлых волшебников, как ритмическое очарование, упоительный вальс. Казалось, что кто-то там, на хорах, в ослепительном свете огней жонглировал бесчисленным множеством бриллиантов и расстилал широкие полосы голубого бархата, на который сыпались сверху золотые блёстки.

И какие-то сладко опьяняющие голоса пели о том, что этому томному танцу – танцу-полёту – не будет конца.

Не глядя, видел, нет, скорее чувствовал Александров, как часто и упруго дышит грудь его дамы в том месте, над вырезом декольте, где легла на розовом теле нежная тень ложбинки. Заметил он тоже, что, танцуя, она медленно поворачивает шею то налево, то направо, слегка склоняя голову к плечу. Это ей придавало несколько утомлённый вид, но было очень изяшно. Не устала ли она?

И точно отвечая на его безмолвный вопрос, – это было так естественно и понятно в этот необыкновенный вечер, – она сказала:

– Это я нарочно так делаю. Чтобы не кружилась голова.

Случалось так, что иногда её причёска почти касалась его лица; иногда же он видел её стройный затылок с тонкими, вьющимися волосами, в которых, точно в паутине, ходили спиралеобразно сияющие золотые лучи. Ему показалось, что её шея пахнет цветом бузины, тем прелестным её запахом, который так мил не вблизи, а издали.

– Какие у вас славные духи, – сказал Александров. Она чуть-чуть обернула к нему смеющееся, покрасневшее от танца лицо.

– О нет. Никто из нас не душит, у нас даже нет душистых мыл.

– Не позволяют?

– Совсем не потому. Просто у нас не принято. Считается очень дурным тоном. Наша татап как-то сказала: «Чем крепче барышня надушена, тем она хуже пахнет».

Но странная власть ароматов! От неё Александров никогда не мог избавиться. Вот и теперь: его дама говорила так близко от него, что он чувствовал её дыхание на своих губах. И это дыхание... Да... Положительно, оно пахло так, как будто бы девушка только что жевала лепестки розы. Но по этому поводу он ничего не решился сказать и сам почувствовал, что хорошо сделал. Он только сказал:

– Я не могу выразить словом, как мне приятно танцевать с вами. Так и хочется, чтобы во веки веков не прекращался этот бал.

– Благодарю вас. С вами тоже очень удобно танцевать. Но вечность! Не слишком ли это много. Пожалуй, устанем. А потом надоест... соскучимся...

Но тут случилось маленькое приключение. Уже давно сквозь вихрь и мелькание вальса успел Александров приметить одного катковского лицеиста. Этот высокий и худой, несколько сутуловатый малый вальсировал какими-то резкими рывками, а левую руку, вместе с рукой своей дамы, он держал прямо вытянутою вперёд, точно длинное дышло. Всё это вместе было не так смешно, как некрасиво. Теперь он неуклюже вертелся вблизи Александрова и его дамы, подходя всё ближе и ближе, уже совсем готовый наехать на них. Желая выйти из его орбиты, Александров стал осторожно обходить его слева, выпустив руку своей дамы и слегка приподняв левую руку во избежание толчка. Но в эту секунду лицеист, совершенно не умеющий лавировать, ринулся на них со своим двуконным дышлом. Александров успел отвести удар и предупредить столкновение, но при этом, не теряя равновесия, сильно пошатнулся. Невольно лицо его уткнулось в плечо девушки, и он губами, носом и подбородком почувствовал прикосновение к нежному, горячему, чуть-чуть влажному плечу, пахнувшему так странно цветущей бузиной, нет, он вовсе не поцеловал её. Это неправда. Или нечаянно поцеловал? Во весь этот вечер и много дней спустя, а пожалуй, во всю свою жизнь он спрашивал себя по чести и совести: да или нет? Но так никогда и не разрешил этого вопроса.

Он только извинился и увидел, как быстро побежала красная краска по щекам, по шее, по спине и даже по груди прекрасной девушки.

– Я, кажется, немного устала, – сказала она. – Мне хочется отдохнуть. Проводите меня.

Он довёл её до галереи между колоннами, усадил на стул, а сам стал сбоку, немного позади. Увидев его смущённое, несчастное лицо, она пожалела его и предложила ему сесть рядом.

Они разговорились понемногу. Она сказала ему своё имя – Зинаида Бельшева.

– Только мне оно не очень нравится. Отдельно Ида – это ещё ничего, это что-то греческое, но Зинаида – как-то громоздко. Пирамида, кариатида, Атлантида...

– Очень красиво – Зина, – подсказал юнкер.

– Да, для мамы и папы, – схитрила она. – Но вы, может быть, не знаете, что есть мужское имя Зина?

– Признаться, не слышал.

– Да, да. Я уж не помню, у кого это, у Тургенева или у Толстого, есть какой-то мужик Зина. И кажется, не очень-то порядочный.

– А Зиночка?

– Это ничего ещё. Так меня зовут родные. А младший брат – просто Зинка-резинка.

– Я вас буду мысленно называть Зиночкой, – сболтнул юнкер.

– Не смейте. Я вам это не позволяю, – сказала она, непринуждённо смеясь.

– Но кто же может знать и контролировать мысли? – возразил Александр, слегка наклоняясь к ней. Она воскликнула с увлечением:

– Вы сами. Мало быть честным перед другими, надо быть честным перед самим собою. Ну вот, например: лежит на тарелке пирожное. Оно – чужое, но вам его захотелось съесть, и вы съели. Допустим, что никто в мире не узнал и никогда не узнает об этом. Так что же? Правы вы перед самим собою? Или нет?



Юнкер поклонился головою.

– Сдаюсь. Мудрость глаголет вашими устами. Позвольте спросить: вы, должно быть, много читали?

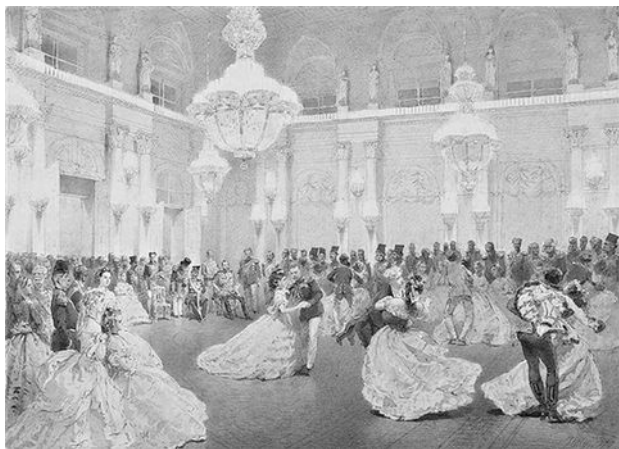
И тут девочка рассказала ему кое-что о себе. Она дочь профессора, который читает лекции в университете, но, кроме того, даёт в Екатерининском институте уроки естественной истории и имеет в нём казённую квартиру. Поэтому ее положение в институте особое. Живет она дома, а в институте только учится. Оттого она гораздо свободнее во времени, в чтении и в развлечениях, чем её подруги...

– А теперь пойдёмте ещё потанцуем, – сказала она, вставая. – Только не в два па. Я теперь пригляделась и нахожу, что это только вертушка и притом очень некрасивая, и, пожалуйста, подальше от этого лицеиста. Он так неуклюж.

И она опять слегка покраснела.

Глава XXII Ссора

Они танцуют третью кадрили. Их визави Жданов с прехорошенькой воспитанницей. Эта маленькая девушка, по виду почти девочка, кажется Александру похожей на ожившую новую фарфоровую куклу. У неё пушистые волосы цвета кокосовых волокон, голубые глаза, блестящие, как эмаль; круглые румянцы на щеках, точно искусственно наведенные, и крошечный алый ротик – вишенка. Обо всех её прелестях нельзя иначе говорить и думать, как в уменьшительном виде. Она постоянно улыбается, сверкая беленькими остренькими зубками. Она веселится от всей души: вертится, оглядывается, трясёт головою и светлыми кудряшками, её ручки и ножки в беспрестанном нетерпеливом движении.



– Не правда ли, как мила? – вполголоса спрашивает Зиночка.

Александров наклоняется к ней.

– Просто прелесть, – говорит он. – Она, наверно, получила бы первый приз на выставке.

Зиночка смотрит на него с лёгким недоверием.

– На какой выставке? Я вас не поняла.

– На кукольном базаре. Знаете, это меня всегда удивляло: как только люди хотят сказать высшую похвалу красивой барышне, они непременно скажут: ну, точь-в-точь куколка. Я не поклонник такой красоты.

Зиночка сердится и как будто неприятно:

– Я не предполагала, что вы такой злой. Нина Забелло – это моя лучшая подруга, и у нас все её любят. Она самая умная, самая добрая, самая весёлая. А вы – Зоил.

«Зоил... вот так название. Кажется, откуда-то из хрестоматии? – Александру давно знакомо это слово, но точный смысл его пропал. – Зола и ил... Что-то не особенно лестное, не философ ли какой-нибудь греческий, со скверною репутацией женоненавистника?» Юнкер чувствует себя неловко.

– Тогда прошу простить, – смиренно говорит он. – Как приятно иметь такого верного друга, как вы. Я пошутил, и, признаюсь, неловко. Теперь я вижу, что мадемуазель Забелло очаровательна.

Зиночка опускает длинные тёмные ресницы, прикрывая чуть заметную лукавую улыбку глаз.

– Вы правы, – говорит она с кротким вздохом. – Я бы очень хотела быть такой, как она.

Юнкер чувствует, что теперь наступил самый подходящий момент для комплимента, но он потерялся. Сказать бы: «О нет, вы гораздо красивее!» Выходит коротко и как-то плоско. «Ваша красота ни с чем и ни с кем не сравнима». Нехорошо, похоже на математику. «Вы прелестнее всех на свете». Это, конечно, будет правда, но как-то пахнет штабным писарем. Да уж теперь и поздно. Удобная секунда промелькнула и не вернётся. Ах, как досадно. Какой я тюлень!

Но оркестр играет вторую ритурнель. Мотив её давно знаком юнкеру. Это кадрили – попури из русских песен. Он знает наивные и смешные слова:

*Нет, нет, нет,
Она меня не любит.
Нет, нет, нет,
Она меня погубит.*

Замешательство Александра все растёт. С незапамятных лет установилось неизбежное правило: во время кадрили и особенно в промежутках между фигурами кавалеру полагается во что бы то ни стало занимать свою даму

быстрой, непрерывной, неиссякаемой болтовнёй на всевозможные темы. Но Александров с удивлением и с тоской замечает, что все его кадрилиные слова приклеились у него где-то в глубине гортани и никак не отклеиваются, он уже во второй раз спросил Зиночку: «Нравится ли вам сегодняшний бал?» – и, спросив, покраснел от стыда, поперхнулся и совсем некстати перескочил на другой вопрос: «Любите ли вы кататься на коньках?» Зиночка вовсе не помогала ему, отвечая (нарочно сухо, как показалось юнкеру): да и нет.

Ах, как мучительно завидовал он в эти тяжёлые минуты беззаботному и неутомимому, точно заводному, Жданову. Разговор у него бежал, как водопад, сверкал, как фейерверк, не останавливаясь ни на миг. Пошлёт же судьба человеку такой замечательный талант! Прodelывая без увлечения, по давнишней привычке, разные шассе, круазе, шен и бальянсе, Александров всё время ловил поневоле случайные отрывки из той чепухи, которую уверенной, громкой скороговоркой нёс Жданов: о фатализме, о звёздах, духАх и дУхах, о Царь-пушке, о цыганке-гадалке, о липком пластыре, о канарейках, об антоновских яблоках, о лунатиках, о Наполеоне, о значении цветов и красок, о пострижении в монахи, об ангорских кошках, о переселении душ и так далее без начала, без конца и без всякой связи. Его дама, маленькая Ниночка Забелло, радостно хохотала, закидывая назад свою светло-серебристую кукольную головку и хмуря глаза. Александров окончательно падает духом. Ни одно лёгкое слово не идёт на язык. Оркестр, как нарочно, поддразнивает его в пятой фигуре:

Нет, нет, нет,

Она меня не любит... –

И бедный юнкер с каждой минутой чувствует себя все более тяжёлым, неуклюжим, некрасивым и робким. Классная дама, в тёмно-синем платье, со множеством перламутровых пуговиц на груди и с рыбьим холодным лицом, давно уже глядит на него издали тупым, ненавидящим взором мутных глаз. «Вот тоже: приехал на бал, а не умеет ни танцевать, ни занимать свою даму. А ещё из славного Александровского училища. Постыдились бы, молодой человек!»

Ужасно много времени длится эта злополучная кадриль, наконец, она кончена.

– Гран-рон!² – кричит адъютант, весело раскатываясь на рр...

Зиночка Бельшева от гран-рон отказывается.

– Я не люблю этой тесноты и толкотни, – говорит она.

Но Александрову и без лишних слов совершенно ясно, что вовсе не этот путаный, затейливый танец, а именно его, юнкера Александра, не любит Зиночка.

² – Большой круг (от фр. grand rond).

Зиночка садится на стуле в галерее, за колоннами. Юнкер только что собирается со страхом и надеждой в душе присесть возле неё, как она тотчас же подымается.

– Простите. Меня зовёт подруга.

И, быстро мелькая чёрными туфельками и белыми чулочками, свободно и грациозно лавируя между танцующими, она торопливо перебегает на другую сторону зала.

«Всё кончено», – говорит густым трагическим басом кто-то внутри Александра.

Однако Зиночка побежала совсем не к подруге. Александров следил за нею. Она остановилась перед синей дамой с рыбьим лицом, выслушала, наклонив прелестную каштановую головку, несколько сказанных дамою слов и чинно села рядом с нею. «При чём же здесь подруга? – подумал огорчённый юнкер. – Просто ей хочется отделаться от меня...»

Но нет. Вот она бросила на юнкера через всю залу быстрый, вовсе, казалось, не враждебный взгляд и тотчас же, точно испугавшись, отвела его и ещё строже выпрямилась на стуле, чуть-чуть осторожно косясь на синюю классную даму. «Неужели это всё – только коварная игра?»

Мрачный, ероша свою причёску бобриком, нервно пощипывая чуть пробивающийся пушок на верхней губе, дожидается Александров конца затянувшегося гран-рон и наконец дождался. Распорядитель объявляет польку-мазурку. «Ещё попытка! Самая последняя, а там будь что будет. Ах, жаль, что нельзя, бросив бал, уехать прямо домой, на Пресню. Необходимо явиться в училище и там ночевать. А всё этот упрямый Дрозд».

Под резвые, скачущие, лихие звуки польки-мазурики Александров поспешно пробирается к тому месту, где сидит Зиночка. Он уже близко от неё. Всего десять, пятнадцать шагов. Но откуда ни возьмись появляется перед нею, спиной к Александрову, усталый, пресыщенный паж. С какой небрежностью он поклонился, как снисходительно, нехотя, обнял её грациозную тонкую талию. И он совсем нарочно не хочет делать па танца. Он лишь равнодушно и даже отчасти брезгливо шагает в такт. «Ого! Осмелился ли бы он так, спустя рукава, танцевать во дворце или в знатном петербургском доме? Для него здесь только Москва, жалкая провинция, а он, блестящий паж её величества или высочества, будет потом с презрительной улыбкой говорить о московских смешных кузинах. Да. Охотно повстречался бы я с этим белобрысым, прилизанным фазаном где-нибудь с глазу на глаз, без посторонних свидетелей!» – думает Александров, изо всей силы напрягая мускулы крепкого тела.

Паж сделал круг и посадил Зиночку на её место, чуть-чуть мотнув головой. Александров торопливо подбежал и старательно поклонился:

– Можно просить вас?

– Ах! Только не теперь... Я ужасно устала.

Александров медленно отступает к галерее. Там темнее и пусто. Обращается, и что же он видит? Тот самый катковский лицеист, который танцевал вальс, высунув вперёд руку, подобно дышлу, стоит, согнувшись в полупоклоне, перед Зиной, а та встаёт и кладёт ему на плечо свою руку, медленно склоняя в то же время прекрасную головку на стройной гибкой шее.

Больше Александров не хочет и не может смотреть. Теперь он уверенно знает, что им совершена какая-то грубая, непростимая ошибка, какая-то нелепая и смешная неловкость, которую загладить уже нет ни времени, ни возможности... Пойти объясниться? Просить прощения? Нет, это значило бы громоздить глупость на глупость... Ни раздражения, ни упрёка нет у него в душе против Зины. Распускалось, расцветало какое-то лёгкое, чудесное, сверкающее счастье и вдруг померкло, исчезло. Весь мир теперь для юнкера вдруг окрасился жёлтым тоном, тусклым и скучным, точно он надел жёлтые очки.

Звуки резвой музыки кажутся унылыми. Печально колеблются огни оплывших огарков в люстрах и шандалах, лица, которые он видит, – все стали некрасивы, несимметричны и бледны.

Тоска!

Только что входит Александров в большой зал, поднимаясь по ступенькам галереи, как распорядитель торжественно объявляет:

– Последний танец! Вальс!

Через всю залу, по диагонали, Александров сразу находит глазами Зину. Она сидит на том же месте, где и раньше, и быстрыми движениями веера обмахивает лицо. Она тревожно и пристально обегает взором всю залу, очевидно кого-то разыскивая в ней. Но вот её глаза встречаются с глазами Александра, и он видит, как радость заливает её лицо. Нет. Она не улыбается, но юнкеру показалось, что весь воздух вокруг неё посветлел и заблестел смехом. Точно сияние окружило её красивую голову. Её глаза звали его.

Он видел, подходя к ней, как она от нетерпения встала и резким движением сложила веер, а когда он был в двух шагах от неё и только собирался поклониться, она уже приподымала машинально, сама этого не замечая, левую руку, чтобы опустить её на его плечо.

– Что же вы совсем убежали от меня? Как вам не стыдно? – сказала она, и эти простые, ничего не значащие слова вдруг теплым бархатом задрожали в груди Александра.

– Я... я... собственно... – начал было он. Но она перебила его:

– Да, вы, вы, вы. Не нужно ни о чем говорить. Теперь будем только танцевать вальс. Раз-два-три, – подсчитывала она под темп музыки, и они закружились опять в блаженном воздушном полёте.

И тут Зиночка, щекоча невольно его висок своими тонкими волосами, дыша на него порою своим чистым, свежим дыханием, в двух словах развеяла причину их странной молчаливой ссоры издали.

На балах начальство строго следило, чтобы воспитанницы не танцевали с одним и тем же кавалером несколько раз подряд. Это уж было бы похоже на предпочтение, на какое-то избранничество, наконец, просто на кидаящееся в глаза взаимное ухаживание. Синяя дама с рыбьей головой сделала Зиночке замечание, что она слишком много уделяет внимания юнкеру Александру, что это слишком кидается в глаза и, наконец, становится совсем неприличным.

– Во время третьей кадрили она так и пронизывала меня глазищами, и теперь вы понимаете, что я чувствовала себя как связанная.

– Она и на меня так же глядела, – сказал Александров. – Мне даже пришло в голову, что если бы между мной и ею был стеклянный экран, то её взгляд сделал бы в стекле круглую дырочку, как делает пуля. Ах, зачем же вы мне сразу не сказали?

– У нас уж такая этика. Мы можем наших классных дам всячески изводить, но жаловаться посторонним – это не принято. Но теперь мне всё равно. *J' ai jeté le bonnet par dessus les moulins*³. Завтра она пожалуется папе.

– А папа?

– Папа будет от души смеяться. Ах, папочка мой такая прелесть, такой душенька. Но довольно об этом. Вы больше не дуетесь, и я очень рада. Ещё один тур. Вы не устали?



³ – Я пустилась во все тяжкие (фр.).

Евгений БАРАТЫНСКИЙ

* * *

Блится тысячью огней
Обширный зал; с высоких хоров
Гудят смычки; толпа гостей;
С приличной важностию взоров,

В четках узорных, распашных,
Ряд пёстрый барынь пожилых
Сидит. Причудницы от скуки
То поправляют свой наряд,

То на толпу, сложивши руки,
С тупым вниманием глядят.
Кружатся дамы молодые,
Пылают негой взоры их;

Огнём каменьев дорогих
Блещат уборы головные.
По их плечам полунагим
Златые локоны летают;

Одежды лёгкие, как дым,
Их лёгкий стан обозначают.
Вокруг пленительных Харит
И суетится и кипит

Толпа поклонников ревнивых;
С волненьем ловят каждый взгляд:
Шутя несчастных и счастливых
Из них волшебницы творят.

В движение все. Горя добиться
Вниманья лестного красы,
Кавалерист крутит усы,
Франт штатский чопорно острится.



Александр ПУШКИН**Евгений Онегин*****Отрывок из романа*****Глава первая****XXVIII**

Вот наш герой подъехал к сениям;
Швейцара мимо он стрелой
Взлетел по мраморным ступеням,
Расправил волосы рукой,
Вошёл. Полна народу зала;
Музыка уж греметь устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругом и шум и теснота;
Бренчат кавалергарда шпоры;
Летают ножки милых дам;
По их пленительным следам
Летают пламенные взоры,
И рёвом скрыпок заглушён
Ревнивый шёпот модных жён.

XXIX

Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума:
Верней нет места для признаний
И для вручения письма.
О вы, почтенные супруги!
Вам предложу свои услуги;
Прошу мою заметить речь:
Я вас хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, поостороже
За дочерьми смотрите вслед:
Держите прямо свой лорнет!
Не то... не то, избави боже!
Я это потому пишу,
Что уж давно я не грешу.

Глава пятая

XLII

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремел мазурки гром,
В огромной зале всё дрожало,
Паркет трещал под каблуком,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, как дамы,
Скользим по лаковым доскам.
Но в городах, по деревням
Ещё мазурка сохранила
Первоначальные красы:
Припрыжки, каблуки, усы
Всё те же: их не изменила
Лихая мода, наш тиран,
Недуг новейших россиян.



Афанасий ФЕТ

Бал

Когда трепещут эти звуки
И дразнит ноющий смычок,
Слагая на коленях руки,
Сажусь в забытый уголок.
И, как зари румянец дальный
Иль дней былых немая речь,
Меня пленяет вихорь бальный
И шевелит мерцанье свеч.
О, как, ничем неукротимо,
Уносит к юности былой
Вблизи порхающее мимо
Круженье пары молодой!
Чего хочу? Иль, может статься,
Бывалой жизнью дыша,
В чужой восторг переселяться
Заране учится душа?

Граф Алексей Константинович ТОЛСТОЙ

* * *

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдалённой свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моём сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь –
Я вижу печальные очи,
Я слышу весёлую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грёзах неведомых сплю...
Люблю ли тебя – я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

Графиня Евдокия РОСТОПЧИНА

Искушение

(отрывок)

Вам, судьи строгие, вам недоступен он,
Ребяческий восторг на праздниках весёлых!
Вы не поймете нас, – ваш ум предубеждён,
Ваш ум привык коснеть в мышлениях тяжёлых.
Чтоб обаяние средь света находить,
Быть надо женщиной иль юношей беспечным,
Бесспорно следовать влечениям сердечным,
Не мудрствовать вотще, радушный смех любить...

А я, я женщина во всём значенье слова,
Всем женским склонностям покорна я вполне;
Я только женщина, – гордиться тем готова,
Я бал люблю!.. отдайте балы мне!

Николай ГУМИЛЁВ

Старина

Вот парк с пустынными опушками,
Где сонных трав печальна зыбь,
Где поздно вечером с лягушками
Перекликаться любит выпь.

Вот дом старинный и некрашенный,
В нём словно плавает туман,
В нём залы гулкие украшены
Изображением пейзаев.

Мне суждено одну тоску нести,
Где дед раскладывал пасьянс
И где влюблялись тётки в юности
И танцевали контреданс.

И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна
Такая скучная и тёмная,
Незолотая старина...

Николай ЛИСТОВ

* * *

Я помню вальса звук прелестный
Весенней ночью в поздний час,
Его пел голос неизвестный,
И песня чудная лилась.

Да, то был вальс прелестный, томный,
Да, то был дивный вальс!

Теперь зима, и те же ели
Покрыты сумраком стоят,



А под окном шумят метели,
И звуки вальса не звучат...

Где ж этот вальс старинный, томный,
Где ж этот дивный вальс!

Алексей ПЛЕЩЕЕВ

* * *

Когда я в зале многолюдной,
Тревогой тайною томим,
Внимаю Штрауса звукам чудным,
То полным грусти, то живым;
Когда пестреет предо мною
Толпа при свете ярких свеч;
И вот, улыбкой молодою
И белизной прозрачных плеч
Блистая, ты ко мне подходишь,
В меня вперяя долгий взор;
И разговор со мной заводишь,
Летучий, бальный разговор...
О, отчего так грустно, больно
Мне станет вдруг?.. Тебе едва
Я отвечаю, и невольно
На грудь клонится голова.

И всё мне кажется, судьбою
На муки ты обречена,
Что будет тяжкою борьбою
И эта грудь изнурена;
Что взор горит огнём страданья,
Слезу напрасно затая;
Что безотрадное рыданье
За смехом звонким слышу я!
И жаль мне, жаль тебя — и слёзы
Готовы кануть из очей...

Иван БУНИН

Вальс

Похолодели лепестки
Раскрытых губ, по-детски влажных —
И зал плывёт, плывёт в протяжных
Напевах счастья и тоски.
Сиянье люстр и зыбь зеркал
Слились в один мираж хрустальный
И веет, веет ветер бальный
Теплом душистых опахал.

Марина ЦВЕТАЕВА

Генералам двенадцатого года

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,
И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!
Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери, – вчера
Малютки-мальчики, сегодня –
Офицера!

Вам все вершины были малы
И мягок самый чёрствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

Ах, на гравюре полустёртой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвёртый,
Ваш нежный лик.

И Вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...

О, как, мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало – трое!
Лишь мёртвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли!

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли остриё –
И весело переходили
В небытиё.



Мария Алексеевна Дмитриева

Мария Алексеевна Дмитриева – организатор и руководитель «Школы танцев и светской культуры». Она проводит занятия по историческим бальным танцам, а также балы, литературные и музыкальные вечера, пикники, выезды в театр – все это проводится в духе реконструкции, т.е. с воссозданием духа времени посредством этикета, костюмов, танцев и окружающей обстановки. Балы в русском стиле преследуют цель – дать ощутить атмосферу бала и прикоснуться к русской культуре XIX века. Как пишет М. А.



Дмитриева, «в нынешнее время перемен – когда невозможное возможно и существуют самые разнообразные виды творчества – каждый человек, в поисках себя в этом мире, окунается во множество видов деятельности, и, в конце концов – счастлив тот, кто себя находит. Так произошло и со мной, когда, шесть лет назад я стала приобщаться к эпохе XIX века через исторические танцы, балы и костюмы. Постепенно все переросло в понимание моей социальной цели – восстановлению аристократических традиций посредством проведения балов и салонных вечеров, общеобразовательных лекций и преподавания танцев для детей и взрослых – где основное внимание уделено русской дворянской культуре. У каждого, чья душа стремится к прекрасному, есть возможность приобщиться к XIX столетию. Ведь в наших силах воплощать в жизнь лучшее из прошлого!»





Язык веера

Язык веера, появившись во Франции, перекочевал вместе с веером и в Россию. Человеком своего времени он «читался» в процессе разговора, по перемене положения веера, движению руки, по количеству открывшихся и мгновенно закрывшихся отдель-

ных «листочков». Хотя веер находился в руках женщины, знать все тонкости тайного языка должен был мужчина, которому адресовались послания.

Это был тайный язык влюблённых, поэтому в портретах XVIII века изображения дам с веером встречаются нечасто, а если они и есть, веер, как правило, «молчит» (он закрыт). Это вполне объяснимо: портрет предназначался для потомков, и подробностей интимного характера в нём отражать не предполагалось.

В 1911 году в Москве вышел сборник правил хорошего тона, в котором несколько страниц посвящено искусству владения веером: «Хороший тон. Сборник правил, наставлений и советов, как следует вести себя в разных случаях домашней и общественной жизни», составленный «по лучшим русским и иностранным источникам А. Комильфо». В этом сборнике рассказано о значении цвета веера и о «языке веера».

- «Чтобы выразить «да», следует приложить веер левой рукой к правой щеке.
- «Нет» – приложить открытый веер правой рукой к левой щеке.
- «Я вас не люблю» – сделать закрытым веером движение в сторону.
- «Мои мысли всегда с вами» – на треть открыть веер и легко провести им по лбу.
- «Я вас люблю» – правой рукой указать закрытым веером на сердце.
- «Не приходите сегодня» – провести закрытым веером по наружной стороне руки.
- «Приходите, я буду довольна» – держа открытый веер в правой руке, медленно сложить его в ладонь левой руки.

– «Будьте осторожны, за нами следят» – открытым веером дотронуться до левого уха.

– «Я хочу с вами танцевать» – открытым веером махнуть несколько раз к себе.

– «Молчите, нас подслушивают» – дотронуться закрытым веером до губ.

– «Следуйте за мной» – похлопывание закрытым веером по ноге сбоку («к ноге»), как остроумно прокомментировала преподаватель исторических балльных танцев в Санк-Петербургском Дворянском Собрании);

– «Я готова следовать за вами» – похлопывание закрытым веером по ноге спереди;

– «Отойдите, уступите дорогу» – сложенный веер, направленный на мужчину;

– «Убирайтесь прочь, вон!» – резкий жест сложенным веером рукоятью вперед.

– «Я к вам не чувствую приязни» – открыть и закрыть веер, держа его перед ртом.

– «Вы меня огорчили» – быстро закрыть веер и держать его между сложенными руками.

– «Я не приду» – держать левую сторону открытого веера перед тем, с кем идёт разговор.

– «Я приду» – держа веер левой стороной перед тем, с кем идёт речь, прижать веер к груди и затем быстро махнуть в сторону собеседника.

– Волнение от известий – резкие быстрые взмахи;

– ожидание – похлопывание чуть раскрытым веером по раскрытой ладони;

– сомнение – закрывающийся веер;

– отрицание – закрытый веер;

– скромность, неуверенность – веер, раскрытый менее чем на четверть;

– одобрение – раскрывающийся веер;

– всеобъемлющая, безоговорочная любовь – полностью открытый веер;

– нерешительность – прикрывание половины лица и глаза веером, раскрытым на треть;

– кокетство – прикрытый подбородок и часть щеки с одновременным наклоном головы и улыбкой;

– поощрение, «я готова, жду» – замедленные помахивания веером раскрытым на 3/4

– благодарность – раскрывающийся веер с одновременным наклоном головы;

– невозможность – полураскрытый, опущенный вниз веер;

Если собеседник, пользующийся особым расположением, просит веер, то следует подавать его верхним концом, что означает симпатию, любовь, для выражения презрения веер подается ручкой, т. е. нижним концом. Подать же веер открытым не следует, так как это означает просьбу или же просто напращивание на любовь.





Феномен Л. А. Чарской

Ошеломляющий, массовый успех Лидии Чарской можно сравнить разве лишь с успехом у публики Александра Вертинского. Феномен Чарской у многих вызывал недоумение. Журнал «Русская школа» в девятом номере за 1911 г. сообщал: «В восьми женских гимназиях в сочинении, заданном учительницей на тему «Любимая книга», девочки почти единогласно указали произведения Чарской. В анкете, сделанной в одной детской библиотеке, на вопрос, чем не нравится библиотека, было получено в ответ: «Нет книг Чарской». Один из критиков в статье «За что дети обожают Чарскую», опубликованной в № 6 журнала «Новости детской литературы» за 1911 г., писал: «Она является властительницей дум и сердец современного поколения девочек всех возрастов. Все, кому приходится следить за детским чтением, и педагоги, и заведующие библиотеками, и родители, и анкеты, проведённые среди учащихся, единогласно утверждают, что книги Чарской берутся читателями нарасхват и всегда вызывают у детей восторженные отзывы и особое чувство умиления и благодарности...»

Критики либерального направления не хотели принимать литературных кумиров эпохи – Чарскую, Вербицкую, Арцыбашева, видя в их произведениях охранительные тенденции, не способствующие революционному развитию событий в России. Так Корней Чуковский в 1912 г. опубликовал серию литературных портретов, пытаясь развенчать и уничтожить литературных кумиров. Однако, как свидетельствуют современники, статья Чуковского о Чарской лишь удвоила её популярность. Не обошёл вниманием Чарскую и эсдэк (большевик) Вацлав Воровский, опубликовавший в августовском номере журнала «Зритель» за 1905 г. критический этюд о Чарской под названием «Цыпочка». Однако этот этюд вызвал у читающей аудитории России лишь чувство крайнего омерзения к автору этюда.

К слову заметим здесь, что уже в самом псевдониме, выбранном вчерашней воспитанницей института, как будто таился секрет её будущей популярности. У читающей публики было на слуху бальмонтское – «чуждый чарам чёрный чёлн...». Точно так же и в имени Воровского таился секрет его будущей «карьеры» изменника Родины. Ведь слово «вор» в его старинном употреблении вплоть до начала XIX века означало «государственный преступник, изменник, революционер, бунтовщик не против своего начальства, что абсолютно простительно, но против государя всяя Руси, чему нет, и не может быть прощения».

В разгар своего творческого благоденствия Чарская писала: «Если бы отняли у меня возможность писать, я перестала бы жить». Творческая жизнь Чарской окончилась в 1917 г. Тем самым и вообще жизнь для неё кончилась сразу — и вся. Её имя попало в списки запрещённых авторов, её книги были объявлены «буржуазно-мещанскими, сентиментальными, слащавыми, пошлыми и монархическими». Чарская была предана гражданской анафеме. Читать её книги не только не рекомендовалось, но и запрещалось. Когда девочек в советской школе первых лет советов хотели обидеть, им говорили: «Ты похожа на институтку из книг Чарской». Однако книги Чарской продолжали жить подпольной жизнью, и любовь к Чарской читателей не ослабевала. Все наши родители хорошо знали повести Чарской, с восторгом вспоминали о них, многим даже удалось сохранить отдельные её произведения в личных библиотеках. В 30-ые годы С. Я. Маршак писал, что революция не могла сохранить наследие прошлого, ломая систему буржуазного воспитания, она вымела все те книжки, которые открыто или тайно служили этой системе, называл произведения Чарской «благотворительно-приютской моралистикой». И он же признавал, что родители, выбирая книжку для своего ребёнка, застенчиво спрашивали у продавца:

— А нет ли чего-нибудь вроде «Счастливчика»?

«Убить» Чарскую, несмотря на её мнимую хрупкость и воздушность, — признавал всё тот же Маршак на первом Всесоюзном съезде писателей в 1934 г., — было не так-то легко. Ведь она и до сих пор продолжает... жить в детской среде, хотя и на подпольном положении».

Дети Чарскую не забыли и не разлюбили. Её книги тайно передавались из рук в руки. Отвечая Горькому, обратившемуся в 30-ых годах через газету к ребятам с вопросом, какие книги они читают и какие хотели бы почитать, дети называли Чарскую и объясняли, что любят её «за удаль, за сверканье шашки и вороных коней».

Сама же Чарская была обречена на голодное существование. В. Шкловский вспоминал: «Она... жила очень бедно. Мальчики и девочки приходили к Чарской убирать её комнату и мыть полы. Они жалели старую писательницу». Сохранилось очень мало свидетельств о нищенском существовании Чарской после 1917 г., но и они чрезвычайно красноречивы. Это полное благодарности письмо К. Чуковскому, включившему её имя в список для помощи особо нуждающимся писателям, а также её коротенькое письмо знаменитой актрисе Е. П. Корчагиной-Александровской, участвовавшей в благотворительном концерте, какую-то часть сбора от которого получила и Чарская: «Больная, не одетая, без обуви, я не могу даже лично поблагодарить Вас, мою родную».

Скончалась Лидия Алексеевна Чарская в 1937 г. и похоронена на Смоленском кладбище.

По стопам Чарской, под влиянием её повести «Смелая жизнь», написанной для юношества и прославляющей романтику подвига и славу русского воинства, повести, посвященной героине Отечественной войны 1812 г., первой женщине – офицере русской армии Надежде Андреевне Дуровой, были написаны в 1942 г. повесть Я. С. Рыкачева «Надежда Дурова» и пьеса А. К. Гладкова «Давным-давно» (по мотивам которой позже поставлен художественный фильм «Гусарская баллада»).

С середины 60-ых годов XX в. снова зазвучали читательские голоса – и какие! С благодарностью вспоминает о Чарской Вера Панова. Воздаёт должное Чарской Борис Васильев. Больше всего он благодарен Чарской за те незабываемые уроки любви к родной истории, которые он получил из её исторических повестей «Грозная дружина», «Дикарь» и «Княжна Джаваха». О «горячем детском увлечении» Чарской пишет Леонид Пантелеев, а когда старшие друзья посмеялись над ним, он высказывается ещё резче: «А я свидетельствую: любил, люблю, благодарен за всё то, что она мне дала как человеку и, следовательно, как писателю». Писательница Евгения Гинзбург, сумевшая выжить в большевических лагерях, писала: «И что это за гонения на Чарскую? Страшнее Чарской зверя нет! Сентиментально, видите ли. Так ведь для детей писала. Сначала надо к сердцу детскому обращаться, а потом к уму. Когда ещё ум разобраться сможет, а сердце уже сострадать научено. Больше всего боялись сострадания и жалости. Заметьте, сознательно безжалостность воспитывали».

И вот, настало время, Лидию Чарскую снова издают, а библиотекари достали из сырых фондов, подвалов сырые книги замечательной писательницы. Увы, и сегодня в большей части библиотек всё-таки нет полного собрания сочинений Лидии Чарской.

О чём бы ни писала Чарская, всегда и во всём она стремилась вызвать добрые чувства у юных читателей, «поддержать их интерес к окружающему, будить любовь к добру и истине, сострадание к бедным, священное пламя любви к родине», любовь ко всем без исключения народам России.

В годы учёбы на курсах, вечерами, когда маленький сын Юра и няня засыпали, Чарская жадно хваталась за перо и проводила за письменным столом целые ночи.

«Я буквально горю и сгораю, – вспоминала она, – лихорадочно набрасываю одну страницу за другою... Вижу далёкие образы, вижу светлые и тёмные стороны жизни. Обрисовываются два стройных образа девушек: одной – кроткий, нежный и печальный – институтской подруги, и другой – вольно-

любивый, гордый и свободный – кавказской княжны». В воображении возникают серые институтские стены, «белые девушки толпой проходят передо мною» с их радостями, горестями, весёлыми и печальными историями, их отроческим заточением. Но почему-то видятся ещё и высокие горы Кавказа. То, что было в жизни самой Чарской и то, что подсказывало ей воображение, постепенно складывалось в единые сюжеты. «Кроткая и нежная» институтская подруга получила имя Люды Влассовской, а другая – «дитя воображения», «второе я» Лидии Чарской – стала кавказской княжной Ниной Джавахой. Две первые повести – «Княжна Джаваха» и «Записки институтки» – сразу же овладели вниманием читателей. В существование Нины Джавахи поверили так, что на её могилу – к Новодевичьему монастырю приходили и приезжали издалека: никто не хотел верить, что такой могилы нет. «Памяти Нины Джавахи» посвятила стихотворение Марина Цветаева:

*...Ах, не растёт маслины ветка
Вдали от склона, где цвела!
И вот весной раскрылась клетка,
Метнулись в небо два крыла.*

*...Умолкло сердце, что боролось...
Вокруг лампы, образа...
А был красив гортанный голос!
А были пламенны глаза!*

*Смерть окончанье – лишь рассказа,
За гробом радость глубока.
Да будет девочке с Кавказа
Земля холодная легка!*

*Порвалась тоненькая нитка,
Испепелив, угас пожар...
Спи с миром, пленница-джигитка,
Спи с миром, крошка-сазандар.*

Вот стихотворение, которое Лидия Чарская посвятила своим институтским подругам и предпослала повести «Записки институтки»:

*Когда весёлой чередой
Мелькает в мыслях предо мною
Счастливых лет весёлый рой,
Я точно снова оживаю,
Невзгоды жизни забываю
И вновь мирюсь с своей судьбой...*



Работа Виктории БАЗЛОВОЙ-БОРЩЕВСКОЙ



Работа Софии фон ФРЕЙДОРФ

*Я вспоминаю дни ученья,
Горячей дружбы увлеченья,
Проказы милых школьных лет,
Надежды силы молодые,
И грёзы светлые, живые,
И чистой юности рассвет...*



Работа Софии фон ФРЕЙДОРФ

Повествование в «Княжне Джавахе» ведётся от лица Нины, в «Записках институтки» – от лица Люды Влассовской, и хотя за этими голосами стоит один и тот же автор, голос Нины кажется неповторимым. Именно этому голосу доверила Чарская, конечно, в совершенно иных сюжетных поворотах, рассказать о том, что болью и радостью ещё ни разу не высказанное, жило в её душе.

Примерно за двадцать лет Чарская написала около восьмидесяти книг. С ними к ней пришёл неслыханный успех, небывалая слава. Она стала безраздельным кумиром юного читателя. Сотни писем от детей и родителей шли к Лидии Алексеевне, была учреждена стипендия её имени. И в это время Чарская работала, много читала, изучала историю, философию, педагогику, продолжала, как в детстве, быть страстной любительницей спорта. Тираж журнала «Задушевное слово», где она постоянно печаталась, необычайно вырос, но она не стала от этого богаче: по свидетельству современников, её издатель заключил с ней постоянный контракт, и она обрадовалась, не предполагая, в какой окажется кабале. Денежная нужда постоянно преследовала её даже в зените славы.

Чарская рисует институтскую жизнь, ничего не утаивая. Критикам Чарской атмосфера её институтских повестей казалась «душной», изображенные ею воспитанницы слишком экзальтированными, даже истеричными. Каждый, кто учился, кто был молод, знает, что жизнь в эти годы именно такой и бывает, а «бури в стакане воды» – самые сильные бури. В такой атмосфере всегда называют грозы, психологические конфликты.

Чарская вообще любит показать ту, другую, «враждебную» сторону. С удивлением убеждается Лида Воронская, как скромно, почти бедно живёт классная дама, которую она жестоко обидела; с ужасом узнаёт, что, вынудив уйти из института фрейлину, она и её подруги лишили содержания целую семью. Взрослая девушка, уже стоящая на пороге новой жизни, она ещё глубже понимает, что есть только один путь: «осознать свою низость, свою вину», сделать всё возможное, чтобы эту вину загладить, – иначе жить будет невозможно, иначе замучит самый суровый страж – совесть. Как же иначе воспитывать нравственность? Неужели читать мораль? От этого эффект всегда бывает обратный!

Когда, сняв с себя камлотовые «мундиры» и надев «свои» юбки и платья, девушки прощаются со слезами и рыданиями друг с другом, с любимыми учителями, многим из них становится тревожно. Здесь ото всех бурь их защищают институтские стены, что ждёт их по ту сторону, будет ли хорошо им там?

Напутствуя их всех, «славных, юных, честных», их старший друг призывает их верить в себя и идти смело и бодро вперёд в жуткую незнакомую жизнь «на помощь близким, на утеху несчастным». Да, думает, слушая его, Лида Воронская: впереди счастье, свобода, впереди вся жизнь, целая жизнь! «И сколько хорошего можно сделать... сколько пользы принести... Вперёд же, вперёд, туда, навстречу пользе, радости, жизни!»

Не менее излюбленным, чем институтский, был для Чарской и другой сюжет: в основе его лежал путь скитаний и странствий героя. Для завязки такого сюжета существовало несколько вариантов, но какой бы вариант она ни выбрала (жестокая случайность разлучила родителей и ребёнка; ребёнка похитили; ребёнок потерялся и др.), главное заключалось в том, что маленький беспомощный человек оказывался один на один с огромным и чужим миром.

Сюжет для странствий мог быть и другой: побег, необходимость прийти на выручку и спасение – и тогда мелькали бешено скачущие кони, схватки над пропастью, узкие тропки, шашки и кинжалы, неминуемая гибель и неожиданное спасение («Вторая Нина», «Мой первый товарищ», «Людя Влассовская» – 2-я часть).

И в одном, и в другом случае всё кончалось благополучно: или, благодаря столь же невероятной случайности, потерявшиеся находили друг друга, или побеждали благородство, отвага, справедливость. И всё же не этой страницей определялось главное: счастливому финалу всегда предшествовал долгий путь, где единственным оружием для героя служили его человеческие качества. Излюбленный герой Чарской, даже униженный и оболганный, во всём оставался верен себе, верен глубоко заложенным в нём нравственным понятиям. Больше всего Чарская верила в силу доброты и милосердия, она была убеждена, что с их помощью можно выявить и вернуть человеку всё то хорошее, что могло быть затоптано жизнью. Заметим, что произведения Чарской, в которых описывается жизнь женских институтов, были рекомендованы для библиотек как раз мужских военных учебных заведений – кадетских корпусов и юнкерских училищ. Так, на конкретных примерах, воспитывалось рыцарское сословие Российской Империи.

В своё время Чарскую обвиняли в излишней, даже «аффектированной эмоциональности». Да, героини Чарской не скупилась на выражение чувств, они бросались друг другу на шею и покрывали руки поцелуями; они плакали и рыдали. Давали жаркие клятвы, горячо молились и были безогляды в своём милосердии и покаянии.

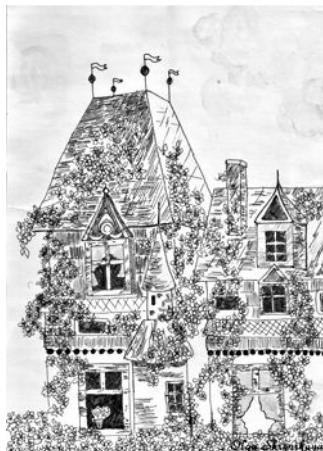
Героини и герои Чарской говорят прекрасным русским языком конца XIX – начала XX века. Отсюда несколько непривычный современному слуху строй речи, повторы, обилие притяжательных местоимений и т. д. К сожалению, герои телевизионного сериала «Институт благородных девиц» говорят временами на современном жаргоне и если образы воспитанниц института всё же соответствуют в общем и целом облику институток, то образы мужчин в данном сериале часто ни по внешнему облику, воспитанию, манере держаться, ни по уровню порядочности и благородства никак не дотягивают до мужчин дофевральской России. И всё же хорошо, что сериал о жизни института вышел на экраны.

В светлые праздники Рождества Христова и Пасхи из покоев «маман» в институтский зал сносились ковры, зеркала, из царских оранжерей привозились экзотические растения, накрывались столы, подавались жареные поросята, дичь, сладости, фрукты, различные морсы. Шло веселье с танцами, для которых специально приглашали кадет, институтки музицировали, читали стихи, участвовали в драматических действиях, а между праздниками тянулись будни со строгим распорядком дня, нарочито грубой пищей, постами и говением. При таком распорядке дня особенно запоминается бурное горе девочек по поводу смерти подруги или восторг в связи с посещением института августейшей четой.

Посещение в один из праздников Государем и Государыней института, приглашение воспитанниц петербургских институтов на утренник во дворец, приём во дворце по поводу вручения выпускницам медалей описаны Чарской «с натуры», живо и точно, с деталями, передающими атмосферу времени, волнение девочек.

Мы тоже приведём в альманахе именно тот отрывок из произведения Чарской, где описывается посещение Павловского института Августейшей четой Александра III и Александры Фёдоровны (принцессы Догмары), чтобы читатели смогли почувствовать тот блаженный воздух, которым наполнены произведения Лидии Чарской.

Использованы материалы статей Светланы Коваленко «Феномен Лидии Чарской», Е. Путиловой «Лидия Чарская и её книги», С. Асламовой «От какого наследия мы отказались» и К. Загоровской из книги «Сказки голубой феи».



Работа Ольги СКРЫНСКОЙ

Л. А. ЧАРСКАЯ

Из повести «Записки институтки»

Глава XVII

Высочайшие гости

Однажды, дней через десять по съезде институток, когда мы чинно и внимательно слушали немецкого учителя, толковавшего нам о том, сколько видов деепричастий в немецком языке, раздался громко и неожиданно густой и гулкий удар колокола.



«Пожар!» – вихрем пронеслось в наших мыслях. Некоторым сделалось дурно. Надю Фёдорову бесчувственную на руках вынесли из класса. Все повскакивали со своих мест, не зная, куда бежать и на что решиться.

Классная дама и учитель переглянулись, и первая торжественно произнесла:

– Bleibt ruhig, das ist die Kaiserin (успокойтесь, это Государыня)!

– Государыня приехала! – ахнули мы, и сердца наши замерли в невольном трепете ожидания.

Государыня! Как же это сразу не пришло в голову, когда вот уже целую неделю нас старательно готовили к приёму Высочайшей Посетительницы. Каждое утро до классов мы заучивали всевозможные фразы и обращения, могущие встретиться в разговоре с императрицей. Мы знали, что приезду лиц царской фамилии всегда предшествует глухой и громкий удар колокола, висевшего у подъезда, и всё-таки в последнюю минуту, ошеломлённые и взволнованные, мы страшно растерялись.

М-ле Арно кое-как успокоила нас, усадила на места, и прерванный урок возобновился. Мы видели, как менялась поминутно в лице наша классная дама, старавшаяся во что бы то ни стало сохранить присутствие духа; видели, как дрожала в руках учителя книга грамматики, и их волнение невольно заражало нас.

«Вот-вот она войдёт, давно ожидаемая, желанная гостья, войдёт и сядет на приготовленное ей на скорую руку кресло...» – выстукивало моё неуговорное сердце.



***Император Александр III
с супругой Марией Феодоровной***

Ждать пришлось недолго. Спустя несколько минут дверь широко распахнулась и в класс вошла небольшого роста тоненькая дама, с большими выразительными карими глазами, ласково глядевшими из-под низко надвинутой на лоб меховой шапочки, с длинным дорогим боа на шее поверх тёмного, чрезвычайно простого коричневого платья.

С нею была Матап и очень высокий широкоплечий плотный офицер, с открытым, чрезвычайно симпатичным, чисто русским лицом.

– Где же Государыня? – хотела я спросить Нину, вполне уверенная, что вижу свиту Монархини, но в ту же минуту почтительно выстроившиеся между скамей наши девочки, низко приседая, чуть не до самого пола, проговорили громко и отчётливо, отчеканивая каждый слог:

– Здравия желаем, Ваше Императорское Величество! И тотчас же за первой фразой следовала вторая на французском языке:

– Nous avons l'honneur de saluer Votre Majesté Impériale!!

Сомнений не было. Передо мною были Государь и Государыня.

«Так вот они!» – мысленно произнесла я, сладко замирая от какого-то нового, непонятного мне ещё чувства.

В моём впечатлительном и несколько мечтательном воображении мне представлялась совсем иная Царская чета. Мысль рисовала мне торжественное появление Монархов среди целой толпы нарядных царедворцев в богатых, золотом шитых, чуть ли не парчовых костюмах, залитыми с головы до ног драгоценными камнями...

А между тем передо мною простое коричневое платье и военный сюртук одного из гвардейских полков столицы. Вместо величия и пышности простая, ободряющая и милая улыбка.

– Здравствуйте, дети! – прозвучал густой и приятный бас Государя. – Чем занимались?

Матап поспешила объяснить, что у нас урок немецкого языка, и представила Царской чете М-лле Арно и учителя. Государь и Государыня мило стиво протянули им руки.

– А ну-ка, я проверю, как вы уроки учите, – шутливо кивнул нам головою Государь и, обедая класс глазами, поманил сидевшую на первой скамейке Киру Дергунову.

У меня замерло сердце, так как Кира, славившаяся своею ленью, не выучила урока, — я была в этом уверена. Но Кира и глазом не моргнула. Вероятно, её отважная белокурая головка с вздёрнутым носиком и бойкими глазёнками произвела приятное впечатление на Царскую чету, потому что Кира получила милостивый кивок и улыбку, придавшие ей ещё больше храбрости. Глаза Киры с полным отчаяньем устремились на учителя. Они поняли друг друга. Он задал ей несколько вопросов из прошлого урока, на которые Кира отвечала бойко и умело.

— Хорошо! — одобрил ещё раз Государь и отпустил девочку на место.

Потом его взгляд ещё раз obeжал весь класс, и глаза его остановились на миг как раз на мне. Смутный, необъяснимый трепет охватил меня от этого пронизательного и в то же время ласково-ободряющего взгляда. Моё сердце стучало так, что мне казалось — я слышала его биение... Что-то широкой волной прилило к горлу, сдавило его, наполняя глаза тёплыми и сладкими слезами умиления. Близость Монарха, его простое, доброе, отеческое отношение, его — великого и могучего, державшего судьбу государства и миллионов людей в этих мощных и крупных руках, — всё это заставило содрогнуться от нового ощущения впечатлительную душу маленькой девочки. Казалось, и Государь понял, что во мне происходило в эту минуту, потому что глаза его засияли ещё большею лаской, а полные губы мягко проговорили:

— Пойди сюда, девочка.

Взволнованная и счастливая, я вышла на середину класса, по примеру Киры, и отвесила низкий-низкий реверанс.

— Какие-нибудь стихи знаешь? — снова услышала я ласкающие густые, низкие ноты.

— Знаю стихотворение «Erlkönig», — тихо-тихо ответила я.

— Ihre Kaiserliche Majestät прибавляйте всегда, когда Их Величества спрашивают, шёпотом подсказал мне учитель.

Но я только недоумевающе вскинула на него глаза и тотчас же отвела их, вперив пристальный немигающий взгляд в богатырски сложенную фигуру обожаемого Россией Монарха. «Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?»... — начала я робким и дрожащим от волнения голосом, но чем дальше читала



*Государыня Императрица
Мария Феодоровна*

я стихотворение, выученное мною добросовестно к предыдущему уроку, тем спокойнее и громче звучал мой голос, и кончила я чтение очень и очень порядочно.

– Прекрасно, малютка! – произнёс милый бас Государя. – Как твоя фамилия?

Его рука, немного тяжёлая и большая, настоящая державная рука, легла на мои стриженные кудри.

– Влассовская Людмила, Ваше Императорское Величество, – догадалась я ответить.

– Влассовская? Дочь казака Влассовского?

– Так точно, Ваше Императорское Величество, – поспешила вмешаться Маман.

– Дочь героя, славно послужившего родине! – тихо и раздумчиво повторил Государь, так тихо, что могли только услышать Государыня и начальница, сидевшие рядом. Но моё чуткое ухо уловило эти слова доброго Монарха.

– *Arroche, mon enfant* (подойди, моё дитя)! – прозвучал приятный и нежный голосок Императрицы. И едва я успела приблизиться к ней, как её рука в жёлтой перчатке легла мне на шею, а глубокие, прелестные глаза смотрели совсем близко около моего лица.

Я инстинктивно нагнулась, и губы Государыни коснулись моей пылавшей щеки.

Счастливая, не помня себя от восторга, пошла я на место, не замечая слёз, тёкших по моим щекам, не слыша ног под собою...

Царская чета встала и, милостиво кивнув нам, пошла к двери. Но тут Государь задержался немного и крикнул нам весело, по-военному:

– Молодцы, ребята, старайтесь!

– Рады стараться, Ваше Императорское Величество! – звонко и весело, не уступая в искусстве солдатам, дружно крикнули мы.

Как только Государь с Государыней и начальницей вышли в коридор, направляясь в старшие классы, нас быстро собрали в пары и повели в зал.

Наскоро, суетясь и мешая друг другу, наши маленькие музыкантши уселись за рояли, чтобы в шестнадцать рук играть тщательно разученный марш-полонез, специально приготовленный к царскому приезду.

Сзади них стояла толстенькая старшая музыкальная дама, вся взволнованная, с яркими пятнами румянца на щеках.

– Идут! Идут! – неистово закричали девочки, сторожившие появление Царской четы у коридорных дверей.

Музыкальная дама взмахнула своей палочкой, девочки взяли первые аккорды... Высокие гости в сопровождении Маман, подоспевших опекунов,

институтского начальства и старших воспитанниц, окруживших Государя и Государыню беспорядочной гурьбой, вошли в зал и заняли места в креслах, стоявших посередине между портретами Императора Павла I и Царя-освободителя.

Приветливо и ласково оглядывали Высочайшие посетители рядовых девочек, притаивших дыхание, боявшихся шевельнуться, чтобы не упустить малейшего движения дорогих гостей.

Мы не сводили глаз с обожаемых Государя и Государыни, и сердца наши сладко замирали от счастья.

Музыкальная пьеса в шестнадцать рук окончилась, вызвав одобрение Государя и похвалу Государыни. Вслед за тем на середину вышла воспитанница выпускного класса Иртеньева и на чистейшем французском языке проговорила длинное приветствие – сочинение нашего Ротье – с замысловатым вычурным слогом и витиеватыми выражениями. Государыня милостиво протянула ей для поцелуя руку, освобождённую от перчатки, – белую маленькую руку, унизанную драгоценными кольцами.

Затем вышла воспитанница 2 класса, добродушная, всеми любимая толстушка Варкова, и после низкого-низкого реверанса прочла русские стихи собственного сочинения, в которых просто и задушевно выражалось горячее чувство любящих детей к их незабвенным Отцу и Матери.

Государь был, видимо, растроган. Государыня с влажными и сияющими глазами обняла обезумевшую от восторга юную поэтессу.

Потом все наши окружили рояль с севшею за него воспитанницею, и своды зала огласились звуками красивой баркаролы. Молодые, сочные голоса слились в дружном мотиве баркаролы с массою мелодий и переливов, искусными трелями и звонкими хорами. Во время пения Высочайшие гости покинули свои места и стали обходить колонны институток. Они милостиво расспрашивали ту или другую девочку о её родителях, успехах или здоровье. Увидя два, три болезненные личика, Государь останавливался перед ними и заботливо осведомлялся о причине их бледности. Затем обращался с просьбою к следовавшей за ними Матап обратить внимание на болезненный вид воспитанниц и дать возможность употреблять самую питательную пищу. Как раз, когда он проходил мимо нашего класса, мой взгляд упал на Нину. Бледная, с разгоревшимися глазами и трепетно вздрагивающими ноздрями, она вся превратилась в молчаливое ожидание. Государь внезапно остановился перед нею.

– Твоё имя, малютка?

– Княжна Нина Джаваха-оглы-Джамата, – звонким гортанным голоском ответила Нина.

Государь улыбнулся доброй улыбкой и погладил глянцевитые косы девочки.

– Твоя родина Кавказ? – спросила по-русски Государыня.

– Так точно, Ваше Величество! – произнесла Нина.

– А ты любишь твою родину? – спросил Государь, всё ещё не спуская руки с чернокудрой головки.

– Что может быть лучше Кавказа! Я очень-очень люблю мой Кавказ! – пылко, забывая всё в эту минуту, воскликнула Нина, блестя глазами и улыбкой, делавшей прелестным это гордое личико, смело и восторженно устремлённое в лицо Монарха.

– Charmant enfant! – тихо проговорила Государыня и о чём-то заговорила с начальницей.

Видя, что Высочайшие гости собираются отъехать, институтский хор грянул «Боже, Царя храни», законченный таким оглушительно-звонким «ура!», которое вряд ли забудут суровые институтские стены.

Тут уже, пренебрегая всеми условными правилами, которым безропотно подчинялись в другое время, мы бросились всем институтом к Монаршей чете и, окружив её, двинулись вместе с нею к выходу. Напрасно начальство уговаривало нас опомниться и собраться в пары, напрасно грозило всевозможными наказаниями – мы, послушные в другое время, теперь отказывались повиноваться. Мы бежали с тем же оглушительным «ура!» по коридорам и лестницам и, дойдя до прихожей, вырвали из рук высокого, внушительного гайдука соболью ротонду Императрицы и форменное пальто Государя с барашковым воротником и накинули их на царственные плечи наших гостей.

Потом мы надели тёплые меховые калоши на миниатюрные ножки Царицы и уже готовились проделать то же и с Государем, но он вовремя предупредил нас, отвлекая наше внимание брошенным на воздух носовым платком. Какая-то счастливица поймала платок, но кто-то тотчас же вырвал его у неё из рук, и затем небольшой шёлковый платок Государя был тут же разорван на массу кусков и дружно разделён «на память» между старшими.

– А нам папироски, Ваше Величество! – запищали голоса маленьких, видевших, что Государь стал закуривать.

– Ах вы, малыши, вас и забыли! – засмеялся он и мигом опустошил золотой портсигар, раздав все папиросы маленьким.

– Распустите детей на три дня! – в последний раз прозвучал драгоценный голос Монарха, и Царская чета вышла на подъезд.

Оглушительное «ура!» было ответом – «ура», начатое в большой институтской швейцарской и подхваченное тысячной толпой собравшегося на улице народа. Кивая направо и налево, Высочайшие гости сели в сани, гайдук вскочил на запятки, и чистокровные арабские кони, дрожавшие под синей сеткой и мечущие искры из глаз, быстро понеслись по снежной дороге.

Мы облепили окна швейцарской и соседней с нею институтской канцелярии, любуясь дорогими чертами возлюбленных Государя и Государыни.

– Господи, как хорошо! Как я счастлива, что мне удалось видеть Государя! – вырвалось из груди Нины, и я увидела на её всегда гордом личике выражение глубокого душевного умиления.

– Да, хорошо! – подтвердила я, и мы обнялись крепко-крепко...

Наше восторженное настроение было прервано Манею Ивановою.

– Как жалко, mesdam'очки, что Государь с Государыней не пошли в столовую, – чистосердечно сокрушалась она.

– А что?

– А то, что наверное бы нас кормить стали лучше. А то котлеты с чечевицей, котлеты с бобами, котлеты и котлеты. С ума можно сойти...

Но никто не обратил внимания на её слова и не поддержал на этот раз Мани; все считали, что напоминание о котлетах в эту торжественную минуту было совсем некстати. Всех нас охватило новое чувство, вряд ли даже вполне доступное нашему пониманию, но зато вполне понятное каждому истинно русскому человеку, чувство глубокого восторга от осветившей нашу душу встречи с обожаемым нами, бессознательно ещё может быть, великим Отцом великого народа.

И долго-долго после того мы не забыли этого великого для нас события...



ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III,
съ Августѣйшимъ Семействомъ въ годъ Своего вѣщаренія.

125-ΛΕΤΙΕ ΣΤΟ ΙΕΡΟ
ΜΥΣΤΗΡΙΟΝ ΑΛΕΞΑΝΔΡΑ III



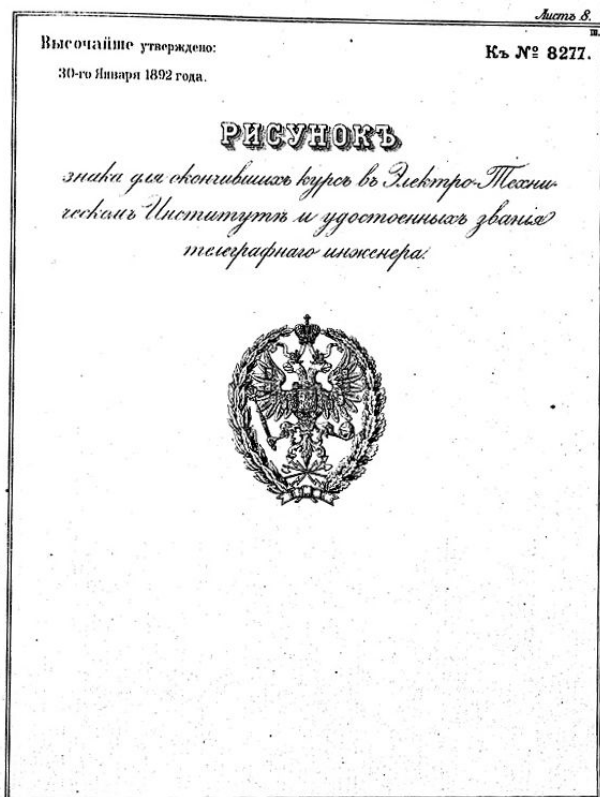
125-летие СПб ГЭТУ Императора Александра III

3765. – Июня 3. Высочайше утвержденное Временное Положение о Техническом Училище почтово-телеграфного ведомства.

Мнение Государственного Совета, Высочайше утвержденное 3 Июня 1886 года (Собр. Узак. 1886 г. Июля 5, ст. 598). – Государственный Совет, в Соединенных Департаментах Государственной Экономии и Законов и в Общем Собрании, рассмотрев представление Министра Внутренних Дел об учреждении Технического Училища почтово-телеграфного ведомства, *мнением положил:*

1) Проекты Временных Положения и штата Технического Училища почтово-телеграфного ведомства поднести к Высочайшему Его Императорского Величества утверждению и, по воспоследовании оно, привести в действие, с начала 1886/7 учебного года сроком на 5 лет.

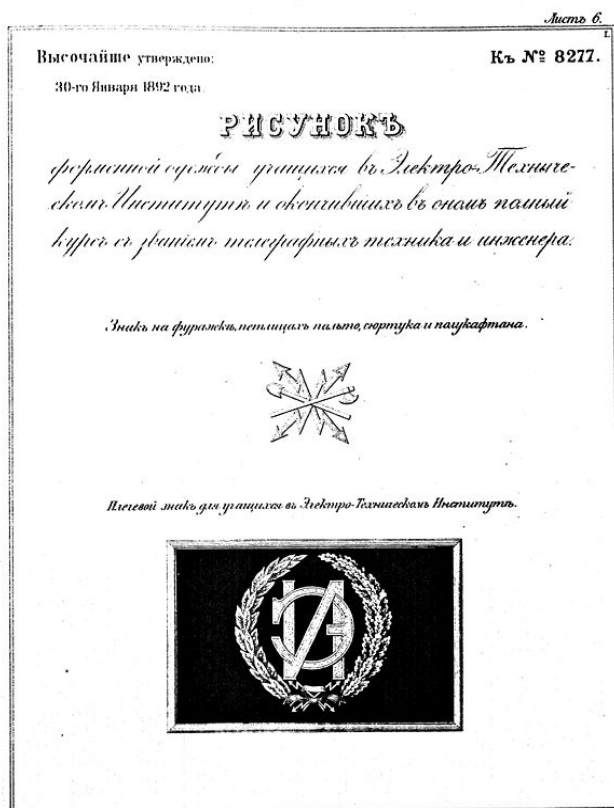
2) На содержание упомянутого Училища отпустить из государственного казначейства, начиная с 1887 года, по тридцати семи тысяч девятисот пят-



надцати рублей ежегодно, со внесением этой суммы в подлежащие подразделения сметы Главного Управления Почт и Телеграфов. В текущем же году отпустить на содержание сего Училища ту сумму, какая будет причитаться на этот предмет по расчёту со дня открытия Училища, и, сверх того, восемнадцать тысяч двести рублей на единовременные расходы по устройству Училища, отнеся обе эти суммы на счёт свободных остатков по действующей смете почтово-телеграфного ведомства.

3) Впредь до разрешения возбуждённых общих вопросов о служебных правах, приобретаемых окончанием курса в учебных заведениях, и о льготной пересылке по почте корреспонденции правительственных установлений, принять следующие временные меры:

а) Предоставить лицам, удостоенным звания телеграфного техника 1 или 2 разряда, право на утверждение, при поступлении в государственную службу на исполнительные должности по почтово-телеграфному ведомству, в



следующих чинах: технику 1 разряда – в чине XII класса, а технику 2 разряда – в чине XIV класса; и

б) Предоставить Техническому Училищу почтово-телеграфного ведомства право пересылать по почте бумаги и посылки за печатью Училища, согласно правилам, существующим для пересылки казённой корреспонденции.

4) Для выдачи, по усмотрению Министра Внутренних Дел, дополнительного к штатному содержанию наиболее достойным лицам из числа успешно окончивших курс в Техническом Училище почтово-телеграфного ведомства, во время прохождения ими службы по сему ведомству в должностях до VII класса включительно, вносить в сметы Главного Управления Почт и Телеграфов: в 1889 году – три тысячи рублей, в 1890 году – шесть тысяч рублей, а начиная с 1891 года – по девяти тысяч рублей, ежегодно.

Резолюция. Его Императорское Величество воспоследовавшее мнение в Общем Собрании Государственного Совета, об учреждении Технического



Училища почтово-телеграфного ведомства, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано:

«Быть по сему».

7820. – Июня 11. Высочайше утвержденное положение об Электро-Техническом Институте.

Мнение Государственного Совета, Высочайше утвержденное 11 Июня 1891 года (Собр. Узак. 1891 г. Августа 2, ст. 848). – Государственный Совет, в Соединенных Департаментах Государственной Экономии и Законов и в Общем Собрании, рассмотрев представление Министра Внутренних Дел о преобразовании Технического Училища почтово-телеграфного ведомства в Электро-Технический Институт, *мнением положил:*



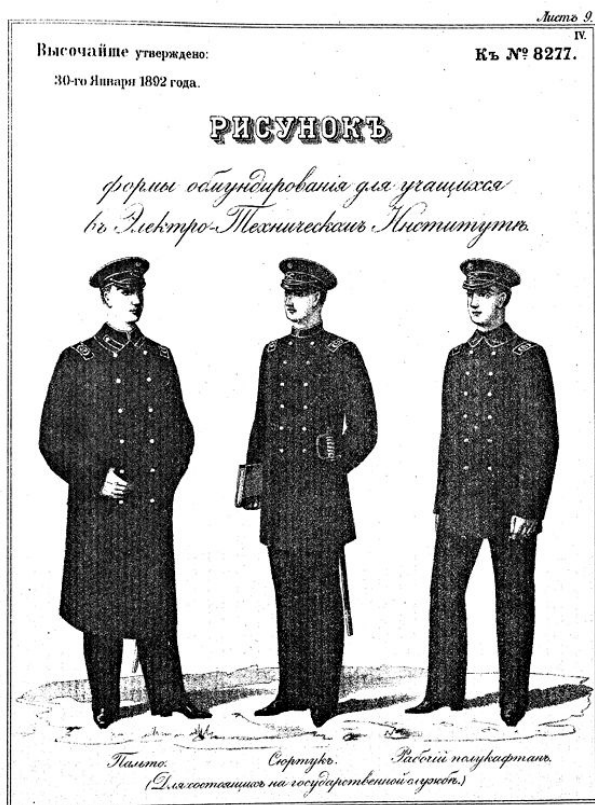
I. Техническое Училище почтово-телеграфного ведомства преобразовать в «Электро-Технический Институт».

II. Проекты: Положения и штата сего Института поднести к Высочайшему Его Императорского Величества утверждению.

III. Таблицу числа классов в сём Институте поднести к Высочайшему Его Императорского Величества рассмотрению.

IV. На покрытие расходов по содержанию Электро-Технического Института вносить в подлежащие подразделения расходных смет Главного Управления Почт и Телеграфов: 1892 года — сорок восемь тысяч пятьсот двадцать семь рублей пятьдесят копеек, а начиная с 1 Января 1893 года, по пятидесяти тысяч девятисот рублей в год; в текущем же году потребный на этот предмет дополнительный расход, в размере четырех тысяч ста двадцати рублей, отнести на счёт общих сбережений по действующей смете того же Управления.

V. В изменение и дополнение подлежащих узаконений постановить:

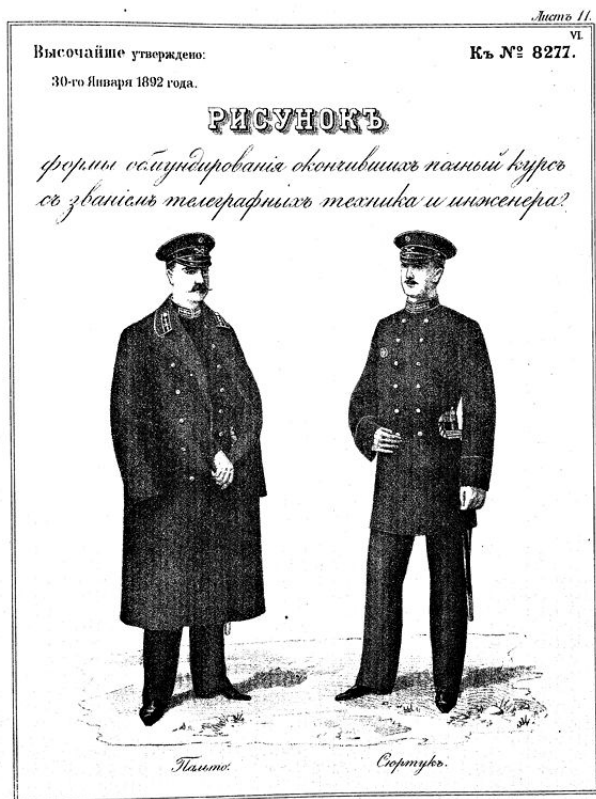


«Учащимся в Электро-Техническом Институте поступление на службу в войска по вынужденному жребию, в случае заявленного ими желанія, отсрочивается до окончания образования, — до достижения двадцати семи лет от роду».

Резолюция. Его Императорское Величество воспоследовавшее мнение в Общем Собрании Государственного Совета, о преобразовании Технического Училища почтово-телеграфного ведомства в Электро-Технический Институт, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано:

«Быть по сему».



Надежда БАРАНОВА

Гимн ЛЭТИ

Нас многое связало с Петербургом:
И молодость, и дружбы вечный свет,
И место, где узнали мы друг друга –
ЛЭТИ – любимый университет.

Мы бережём сокровища традиций
И знания – основу всех основ!
Недаром здесь, в родном ЛЭТИ трудился
Изобретатель радио Попов!

Аптекарский мы не забудем остров,
Где шли навстречу новому всему:
Всех нас объединил он очень просто
В одну большую дружную семью.

Припев:

*И, где б ты ни был, на любой дороге
Когда шагать наскучит одному,
В ЛЭТИ всегда поддержат и помогут,
Дадут совет, научат и поймут.*

Здесь много дней запомнилось счастливых,
Студенчеству и горе – не беда!
А впереди такие перспективы!
Такой простор для мысли и труда!

Своим гордимся Университетом,
Едва переступив его порог!
Настойчиво стараемся при этом,
Чтобы и он гордиться нами мог!

Припев.

Ксения БУРЖСКАЯ и Алексей ЛЕБЕДЕВ

Гимн ЛЭТИ

Между Аптекарским и Попова,
 На углу, заслоняя свет,
 Возвышается так знакомый,
 Наш любимый университет.
 Необъятная alma mater,
 Верный спутник на много лет,
 Для кого-то он станет братом,
 А кому-то раскроет секрет:

Chorus:

*На своём большом пути
 Сто дорог предстоит пройти,
 Что-то забыть, а что-то найти,
 Где-то простить, а где-то спасти,
 И навсегда-навсегда сохранить,
 Что узнал ты в ЛЭТИ.*

Он вмещает в своих просторах
 Горы знаний от многих бед –
 От английского до ТОЭ
 Будет вечно учить студент.
 И пускай предстоит немало
 Ему знаний приобрести.
 Но навеки останутся в памяти
 Формулы счастья ЛЭТИ.

Chorus

Говорят: как вЛЭТИшь, так и выЛЭТИшь,
 Этой притче не меряно лет.
 Но на лекциях сидючи выведешь,
 Что пути обратного нет.
 И от сессии зимней до летней
 Время весело ты проведи.
 Но учи, и как можно конкретней,
 Что тебе завещает ЛЭТИ.

Chorus

Юрий КОРОЛЁВ

Сюрреалистический гимн ЛЭТИ

Где Аптекарский нервно хватает Неву за рукав,
Телебашня глядит близоруко в железное в небо,
На Земле пробудился, как царь на погосте держав,
Наш ЭТУ – эта вечность из крови Бориса и Глеба.

Лишь глубинные смыслы затмит отраженье в сети,
Магистраль многоточия зрений в контейнере взглядов,
Мы припомним биение жизни, что знали в ЛЭТИ,
Зыбкость дня соберётся в гармонию древних обрядов.

В переходах k-мерных пространств бродит вечная истина,
Познавая вращенье сердец, излучая своё ремесло.
Здесь я встретил тебя, и душе даровали амнистию.
Я любовь не могу разложить, ибо это – простое число.

Здесь ведь каждый, кто правду проглотит, становится дамкой.
Даже если судьба на руке чересчур паутиниста,
Духи скроют тебя, ведь Попов здесь сражался с охранкой,
А затем кто-то злой нацепил тебе имя Антихриста.

Ты несешь до сих пор это вечно проклятое званье,
Крест гранитный тяжёл. Только Он нас, конечно, поймёт...
Впрочем, незачем вовсе былому сулить линчеванье,
Всех рассудит нас жизнь, смертоносный её пулемёт.

Лада КОРОЛЁВА

Гимн ЛЭТИ

В ряды студенческого братства
Спешу, чтоб интересней жить
И, наконец, за дело браться,
Чтобы потом «при деле» быть.

Припев:

*Пускай же гордой белой птицей
Над Ботаническим летит
По небу северной столицы
Дух вечно-юного ЛЭТИ.*

Дует с Невки ветер вольный.
Как бойцы, не спят студенты.
Электрон, поля и волны –
Нашей истины моменты.

Сдадим специальность мы на пять –
Для будущего это нужно.
А жизнь потребует решать
Задачки про любовь и дружбу.

По силам будут нам семестры
Экзамены, зачёты, сессии.
Дипломы занесут в реестры,
И путь откроется в профессию.

В мир технологий выбрана дорога.
А значит нам с тобою по пути
С эпохой мы шагаем в ногу,
Благодаря тебе, родной ЛЭТИ.

Алексей КОРОЛЁВ

Музыка: Михаил СТРОКОВ

Элегия

Глядится в Невку с неприступных башен
В модерне преломлённый Гёттинген.
В ночах июня и зачёт не страшен
Блаженству лип и росчерку антенн.

Меж этих стен не самовластно время
И юны мы, как много лет назад,
В аудиториях и рядом с теми,
Чья мысль нам светит сотню лет подряд.

Привес:

*Так незаметно подрастают дети,
Мы повторяем сыновьям своим:
«Есть заведений сотни на планете,
Но под луною ВУЗ всего один.*

*Не верь, мой сын, ни сказке и ни басне,
И хоть куда лети иль не лети,
Тебе не встретить девушки прекрасней,
Прекрасней тех, что учатся в ЛЭТИ.*

*Она шагает по ЛЭТИ, Электра,
В сиянье звёзд, сестра шести Плеяд,
И сам Орфей из рук роняет плектрон,
И что ни скажешь, будет невпопад.*

*И ты поймёшь, что нет земли на свете
Такой, как этот богоданный град».
И принимают это наши дети,
И сами нам нередко говорят:*

*«Не верь, отец, ни лести и ни басне,
О, мой отец, ты не сойди с пути:
Нет жёницин в мире чище и прекрасней
Тех, что полжизни отдали ЛЭТИ».*

И здесь Попов, наш избранный директор,
Права студентов сияясь отстоять,
От этих стен – неодолимый Гектор –
Шагнул к теням, но ни на йоту вспять.

От этих стен, как по волнам эфира,
Радиограмм взволнованный накал
Своих посланий, – городу и миру –
Он свой научный подвиг завещал.

Мария КУДРЯВЦЕВА

ЛЭТИ

Там, где ветер на Карповке встречный,
Мне так весело снова идти.
Я опять молодой и беспечный,
И опять я шагаю в ЛЭТИ

Там, где бродит технический гений,
Где науки высокий полёт,
Черёда молодых поколений
Рвётся творческой мыслью вперёд.

Там, во мраке пустых коридоров
Ночью ходит профессор Попов,
Отголоскам студенческих споров
Он внимает с улыбкой, без слов

Теорвер изучая и ТОЭ,
Напрягая и зренье, и слух,
Мы росли, узнавая ТАКОЕ,
Что возвысились разум и дух.

Там, где юность моя пролетела,
Снова молодость чья-то летит,
Потому что хорошее дело,
Если жизнь начинаешь с ЛЭТИ!

Элина ЛАПП

Гимн ЛЭТИ (ЭТУ)

В жизни несчастий и радостей поровну,
Время торопит свой бег:
Юность свою, Петроградскую сторону
Я не забуду вовек!

Прпев:

*В каждой душе есть святое и вечное,
То, от чего не уйти.
Все мы друг другу родные, конечно!
Все мы – питомцы ЛЭТИ.*

Здесь мы проектами смелыми грезили,
Каждый был будто влюблён
В стены, где миру явилось созвездие
Славных, достойных имён.

Истина здесь порождается спорами,
Каждый учиться готов.
Я по утрам прохожу коридорами,
Где проходил сам Попов!

Людмила НОВИКОВА

Виват, ЛЭТИ!

Старинный ВУЗ, Российский ВУЗ!
Собравший нас, – как храм, ты светел.
Оплот наук, любимец муз, –
Благословенны стены эти!

Припев:

*«Виват ЛЭТИ, виват!» –
Пусть к небесам летит.
Здесь встретились мы, брат.
Да здоровствует ЛЭТИ!*

*Что ждёт нас впереди? –
Надежды полон взгляд.
И к небесам летит:
«Виват ЛЭТИ, виват!»*

В круговороте новых дней
Твою мы школу не забудем
И мы докажем жизнью всей,
Что через нас ты служишь людям!

Имея опыт за спиной,
Всё ж повторять мы будем снова:
«Пусть процветает ВУЗ родной
На тихой улице Попова!»

Алексей КОРОЛЁВ

ФЭМу

Кто исходил с портфелем, как сумой,
Почти все вузы северной столицы,
Кому под елью каждой – дом родной,
Кто нежностью друзей привык гордиться,

Тот знает, что нигде и никогда, –
Ни на земле, ни в области Эдема,
Ни там, где вузам строят города, –
Не будет факультета ярче ФЭМа.

И если бы не строгая нужда,
Когда преподаватель бос как эму,
Никто из нас, поверьте, никуда
Не уходил бы за ворота ФЭМа,

И в самых мрачных пропастях земли,
Плоды исканий приводя в систему,
Всё то, что вновь открыли и нашли,
Они несут сюда, к родному ФЭМу.

И если кто-то где-нибудь порой
Вдруг разрешит сложнейшую проблему,
Мы тотчас говорим ему: «Герой!
Ты так талантлив, как студенты ФЭМа!»

И если пред Электрою – сестрой
Шести Плеяд благоговеют немо,
То долетает с высоты порой:
«Она прекрасна, как студентка ФЭМа!»

Страна Плеяд, невнятная страна,
Поведай, в чём твоя мифологема?
Но если жизнь для нас ещё полна,
То лишь твоим дыханьем, воздух ФЭМа.

Крылатый ФЭМ, ты льёшь нам тихий свет,
Как всей России – младшая столица.
Ей – триста, а тебе – тринадцать лет,
Но университет тобой гордится.



Работа Ксении КАЗАКОВОЙ

8 ΜΑΡΤΙΑ Β ΛΥΚΕΙ



Татьяна ЗАХАРЧЕНКО

* * *

Во славу дам технического вуза
Звучат сегодня лучшие слова.
Мы посвящаем строки нашим музам,
От чьих улыбок кругом голова.

Пусть каждый день, любой, любой из будней,
Как бы обычен ни казался он,
Вам приносил улыбку, счастье, чудо –
И комплиментов тысячу, миллион...

* * *

Восьмое марта – самый женский день,
Когда мы все – немножко менестрели –
Поём Вам о любви, выводим трели,
Как соловьи в полуночную тень.

Пусть этот день продлится, пусть всегда
Вас окружает нежность и забота,
И пусть всегда найдётся рядом кто-то,
Кого пленила Ваша красота.

Восьмое марта – время для стихов,
Цветов, улыбок, восхищённых взглядов...
Пусть будет всё вокруг весной объято:
Вас окружает счастье и любовь.

Константин АНСИМОВ

* * *

Ты загадочна как фенилкетонурИя,
красива как флора острова Бугенвиль,
любить тебя – эйфория,
не любить – водевиль.

* * *

Ты глупа как большая советская энциклопедия,
интересна как маньчжурский орех,
любить тебя – трагедия,
не любить – грех.

* * *

Ты притягательна как Млечный путь,
переменчива как самый переменный ток,
любить тебя – что пить ртуть,
не любить – что в пятницу свистеть в свисток.

Алексей АПУХТИН

* * *

Когда любовь охватит нас
Своими крепкими когтями,
Когда за взглядом гордых глаз
Следим мы робкими глазами;
Когда не в силах превозмочь
Мы сердца мук и, как на страже,
Повсюду нас и день и ночь
Гнетёт всё мысль, одна и та же;
Когда в безмолвии, как тать,
К душе подкрадется измена, –
Мы рвёмся, ропщем и бежать
Хотим из тягостного плена.
Мы просим воли у судьбы,
Клянём любовь – приют обмана,
И, как восставшие рабы,
Кричим: «Долой, долой тирана!»
Но если боги, вняв мольбам,
Освободят нас от неволи,
Как пуст покажется он нам, –
Спокойный мир без мук и боли.
О, как захочется нам вновь
Цепей, давно проклятых нами.
Ночей с безумными слезами
И слов, сжигающих нам кровь...
Промчатся дни без наслаждений,
Минуют годы без следа,
Пустыней скучной, без волнений
Нам жизнь покажется... Тогда,
Как предки наши, мы с гонцами

Пошлём врагам такой привет:
 «Обильно сердце в нас мечтами,
 Да в нём теперь порядка нет,
 Придите княжители над нами...»

Полю ВАЛЕРИ

Перевод Александра Королёва

Шаги

Твои шаги, вы тишиною,
 Моим молчаньем рождены,
 Ко мне бессонницей ночью
 В полночный час устремлены.

Божествен лик её и светел,
 Шагов мелодия нежна.
 Господь, милей всего на свете
 С ногами босыми она!

Губами влажными однажды
 К губам приблизиться спешит,
 Насытить поцелуем жажду
 Моей тоскующей души.

Не торопись вослед желанью —
 Грань бытия незрима так,
 Ведь сердце бьётся в ожиданье,
 Твоим шагам стучится в такт.

Алексей КОРОЛЁВ

* * *

Вас поздравляя с праздником весны,
 Желаем счастья, любви, покоя
 Душевного, чтобы ни явь, ни сны
 Не омрачали БЖД и ТОЭ,

Чтобы тревоги не были страшны
 В цветенье лип, поскольку неземное
 Целительное снадобье святое
 И много строчек Вам посвящены,

Чтобы скорей над северной природой
Весна промчалась теплою погодой
И зимнюю расшевелила кровь,
И принесла победы и удачи,
И с блеском помогла решать задачи,
И ландыши Вам подарила вновь.

* * *

Ещё лежат глубокие сугробы
И даже дверь не отворить во двор,
И ветхий одноглазый семафор
Скрывать не хочет набежавшей злобы,
Но что-то свыше происходит днесь, –
Какой-то знак возвышенного старта, –
Любимый праздник – день 8 Марта
Нисходит к нам как радостная весть.

Желаем Вам удачи и любви,
Огромных сил и счастья без края,
Чтобы огонь в душе, а не в крови,
Вы пробуждали, устали не зная,
И чтобы поклонялись Вам без лести
Для славы Вашей и для нашей чести.

* * *

Желаем Вам, чтоб Ваша доброта
Со всех сторон сторицей возвращалась,
И даже непомерная усталость
Не мучила бы Вас, как высота,

К которой Вы настойчиво стремитесь
И новых дерзновений не страшитесь.

Ещё желаем, чтобы Вам в окно
Так много было брошено сирени,
Что было всё вокруг напоено
Блаженным воздухом душистой лени.

Альбер МЕРА

Перевод Александра Королёва

Пейзаж

Чтоб зима не смогла к нам взойти на порог,
Чтоб не слышать метель в этот час за стеною,
Дверь закрыта в мой дом, где любимый тобою
Был букет, но увял в нём последний цветок;

В это время познал бесконечный восторг
Я усталой душой, опьянённой мечтою.
Иступлённо ласкал я ослабшей рукою
Твоё платье и плоть, кровь стучала в висок.

Я увидел пейзаж этой ночью бессонной,
Мне привиделась ты с головою склонённой.
В тростниках меж камней ключ струился живой;

Лампы тонкий фарфор, отблеск тусклого света,
Ты, дыханьем моим осторожным согрета.
Раскрывала глаза, как цветы над водой.

Луи-Ксавье де РИКАР

Перевод Александра Королёва

Мотыльки

Кубок, листьями увитый,
Как гирляндой окаймлён,
Розы юной, чуть раскрытый,
Распустившийся бутон.

Красит бледными тонами
Перламутр её наряд,
Лепестки её волнами
Исторгают аромат.

Вам они едва заметны,
Бесподобны и легки,
Вьются вихрем разноцветным
Возле розы мотыльки.

ο πλατωνισμος ο πατριωτισμος ο πνευματισμος π³

Чтобы страсти быстротечной
Пить бальзам, мои мечты
Вьются, вьются бесконечно
Возле Вашей Красоты.

Святослав ТЕРНОВ

* * *

Поздравленья, подарки, цветы...
Звук капли и солнечный свет.
И с весной переходы на «ты».
И любимого лучший букет...

Посвящает всем женщинам март
Стук сердец восхищённых мужчин.
Кто же первым поздравит? – На старт!
Медлить нет ни малейших причин!

Александр ПАК

Ещё раз о Прекрасной Даме

Скажите, где, в какой стране...

Ф. Вийон. Баллада о дамах былых времен.
Пер. Н. Гумилёва

Скажите, где, в каком краю
Вам встретится такая леди,
Как в опере или в балете.
Она плывёт, а я пою?

Скажите, где, в каком году
Или в каком тысячелетье
Палитру чувств могу пропеть ей
И в песне сам себя найду?

Скажите, где, в каком аду,
Чистилище или Эдеме,
Где обитают только тени,
Я с нею под руку пройду?

Скажите, где, в какой стране
Вам встретятся такие чувства,
Возвышенной, чем все искусства.
До боли мне милы оне?

Скажите, где, в какой стране,
Скажите, где?..

Андре ФОНТЕНА

Перевод Александра Королёва

Гимн

Словно статуя Вы древнеримской богини,
Вознеслись красотой, грациозностью Вы;
О, владычица, смех Ваш бесстрастный, гордыня
Осеняют покой безмятежной любви.

С Вами мрамор один белизною сравнится,
Сочтены красота и величие в Вас,
И стремятся с высот поднебесные птицы
На волшебный огонь голубых Ваших глаз.

Словно молнии свет Вы меня ослепили,
Розы алые Вам увенчали чело.
Над цветением трав, олеандра и лилий
Лебедь белый простёр в чистом небе крыло.

В шуме Ваших шагов отзвук дивных мелодий
Возникает едва и парит надо мной.
Над равниною он в бесконечность восходит,
Разливается он гармоничной волной.

Расточаете Вы аромат благовоний,
Радость ясного дня в Вашем смехе звучит;
Загорится звезда на ночном небосклоне,
Отражают глаза голубые лучи.

О, владычица! К Вам вознеслись мои стоны,
Вы услышите меня, подарите хоть взгляд,
Я безумно влюблён, струны лиры стозвонной
Этим песням вослед беспрестанно звучат.

Я хочу, чтоб любовь воссияла над Вами,
Пусть сомнением Вас не тревожит она;
Я хочу передать мои чувства словами,
В них бескрайность морей, в них небес глубина.

Максим ШВЕЦ

* * *

Любимых женщин красота
затмит и розы из Шираза,
и орхидеям не блистать,
как женщинам в весенний праздник!

Вино мужчин так не пьянит,
а ураган так не тревожит.
Сравниться ни один магнит
с любимой женщиной не сможет!

Так быть любимой и любить,
Желаю каждой милой даме,
и не болеть, и не стареть,
и быть поласковее с нами.

Поздравление

Любовь – это тот талант, который рождает поэзию.

Сегодня день прекрасных дам,
Всех бабушек, сестрёнок, мам,

Подруг, любимых и невест –
Предназначений всех не счесть!

Недаром женщин создал Бог
И миру подарил любовь!

Секрета женской красоты
Не разгадают и цветы.

И звёздам, чистым как алмаз,
Всё ж далеко до женских глаз!

Без ваших добрых нежных рук
Пропал бы муж, и сын, и друг.

Но тайн священных ваших душ
Не знают друг, и сын, и муж.

Желаем, чтобы грусти тень
Сошла не только в этот день,

А навсегда с прекрасных лиц,
Чтоб счастья луч их осветил!

С праздником 8 марта

Мои поздравленья – вам, леди и ледицы!
Пусть скоро сбудется всё, что вам взбрендитесь,
все ваши капризы и даже капризики
чудоволшебными станут сюрпризами!

Красные девы и девицы дивные,
Крепкого здоровья – вам – и спортивного!
Знойно загадочны, зыбко застенчивы,
будьте, юны и свободны, как девочки!

Женицы нежные, милые женщины,
Жните разумное, доброе, вечное!
Сразу, прекрасные дамы и дамицы,
в «дамки» прорвётесь, победой прославитесь!

Добавлю – единственной музе и музице:
терпенья желаю – любимой – и мудрости;
ведь без помощницы лучшей, попутчицы
даже такого стишка не получится!

* * *

Марине

Я знаю женщину!
Желанье
сильнее женщины самой,
когда душа твоя пылает,
когда от страсти сам не свой.

Я знаю женщину.
Томленье
вдруг начинает сердце рвать
и хочется стать на колени,
колени женщины обнять.

ο πλατωνισμος ο πατριωτισμος ο πνευματισμος π³

Я знаю: женщина – загадка.
Не отгадать её никак.
Она – прекрасная – «за кадром».
А я – дурак, дурак, дурак.

Я знаю женщину?
Не знаю!
Хотя живём пятнадцать лет...
Бывает добрая и...
злая,
но всё же...
всё же есть обед...



*КОПОСТРОФИКА
и
СОБАКОЛАЙСТВО*



Работа Марии СЕЛЕДЧИК

ο πλάτωνισμος ο πατριωτισμος ο πνευματισμος π³

Что делать, когда у тебя плохое настроение? – гладить кота.

Что делать, когда твой мир рушится? – гладить кота.

Что делать, когда ты в эйфории? – гладить кота.

Что делать, когда не знаешь, что делать? – гладить кота.

Какая разница что у вас происходит? Главное – погладить кота.

Ольга Скрынская

*Нет человека, который бы не любил кошек,
просто есть люди, которые ещё не нашли свою кошку.*

Ксения Соболева

Ирина ЗНАМЕНСКАЯ

Кошка

Ночь пришла и кошка скачет

И топочет, точно конь

И в душе кошачей плачет

Маленький свечной огонь,

Что зима огню, что – лето,

Что – луна ему, что – снег,

Из родни – одна комета,

Из печалей – человек:

Тот не скачет,

(хвост трубою!), –

Долу голову склоня,

Уж не чует под собою

Ни земли он,

Ни коня...

Только кошка мчит по лунной

По дороге шестиструнной,

По юдоли без луны

За созвездьем Белой Мыши

От подвала – выше, выше,

Вверх, до самой вышины!

Горе, горе – нелетучим,

Негорючим – всё зазря,

Сами мы себя замучим

Меж листков календаря...

...Кошка мчится,
Кошка скачет,
Вьётся пыль из-под копыт,
То завоюет, то заплачет,
То в два когтя засвистит!..

Олег ИЛЬИН

* * *

*Альманаху ЛитО ЛЭТИ «Руно»,
где есть рубрика «Котострофика»,
которую придумали
Алексей и Юрий Королёвы,
посвящается.*

Мне сказали: про кота напиши.
Посмеёмся от души, от души.
Алексею про кота, про кота.
Ну, и Юре про кота, про кота.
С нарисованным бараном котострофика.
В этой рубрике большая философика.
Кошки да, кошки ду.
Кошки выпили воду.

Морис КАРЕМ

(1899 – 1978)

Перевод Александра Королёва

* * *

Мой кот глаза открыл –
Явилось солнце в них.
Мой кот глаза закрыл,
Оно осталось в них.
И стоит лишь коту
Глаза открыть слегка
Зияют в темноту
Два солнечных зрачка.

Елена КАЧАРОВСКАЯ

Кстати об обидах

Ослабший кот лоялен к мыши,
В усах остатки творога.
Он сделал вид, что Вас не слышит
И Вы ему не дорогА.

Его глаза скупы и сухи,
Он будто с Вами незнаком,
И безнаказанные мухи
Гуляют в миске с молоком.

Он отомстит Вам ночью в тапки,
Свободный и ревнивый кот,
Зачем Вы были так бестактны:
От Вас собаками несёт.



Работа Марии СЕЛЕДЧИК

Алина КОЛЫЧЕВА

Кошки

Мягкими лапками тихо ступая,
Кошки спешат на слёт под луной:
Узнать, кто достоин кошачьего рая,
Кто шанс обретёт жить жизнью другой.
И так, собираясь на свалке раз в год,
Пушистое, вздорное, пёстрое племя
Поёт нам о том, как жизнь кошек течёт,
В банде кошачьей с названием Джелли.
Занавес снова скрывает секреты:
Всё тише урчание, мурлыканье, сап...
На все вопросы знают ответы
Только следы подушечек лап.



Работа Марии СЕЛЕДЧИК

Александр КОРОЛЁВ

Коту Барсику

Ворона слетела с карниза,
В свободном пространстве парит.
Окно – для кота телевизор,
Удобней садись и смотри!

Своим немигающим взглядом
Следит сквозь оконный проём
Зимой за густым снегопадом,
Осенней порой за дождём.

Машина внизу загудела.
Стальные скрипят тормоза.
До этого тоже есть дело
Коту. Он раскроет глаза

Пошире. Старательно будет
Такую задачу решать:
Куда непонятные люди
По улице длинной спешат?

Куда за собой увлекает
Двуногих существ суета?
Должно быть, проблема такая
Давно занимает кота.

Смеркается, солнце садится.
Дневной завершается бег
И за день уставшая птица
Куда-то летит на ночлег.

* * *

Густеет сумрак за окном.
Кот с неизменным постоянством
Обходит свой притихший дом
И смотрит пристально в пространство.

Должно быть, нашему коту
Доступна истина другая.
Он всю людскую суету
Надменным взглядом отвергает.



Барсик

Должно быть, знает он один,
Спокойно возлежа на ложе,
Что нет и не было причин
Для суеты, и быть не может.

Иного счастья творцы
На всё имеют взгляд особый.
Так смотрят только мудрецы
И венценосные особы.

Время белого кота

С. А. Голикову

Я иду туда, чтобы
Как всегда, на троих,
Сквозь глухие трущобы
Переулков твоих.

И не то, чтоб с годами
Пробираться трудней,
Заметает снегами
Пустоту прежних дней.

Те же блёклые стены,
Тот же старый подъезд –
Декорации сцены
Для несыгранных пьес.

Дверь хозяин откроет,
Возвратившись в свой дом,
Где, как прежде, нас трое
В этот час за столом.

Вот и я удостоен
Стопкою коньяка,
В эмигрантском застолье
Непричастный пока.

Звон бокалов и вроде
Больше нету забот.
В это время приходит,
Как всегда, белый кот.

Эту боль испытаний
 Пережив на себе,
 Зная цену скитаний
 В эмигрантской судьбе,

и блуждать будет вечно
 Там, где помнят и пьют,
 Пусть, хотя бы на вечер,
 Обретая уют.

Вековую истому
 За столом не унять.
 Нам – вернуться до дому,
 Ты же – в Гамбург опять.

* * *

В доме хлеба нет ни крошки,
 Ветер воет – лютый зверь.
 На душе скребутся кошки.
 Надо встать, открыть им дверь.

Дождь проснулся и закапал.
 Выход есть ещё один, –
 Если денег кот заплакал,
 Пусть он сходит в магазин.

Будет день мрачней, чем прежде,
 Как навязчивый вопрос:
 Где порывы и надежды?
 Всё теперь коту под хвост.

Я рисую портрет кота

Чтоб нарушить дней рутину,
 Сбросить злую маяту,
 Вдохновенную картину
 Посвящаю я коту.

Штрих, другой, подобно магу,
 Исполняя чью-то блажь,
 На чистейшую бумагу
 Чертит контур карандаш.



Барсик

Нанося на лист эскизы,
Он старается укусить
Как топорщатся вибрисы
И блестит густая шерсть.

Отступает боль тупая.
Все дела идут на лад.
Сквозь бумагу проступает
Деловой, лукавый взгляд.

Миг, другой, он спрыгнет на пол
Чтоб пуститься в дальний путь,
А пока скребётся лапой,
Лист стараясь отогнуть.

Кот урчит, протяжно, глухо, –
Странный говор у котов.
Вывожу второе ухо,
Нос, глаза – портрет готов.

Удался портрет на славу,
Нет ни пафоса, ни лжи.
Кот сейчас промолвит «мяу»,
Подмигнёт и убежит.



Барсик

Кн. Мария МЕЩЕРСКАЯ

Кошачий стих

Кошкины ножки шарят по полкам
Ищут шуршинки, шорохи ждут,
Кажется кошке – словно из шёлка
Соткана шаль паутины в углу.
Шарит, шушунит, ждёт шевеления...
Слышит, как мыши в шкафу шебуршат.
Щурится кошка и в каждом движении
Шепчет её шерстяная душа:
– Счастье кошачье, печное, неспешное
Солнышко, шорох пустых камышин;
Спрятан за шторами шаг в неизвестное,
Спрятан за ширмой, за шумом машин...

Жадная кошка шушунит и шастает,
Ночь бередит, щекоча, шевеля.
Ищет шуршинки за штуками разными,
Шерстью пушистой вышитая.

Ирина ЯРКОВА

* * *

Все пройдёт, я знаю, понемножку
Станет легче мне идти по краю,
Девять жизней у весёлой кошки,
А у грустной лишь одна – большая...
Потому я и живу беспечно,
И умру опять легко в финале.
Если метка на билете «вечно»,
Не грустят, что много не видали...
Оттого и не спешу нисколько...
И мне виден ясный свет в окошке,
Апельсин на небе брызнул долькой,
Девять жизней у весёлой кошки.

Катя НИГАЙ

205 гимназия 3 класс.

Про кота

Однажды кот пошёл гулять.
И стал на улице мечтать.
И перешёл на красный свет.
А тут ГАИ ему: «Привет!»
– Но, что случилось, сэр, скажите!
И ради Бога не томите!
– Ты перешёл на красный свет!
Скажи-ка сколько тебе лет?
– Мой уважаемый ГАИ,
Мне года два, а может три.
И что такое светофор,
Не представляю до сих пор.

– Тогда тебе пора домой!
И чтоб из дома ни ногой!

И, хочешь, верь, хочешь, не верь,
Но кот теперь домашний зверь.

Людмила НОВИКОВА

Фея

В семье есть новый член теперь –
Лохматый, милый, как игрушка:
Мой чёрно-бело-рыжий зверь,
Прекраснейшая кошка Пушка!

Она игрива и смешна,
И своевольно-непослушна.
Вся дикой грации полна, –
А как горда, как равнодушна!

Кто там газетами шуршит?
Кто нападает из-за шкапа?
Кто на диване сладко спит,
Раскинув задранные лапы?

Я разговариваю с ней,
Я сяду – кошка сядет рядом
И доброй теплотой своей
Она всегда делиться рада.

Нас Пушка любит ждать у двери,
Встречая песенкой своей.
А главное – она в нас верит,
Как в самых преданных друзей.

Чем больше я общаюсь с нею,
Тем чаще думается так:
Живёт под видом кошки Фея,
Хранящая родной очаг.



Работа Василисы СОКОЛОВОЙ

Анастасия ПЕРЛУХИНА

К нам переехала Нева

(детское)

К нам переехала Нева,
Гостиный двор, Адмиралтейство,
И это милое семейство
Здесь помещается едва.

За поворотом – Петербург,
А вдоль привычный взору город.
Он, как и прежде горд и молод –
Всё так устроил драматург.

Растут и ширятся мосты
Для новой сказочной прогулки,
И эрмитажные коты
Гуляют важно в переулке.

Над рострами горит огонь,
На катерках экскурсоводы.
И те же кони, те же своды
Знакомых сердцу куполов.



Работа Татьяны СЕМЁНОВОЙ

Антон ПОГРЕБНЯК

Кормление Кошки

(кошарное питание)

Продукты отличного качества!
Попробуйте, Ваше Клыкачество!
Попробуйте, Ваше Усачество!
Попробуйте, Ваше, ой! Кусачество!

Продукты в огромном количестве!
Попробуйте, Ваше Величество!
Попробуйте, Ваше Курлычество!
Попробуйте, Ваше Мурлычество!

Продуктов на целую армию!
Грохочут вагоны товарные,
Не клеится рифма ударная,
Вздыхают поэты бездарные.

Калерия СОКОЛОВА

* * *

Октябрь. Мороз. Глазастая собака
ласкается (хотя не обоюден
наш интерес) к колену, мол: соблаго-
волите в дом пустить, к печи и к людям.

И мне бы тоже оборотнем оземь
удариться. Ласкаясь, боком, боком
проникнуть в дом – и Болдинскую осень
втянуть собачьим носом ненароком.

Но не удастся выскользнуть незримо.
Подставят голову к носу, к паху,
дадут вдохнуть растопочного дыма, –
и выставят за двери. Как собаку.



Работа Татьяны СЕМЁНОВОЙ

Святослав ТЕРНОВ

Про кота

Нет, так нет, – вот дверь, – уходи!
...Ожидала, не ожидала!
«Ты не джин, я не Алладин»...
Не хочу начинать сначала!
...Потому что такой финал
Не устроил и не устроит.
Я сто раз коту обещал,
Что нас в комнате станет трое.
У меня ведь кот убежал...
Ты бы, кстати, могла заметить...
Торопилась, как на пожар,
Раздражение излить в ответе.
Всё я выслушал, уходи!
...Объявления? Да, развесил.
...Совершенно теперь один...
Кот пропал, оттого не весел...
Нет, его я не выгонял.
Что за странные параллели?
...Телефон... кто звонит? Меня?
...Там кота нашли, полетели!

Вера ЧИГАРИНА

Четыре кота на крыше

Четыре кота на крыше
Беседовали с луной:
Пушистый сказал: Я слышал,
Тоскливо тебе одной!

Мурлычет большой и гладкий,
Топорща усы чуть-чуть:
Скажи нам, он, правда, сладкий,
И свежий, тот млечный путь?

Облезлый, когда-то рыжий,
Котяра по кличке Бой
Спросил: если влезть повыше,
Мы сможем уйти с тобой?

Последний воскликнул: Братцы!
А я хоть сейчас готов
В гостях у луны собраться
На лунных взглянуть котов!

* * *

По питерским мостам гуляла кошка,
Вся белая от носа до хвоста,
И я была взволнована немножко,
Поняв, что наша встреча неспроста,

Она кивнула, шевельнув усами,
И, не спеша, продолжила свой путь,
Мы иногда, столкнувшись с чудесами,
В глаза им можем робко заглянуть,

Вот так и я, не верившая в небыль,
Стояла у Дворцового моста
И видела: взлетела кошка в небо,
Вся белая, от носа до хвоста.



Работа Ивана ЛЕБЕДЕВА

Максим ШВЕЦ

В квартире

Фантастика, фантазия, фантомы.
Герои сказок: кошки и коты
заполонили всё пространство комнат,
и счастлив я от этой тесноты.

Довольный Бегемот, живот погладив
и хрупнув малосольным огурцом,
перелистал стихов моих тетради
и сочно «обозвался» – «молодцом».

Кот в сапогах вельможный и красивый
учился шаркать ножкой на ковре
и величал – маркизом де Максимом,
и приглашал в заморское турне.

Кот Мурр, благовоспитанно жеманясь,
манерничая, словно камергер,
просил автограф у меня – на память,
не замечая скромный интерьер.

Чеширский кот роскошно улыбался,
Матроскин бутерброды уминал,
одни – неправильные, как я ни старался,
других не получилось у меня.

Базилио ругался и канючил,
что он несвоевременно облез,
стянул и спрятал в шляпе авторучку,
а Митрофан от пива был нетрезв.

Кот Леопольд увещевал собрание.
Никто его не слушал в суете.
А я, с ногами сидя на диване,
над рифмами глагольными потел.

А кошка, что гуляла, где хотела,
пройдясь по отопительной трубе,
так огненно глазами заблестела,
что стало мне слегка не по себе.

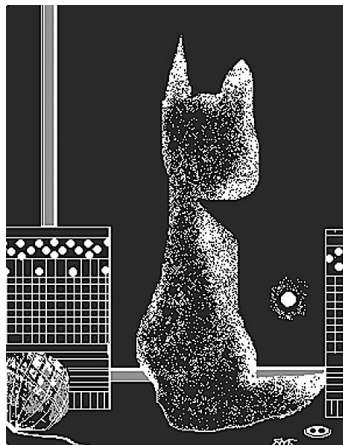


Работа Наталии КЛИВАК

Ирина ЯРКОВА

Вечер

Снова небо в сиреновой дымке.
 Тёплый вечер спустился на крыши.
 Звуки стали протяжней и тише.
 Вот бы вечер погладить по спинке,
 Вечер-кот удивительно нежен.
 Помурлычем о чувствах дуэтом.
 Жаль, по всем невесёлым приметам
 Лето будет и поздним и свежим...
 Жаль, что он (вечер знает о ком я)
 Не увидит мой вечер лиловый,
 Этот воздух, прозрачный и новый...
 Запах хлеба от клумбы, где комя
 Не разбил ещё дворник усталый...
 Он сегодня с утра прибирался.
 Я бреду непроложенным галсом.
 Мимо дома и мимо квартала...



Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Екатерина МУРАДОВА

Кошки и ислам

С незапамятных времён рядом с человеком живёт четвероногий друг – кошка. В разные эпохи и в разных странах отношение к ней было неоднзначное: от обожествления до проклятий. В Древнем Египте кошкам поклонялись. Ведь кошки сберегали урожай от нашествия грызунов, уничтожали крыс, как источник эпидемии чумы, защищали дома от змей. Известны даже фигурки богини Баст с головой кошки. Почитали кошек и в Древнем Китае. А вот в средневековой Европе кошек причисляли к помощникам дьявола. Их убивали самыми жестокими способами, ибо думали, что так борются с нечистой силой в образе кошки, приносящей зло и болезни. Отдельной темы заслуживают «суеверия и чёрная кошка».

Особенное отношение к кошкам мы видим и в исламе. Ещё до появления ислама арабы почитали кошек. Но именно в мусульманский период симпатия к этим четвероногим снискала особенное распространение. Некоторые приверженцы ислама даже считают, что кот родился в ковчеге Нуха (в Библии – Ной) от львиного чиха.

В исламе нет понятия «священное животное», как, к примеру, сказать, корова в Индии. Наносить вред животным у мусульман запрещается: бить

животных, издеваться над ними (например, нельзя подстригать когти у кошек). В то же время нет и поклонения им. В доме разрешается содержать кошку, если это не несёт вред хозяину.

Пророк Мухаммад любил кошек и советовал своим единоверцам заботиться о них. У Пророка была любимая кошка. Он опекал её, никогда с ней не расставаясь, даже во время молитвы. Существует даже хадис о том, что Мухаммаду нужно было срочно уйти, а кошка уснула на рукаве одежды, он отрезал рукав, лишь бы не побеспокоить её сон. Когда он вернулся, кошка проснулась и поклонилась ему. Тогда Пророк погладил её три раза. Известна история, как кошка спасла Мухаммада от ядовитой змеи. Как считают некоторые мусульмане, с тех пор на лобиках некоторых кошек появились четыре полосы. А после того, как Пророк коснулся спины животного, та приобрела способность всегда приземляться на все четыре лапы. Из-за его любви к кошкам у него было прозвище «отец кошек». Известна также фраза Пророка о том, что «кошки не нечисты и не мешают молитве, они подобны пастырям».

Один из хадисов рассказывает о том, что одна женщина, которая держала взаперти свою кошку без воды и еды, попала в ад. Передают от Абдуллы, что Посланник Аллаха, сказал: «Была наказана женщина из-за кошки, которую она держала в тюрьме, пока та не умерла. И из-за неё эта (женщина) вошла в Огонь – она и не кормила её, и не поила, как заключила её, и не отпускала её питаться стрекунами (насекомыми) земными» (сборник хадисов Сахих Муслим). В одном из хадисов говорится так: «Передают от Абу Аль-Зубайра, сказавшего: «Я спросил Джабира о вырубке за собаку и кошек. Он ответил: «Пророк, резко высказался (и предостерёг) от этого» (сборник хадисов «Сахих Муслим»).

Известно отношение к кошкам проповедника ислама и передатчика хадисов о жизни Пророка Мухаммада по прозвищу Абу Хурайра («отец кошечки»). Его настоящее имя было Абд ар-Рахман бин Сахр. Прозвище возникло потому, что он носил в рукаве одежды кошку. Другое его известное прозвище Абу Хирр («отец кота»).

Жена Пророка Мухаммада Айша во время молитвы увидела, что кошка поела стоящую на полу еду. Завершив молитву, она стала есть после животного, сказав, что Пророк делал омовение водой, которую они пили. В одном из хадисов говорится: «Дауд ибн Сахих ибн Динар ат-Таммар привёл слова своей матери о том, как её хозяйка послала её с блюдом (харисы) к Айше, когда та совершала молитву. Она сделала мне знак, чтобы я опустила его на пол. Кошка подошла и попробовала немного из него, а когда Айша закончила молитву, она поела, взяв еду из того места, где ела кошка. Она сказала: «Посланник Аллаха сказал: «Они не нечистые: они – ваши

домочадцы». Она добавила: «Я видела, как Посланник Аллаха выполнял омовение водой, к которой прикасалась кошка» (хадис Дауд, рассказал Джабир ибн Абдулла).

Британский востоковед Эдвард Лэйн в 30-х годах XIX века был в Египте. Свои заметки о жизни тогдашних египтян он изложил в книге «Нравы и обычаи египтян». На страницах этой книги он упомянул интересное явление из жизни каирцев. «А вот ещё забавная черта из жизни египетской столицы: все бездомные кошки кормятся за счёт каирского кади (главного судьи), проще говоря, находятся у него на иждивении. Каждый день, после полудня, на большой двор перед Махкамой (место судопроизводства) приносят потроха, и кошек созывают на трапезу. Башкятиб (главный писарь кади) рассказывал мне, что султан аз-Захир Бей-барс (мамлюкский султан XIII века) в завещании отказал кошкам сад рядом со своей мечетью. Сад называется Гейт аль-кутта (Кошачий сад). Однако сад был всё же продан душеприказчиками под тем предлогом, что слишком запущен и поддержание его приносит одни убытки. Потом этот сад ещё долго переходил из рук в руки. Сейчас ежегодный доход с него составляет хекр (налог на землю) всего в пятнадцать пиастров, отчисляемых в пользу бездомных кошек. В результате забота о кошках пала на городского кади. По долгу службы он является официальным распорядителем всех средств, завещанных на дела милосердия». До сих пор, как в Каире, так и в Дамаске, Стамбуле и других мусульманских городах можно увидеть много кошек.

Кошки помогали не только в решении практических нужд, уничтожая грызунов, скорпионов, но как ни странно, служили в назидание людям. Вот история Ибн Бабшада, записанная в конце XIV века египетским теологом и зоологом Дамири:

«Грамматист Ибн Бабшад со своими друзьями однажды сидел на крыше мечети в Каире. Друзья чем-то закусывали. Когда мимо проходила кошка, они дали ей несколько кусочков еды. Она взяла еду и убежала, но потом возвращалась – снова и снова. Учёные мужи проследили за кошкой. Они увидели, что она убегает в соседний дом, на крыше которого сидела слепая кошка. Рядом с ней наша кошка оставляла принесённые кусочки пищи. Ибн Бабшад усмотрел в этом заботу о слепом животном со стороны Аллаха, и это настолько потрясло учёного, что он оставил все свои пожитки и стал жить в нищете, всецело полагаясь на Аллаха до самой своей смерти в 1067 году».

Множество историй суфиев также рассказывают о кошках. Например, известный суфий X века аш-Шибли увидел сон, в котором ему были отпущены грехи за спасение одного котёнка. Среди суфиев были и шейхи, и врачи, и математики, и учителя, и государственные деятели. Они постигали астроно-

мию и молекулы. Исходя из своих наблюдений, заключили, что урчание кошки часто сравнимо с зикром – ритмическим монотонным повторением священных текстов, которое использовали для лечения больных. Так, упомянутый выше аш-Шибли рассказывал: «Я пошёл повидаться с Саури. Я увидел, что он пребывает в медитации и при этом настолько неподвижен, что у него не шевелится даже волосок. Я спросил: «У кого ты научился такой глубокой медитации?» «Я научился этому у кошки, поджидающей мышь у норы. Кошка шевелилась гораздо меньше, чем я». Современная медицина подтвердила изыскания прежних врачей и действительно, урчание кошек действуют на частотах, которые способствуют заживлению переломов костей.

Симпатия к нашим четвероногим друзьям сказала не только в изобразительном искусстве, но и в мифах и легендах. Сложилось даже поверье, что ночью «добрый дух» вселяется в домашних животных (кошек, собак). Поэтому, причинившего им вред, ждёт суровая кара.

В своей книге современный исследователь Дж. В. Толан пишет о шахе Исмаиле Сафави (жил в XV–XVI вв.): «С ним всегда был его кот, и врагом становился ему тот, кто его обижал. У [Исмаила] был шатёр, в котором было 365 или 366 входов, круглых как мир, и утром открывался тот, которым ежедневно пользовался кот... Говорили, что в облике этого кота [Исмаил] имел духа-защитника, помогавшего и советовавшего ему, и совершившего с ним много чудес...»

Образ кошки нашёл своё отражение и в литературе, и в декоративно-прикладном искусстве.

Существуют упоминания кошек в полузабытой истории мусульманской науки, например, о кошках пишется в научной книге IX века под названием «Китабаль-Хаиаван» («Книга о животных»).

Итак, мы видим, что в исламе отношение к кошкам особое, что, по всей видимости, связано с симпатией Пророка Мухаммада к кошкам. В исламе есть указания, что нужно бережно относиться и к другим представителям животного мира, например, к верблюдам, лошадям и даже насекомым.

Глоссарий

Хадис (арабский, буквально – рассказ), предание, основанное на случае из жизни или каком-либо изречении Мухаммада и его сподвижников.

Сахих – действительное и верное действие или повествование. Сахихом является хадис, переданный заслуживающими доверия рассказчиками, обладающими хорошей памятью. Такие хадисы являются точными, в них нет скрытых недостатков, и они не противоречат другим достоверным хадисам.

*ДЕТИ
СВОБОДНОГО ПЛЕМЕНИ*



Валерия КОКОВКИНА «Волк»

*Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле.
Гой, ты Родина моя,
Тёмный бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь, да тучи!*

Гр. А. К. Толстой

Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ

Осторожная волчица

Осторожная волчица ходит по небесным тропам...
Смотрим в небо. Варим зелье. Носим камни. Пишем сказы.
То пугает непогода сокрушительным потопом,
То безмолвие пугает чьё-то стадо жёлтым глазом.

А наутро с первым снегом все улики – как попало:
Ни следов, ни гильз, ни крови, ни дороги, ни распутья...
Как сквозь землю... Как – сквозь звёзды... Что упало – то пропало...
Кто упал и кто поднялся?.. И поднялся ли по сути?...

Не завидуй чуждой шкуре, коль своя не сохранилась.
Волки – целы. Овцы – сыты. Недовольны – только люди.
Ты одно запомни верно: снисхождение – не милость.
Кто упал, а кто – поднялся... Ни дороги... Ни распутья...



Работа Виктории БАЗЛОВОЙ-БОРЩЕВСКОЙ

Анастасия БОЖЕНОВА*Бог с тобою, брат мой волк*

М. И. Цветаева

* * *

Я твоей никогда не буду.
 Я ничья. Ведь свободна я.
 И о встрече нашей забуду,
 Улечу в небеса. Одинокая.
 Это ТЫ со мной, а не Я с тобой
 И не вместе мы. Не заметил?
 Разделяет нас да не волчий вой,
 А лик птицы, что будто бы светел.
 Чёрным вороном улечу одна,
 И о счастье мечтать позабуду.
 Хотя, может быть, я чуть-чуть влюблена.
 Вспоминать тебя, может быть, буду.
 Быть с тобой вдвоём – это тяжкий груз,
 Что ложится на хрупкие плечи.
 Не грусти родной, не впадай в загруз.
 Помни, радость моя, время лечит.
 Ты силен и серьёзен, а я – пустышка,
 Стрекоза из басни Крылова.

Кирилл БУСУРИН*Студент факультета социологии НИУ-ВШЭ***Ветхий хуторок**

Сидел я в школе – скукота,
 И грязь, и пыль, и духота.
 За партой молча потухал.
 Вдруг Вова весточку прислал:
 Бери Санька и поскорей
 Айда в наш дом среди степей.
 Замедленный машин поток,
 Вот лес и мрачный хуторок.
 Прекрасно всё, свежо кругом,
 Вот след оставлен кабаном.

Резвились волки в чехарду –
Сломали ветку на пруду.
Тропинка, речка, домик наш,
С парнями забрели в шалаш,
Вели душевный разговор,
Вонзился в дерево топор.
Костёр, три друга – лепота,
Компотик, банька – красота,
Душа поёт и сердце бьётся,
А тело всё на волю рвётся...

Марина ГАДЖИЕВА

Луна

Серебристая, вся в облаках,
Исчезает и снова является...
Как тоскует она по волкам!
Как они ей в ответ заливаются!

Небо, жадно впитав серебро,
Расстилавает его по земле...
И разлаписто с разных сторон
Тучи тянутся в дьявольской мгле.

Вот она – в паутине ветвей
(Оказалась вдруг в мнимом плену) –
В алчных лапах небесных чертей,
Их сцепления не разомкнуть.

До рассвета волк взглядом глотал
Каждый блик, озарявший его.
Он по-своему ей отвечал,
И она понимала без слов.

Диалог между светом и звуком
Повторяется каждую ночь.
День для них – это страшная мука:
Наступает и гонит их прочь.

Юлия ЖИВОЛУПОВА

* * *

Я – чужая. Я – другая. Я – не та.
 Я – волчица. Я – вольница. Я – своя.
 Вы – чужие. Вы – другие. Вы – не «мы».
 Вы – не волки. Вы не вольны.
 Вы – враги.

Кристина ЗУБОВА

Студентка факультета социологии НИУ-ВШЭ

Вереск

О, мой вереск степной!
 Когда встретимся мы?
 Жди меня, я приду за тобой
 На заре уходящей зимы...

Будут выси пылать
 Первородным огнём.
 Будут ведьмы играть –
 Танцевать под дождём!

И валькирии голос раздастся во тьме.
 И услышат сей клич ведьмы, что при луне
 Колдовали, смеясь, призывая весну,
 И встречали с улыбкой Богиню Луну.

И природа тогда снова пустится вскачь –
 Вдаль ручьи потекут, словно трели струны.
 Только слышаться будет по-прежнему плач –
 Волчий вой на скале одинокой Луны...

Алексей КОРОЛЁВ

Серый волк

Я бежал, я как будто летел по дорожной пыли
 Мимо терпких крушин и лиловых цветков Иван-чая
 И соседские псы поравняться со мной не могли.
 Я всё таял и таял, всё выше цветы замечая.

Уменьшаясь в размерах, я мчался быстрее и быстрее,
И протяжное время, гудя, подо мной прогибалось,
И ловил меня чёрным силком леший гиперборей,
И к воздушным рукам моим тихо подкралась усталость.

Я замедлил движенье и время, качнувшись назад,
Завертелось опять, я увидел резные палаты,
Древнекняжеский терем, орешник и яблони... Сад,
И колодезь, и ковш, тот, что я уже видел когда-то.

И хотелось напиться, и всё мне не взять было в толк:
То ли ковш серебрён, но воды и пьянее, и чище
Я не пил никогда, и откуда-то взялся вдруг волк,
Отраженьем глядит из воды, здоровенный волчище.

Как легко превращаться, а я-то ведь думал: обман –
Наши старые песни тотемной и преданной дружбы!
На крыльцо тихо вышел застенчивый княжич Иван,
Накормил меня, обнял и препоручил мне три службы.

Раздобыли мы всё, я ещё обращался не раз,
И конём златогривым я был, мы ловили Жар-птицу,
И когда он поведал мне свой задушевный наказ,
Я привёз от Далмата-царя на спине Царь-девицу.

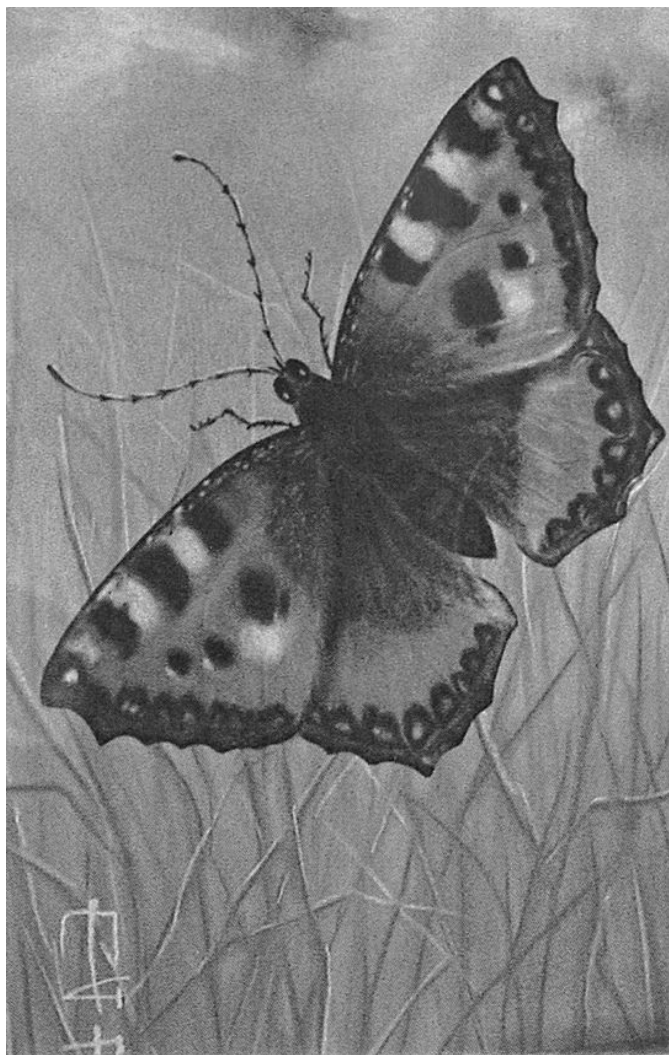
Мы простились так нежно, в мой хвост она ленту вплела.
Я опять побежал, ускоряясь, быстрее, чем комета,
Мимо синих лесов, и хвостом, как по глади стекла,
Заметая озёра, почти что со скоростью света.

Я опять сокращался до точки, потом тормозил
И вернулся назад, снова облик приняв человеческий,
Я прошёл через сад и поднялся вдоль белых перил
И присел меж родных, упиваясь течением речи.

И с тех пор я уверен вполне: наши предки могли
Обращаться, был опыт, тому доказательством – лента,
Что привёз на хвосте я из Киевской Русской Земли
И теперь демонстрирую еженедельно студентам.



*БАБОЧКИ
и
КОМАРЫ...*



Работа Виктора КОБЗЕВА

Евгений КАПУСТИН

Элегическое посвящение комару

О ты, рождённый в сумерках во влаге
Дремотной и таинственной чашобы
И избежавший смерти от лягушек,
От ласточек и прочих плотоядных,
Зачем сейчас кружишь над головою?
Зачем ты ищешь место нападения?
Чем я тебя привлék, скажи на милость?
Неужто больше нечем поживиться?

Могучий шмель, поющий гулким басом,
Соболью носит шубу, как Шаляпин,
Питается всегда нектаром сладким,
И дом его богатый, крепкий, тёплый.
А стройному изящному фальцету,
Голодному певцу высокой ноты
Я вижу, только кровь необходима,
Ничто его иное не насытит!

Однако, я не лучший из двуногих,
В моей крови – ни капли алкоголя,
А, значит, ты не выпьешь за здоровье
Своих микроскопических личинок,
Что спят сейчас во влажной колыбели
Прохладного туманного болота.
А если опьянеть ты не намерен,
Зачем тебе сегодня кровь людская?

Я, впрочем, не уверен в превосходстве
Людей над прочей земноводной тварью,
Однако мы разумными назвались,
Но многим здесь рассудок позволяет
Почувствовать лишь собственную глупость!
И, чтобы не испытывать гордыню,
Людское чтоб величие не тешить,
Я дам тебе вкусить. Покушай, милый!



Работа Наталии КЛИВАК

Максим ОГУРЕЦКИЙ

* * *

Узором расписным покрыто
Заиндевелое стекло,
И ветер, резво и сердито,
Пытался вытянуть тепло,
А на окне к стеклу прижался
Такой малюсенький комар,
Откуда он зимою взялся?
Наверное, и сам не знал.

Калерия СОКОЛОВА

* * *

Оно вернулось! Ласточкой высокой
Курлыкнуло, рассыпалось горошком,
Ощерилось зубастою осокой,
Пчелой забралось по цветным обложкам.

Оно вернулось! Крышею замшелой
Взнеслось, и распласталось лягушонком,
И ароматом кожи загорелой
Не даст покоя бабочкам-подёнкам.

Оно вернулось! Детство воротилось!
Как май, как жимолость, как горстка земляники.
Оно вернулось! и в груди забилося,
И побежало, сбросив черевички.

ЗВЕРЯТА Веры ЧИГАРИНОЙ

* * *

За печкой сверчки
Позабыли Очки,
И, очень жалея об этом.
Звонили слону.
Чтоб хотя бы одну
Он им прочитал газету!

* * *

Леопард звонит косуле:
«Можно я Вас нарисую?
Вас, красавицу такую,
Приглашаю в мурррстерскую.
Я художник хоть куда»,
– Говорит косуля: «Да!
Но идти к Вам неохота.
Лучше я Вам вышлю фото».

* * *

Павлины Арсений и Ада
Уехали из зоосада.
Кричала всем мышшь,
Что умчались в Париж
Павлины Арсений и Ада.

* * *

Однажды синица по имени Вера
Склевала буше и четыре эклера.
Синице ни с кем не хотелось делиться
Теперь не взлетает округлая птица.

* * *

Пью кофе в уютном кафе я,
Со мною малюточка-фея
Сидит на цветке
С чайной чашкой в руке,
А в чашке – отвар из шалфея.



Работа Валерии КОКОВКИНОЙ

*МАТЕМАТИКИ в полилинейных формах
контравариантно ШУПЯТ
с сопряженными гильбертовыми
пространствами и
с эллиптическим параболоидом графа
Алексея Н. Толстого*

Студенческая загадка:
В комнате большой идет
Человек под пятьдесят
Стричьтесь - у всех деда
Восемь рублей в "козла",
Десять чертят чертени,
Десять смеются от души
Шесть соимис в морских боях,
Три рисуют на столах,
Двое поедают шибол
Семь ищут детективов
Четверо журналы шедет
Их и прое просто спят!
А один (какой-то стракый)
Битый нас уже стоит
И о чем-то в полный голос
Сам с собой говорит =)

ο πλατωνισμός ο πατριωτισμός ο πνευματισμός π³

Поделю на нуль тебя – и не пикнешь.

Калерия Соколова

Виктор Павлович СКИТОВИЧ

(18.12.1921 – 16.06.1995)

Профессор Санкт-Петербургского университета.

Автор теоремы Дармуа-Скитовича.

*Заведующий кафедрой математической статистики, теории
надёжности и массового обслуживания факультета ПМ–ПУ*

Санкт-Петербургского университета.

Гимн математиков

На мотив «Марша авиаторов» («Все выше»)

Скромность украшает добродетель

Мы – соль Земли, мы – украшение мира,

Мы – полубоги, это – постулат.

Пусть в честь нас бряцает звонче лира,

Литавры медные пускай гремят!

Припев: *Всё дальше, и дальше, и дальше*

Другие от нас отстают,

И физики, младшие братья,

Нам громкую славу поют!

До наших дней от мира сотворенья

Заслуги математиков видны.

Мы создали таблицу умноженья,

Бином и пифагоровы штаны.

Припев.

Мы дали миру интеграл и синус,

Мы научили множить и делить,

Мы знаем, где поставить плюс и минус,

Какие числа в степень возводить.

Припев.

В больших делах мы все неутомимы,

Мы интеллекта, как один, полны.

Мы лишь с собой по модулю сравнимы,

Другие нам в подмётки не годны.

Припев 2 раза.

* * *

(На мотив «Когда б имел золотые горы»)

На дне глубокого сосуда
 Лежат спокойно n шаров.
 Попеременно их оттуда
 Таскает двое дураков.
 Сие занятие им приятно,
 Они таскают t минут,
 И вынув шар, его обратно
 В сосуд немедленно кладут.
 Ввиду условия такого,
 Сколь вероятность велика,
 Что первый был глупей второго,
 Когда шаров он вынул k ?



Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Калерия СОКОЛОВА

* * *

Ни черта не пишется – ну и фиг с ним.
 Начертай мне формулы, игрек с иксом,
 Буду строить графики, ординаты,
 А метафоры – посылаю на... Ты
 Объясни мне дактилем интегралы:
 Мне нужны стратегии – тактик мало,
 Мне нужны валькирии – не вакханки.
 Возводи не в степени – сразу в ранги –
 Всех моих возлюбленных – постепенно
 От детсада до... Нощно, денно
 Извлекай из этого горький корень,
 А потом ещё мы поспорим
 О значенье функции между нами.
 Верно так, как в Ладоге нет цунами:
 Ось любви отсутствует – ч. т. д. – и
 Не цветут над прорубью орхидеи,
 Не кишит медузами лёд на Нево,
 Не хочу твоею быть королевой.
 Не утопишь – с жабрами и без крови,
 Рождена в рубашке я – не отловишь.
 Расшибись на дробные – и в лепёшку,
 Обернись окружностью – иль рыбёшкой,
 Но memento mori, ведь – я more big fish,
 Поделю на нуль тебя – и не пикнешь.

*«ЕЩЕ МОЛИМСЯ О БОГОХРАНИМЕЙ
СТРАНЕ НАШЕЙ, ВЛАСТЯХ И
ВОИНАХ ЕЯ...»*



Памятник воинам-интернационалистам и церковь Св. Георгия

*«Здесь тьма» – твердят ублюдки и плебеи,
«Россия – тьма, на Западе – покой!»
Так знай же, враг мой,
казни нет страшнее,
Чем вечная разлука с этой тьмой!*

Калерия Соколова

*Нет, любовь к Отечеству не земное чувство! Оно слабый, но
верный отголосок непреодолимой любви к тому безвестному
Отечеству, о котором, не постигая сами тоски своей, мы скор-
бим и тоскуем почти со дня рождения нашего!*

М. Н. Загоскин. «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»

ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА

Александра СЕВОСТЬЯНОВА

Студентка экономического факультета НИУ-ВШЭ

О дедушке

«Нет в России семьи такой, где не памятен был свой герой»

12 февраля 1944 г. войска 67-й армии Ленинградского фронта при содействии 59-й армии Волховского фронта освободили Лугу. Каждый прошедший год всё дальше и дальше отдаляет нас от этих событий. Но память миллионов людей бережно хранящих воспоминания о героях военных лет не позволит предать забвению их подвиг. И труд военных историков, порой спустя огромное количество лет, вдруг расскажет о том, как сражался и погиб герой твоей семьи, о котором ты слышал с детства от своей бабушки. Память об этом герое хранится в семье жительницы нашего города.

Георгий Каширин, ему было 23 года, когда он погиб защищая страну. Волею судьбы, молодой паренёк из далёкого киргизского города Токмак, стал участником операции, венцом которой явилось освобождение Луги.

Ровно месяц длилась Новгородско-Лужская операция, задуманная нашим командованием как: задать нашему противнику побольше неразрешимых вопросов, внести сумятицу в штабы и войска противника. Важнейшую роль, вспоминал после войны маршал Кирилл Мерецков, сыграли действия южной группы войск, форсировавшей озеро Ильмень. Смысл операции через Ильмень заключался в её неожиданности для немцев, оборонявших западное побережье озера. Ставка – на полную внезапность, на вы-

держку и отвагу солдат, на их умение действовать смело и дерзко. И вот тут возникла идея использовать аэросани. Главное, произвести на чужом берегу как можно больше грохота! Аэросани со своими авиационными двигателями и грохочущими пулемётами нагонят на врага панику. Пехоте выданы специальные взрывпакеты, чтобы пошуметь погромче. Боеприпасы тоже особые – патроны с трассирующими пулями. Пусть немцы думают, что атакуют их не восемь батальонов пехоты, а 2-3 дивизии. Главный же удар последует на севере от Новгорода утром.

Ночь на 14 января – батальоны шли в полной тишине. Людям запрещено разговаривать, курить. Люди в белых халатах с капюшонами походили на призраки. Всё, что можно, выкрашено в белый цвет – волокуши, пулемёты, орудия. Даже лошади двигались в белых пополах. Чтобы аэросани до срока не выдали себя рёвом моторов, в машины впрягли лошадей.

Вероятно, немецкие часовые оторопели, когда увидели как из предутренней тьмы, из метельной мути зыбко выплывает шеренга безмолвных белых призраков. Пленные потом говорили, что их застали врасплох.

«Южнее Новгорода, – сообщало Совинформбюро, – наши войска успешно форсировали верховье озера Ильмень»...

44-аэросанный батальон, так указано в объединенной базе данных «Мемориал», последнее место службы Каширина Георгия Ивановича. Умер от ран 17 января 1944 года, похоронен в деревне Холынья Новгородского района.

Он мечтал быть лётчиком, поступив после школы в лётное училище. А ещё он писал стихи. Пусть этот его стих станет памятью-посвящением юным воинам, не вернувшимся с войны, и их матерям, не дождавшимся своих сыновей...

Георгий КАШИРИН

Деревня Русско, Новгородская область

За оборону Ленинграда

Я верю в тот рассвет,
Когда герой, как гость непрехотливый,
За древний стол, знакомый с детских лет,
Присядет с матерью счастливый.
И мать, забыв бессонную печаль,
Ему в широком дедовском стакане
Нальёт вина и взглянет на медаль,
На боевые ленточки и грани.

Потом пушистым кончиком платка
Смахнёт с неё налёт дорожной пыли,
И непременно спросит паренька:
«За что тебя, сыночек, наградили?»
Солдат припомнит всех боёв огонь,
Но мать рассказом страшным не встревожит,
И на её дрожащую ладонь
Награду бережно положит,
И долго, долго мать не оторвёт
От светлой бронзы радостного взгляда,
И по слогам торжественно прочтёт:
«За оборону Ленинграда».



Проект памятника «Невский пяточок» скульптора Л.В. Аристова

Николай АГНИВЦЕВ

*Учился в Санкт-Петербургском Университете
(8 (20) апреля 1888 – 29 октября 1932)*

* * *

Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?!
Как были праздничны они
Над петербургскою Невою!

Вы помните, как ночью вдруг
Взметнулись красные зарницы
И утром вдел Санкт-Петербург
Гвоздику юности в петлицу?

Ах, кто мог знать, глядя в тот раз
На двухсотлетнего гиганта,
Что бьёт его последний час
На «Петропавловских курантах!»

И вот иные дни пришли!
И для изгнанников дни эти
Идут вдали от их земли
Тяжёлой поступью столетий.

Вы помните иглистый шпиг, ¹
Что Пушкин пел так небывало?
И пышность бронзовых страниц
На вековых пьедесталах?

И ту гранитную скалу,
Где всадник взвился у обрыва;
И вдаль летящую стрелу
Звнящей Невской перспективы;

И вздох любви нежданных встреч
На площадях, в садах и скверах,
И блеск открытых женских плеч
На вернисажах и премьерах;

И чьи-то нежные уста,
И поцелуи в чьём-то взоре
У разведенного моста
На ожидающем моторе?..

Вы помните про те года
 Угасшей жизни петербургской?
 Вы помните, никто тогда
 Вас не корил тем, что вы русский?

И белым облаком скользя,
 Встаёт всё то в душе тревожной,
 Чего вернуть, увы, нельзя,
 И позабыть что невозможно!..

Сергей АЛЯКРИНСКИЙ

Вечером 25 декабря 1877 г. отряд Скобелева двинулся через Балканы. Снег достигал глубины двух метров, отчего многотысячный отряд двигался гуськом. Почти три километра дорога шла по узкому обледеневшему карнизу над пропастью. Затем – двухсотметровый спуск с крутизной более 45 градусов. 28 декабря 1877 г. Скобелев атаковал турецкие укрепления у деревни Шейново. Сражаясь фактически со всей армией Весселя-паши, «Белый генерал» (тур. «Ак-Паша») одержал в этом генеральном сражении Балканской войны блестящую победу. Ещё одна турецкая армия перестала существовать. Вся Россия повторяла имя Скобелева. Ему – при жизни и после смерти – посвящали стихи, песни, музыкальные произведения. Одно из них – изданное в 1900 г. в Москве сочинение С. А. Алякринского (слова и музыка) «Белый генерал», с посвящением «памяти великого полководца М. Д. Скобелева» и многозначительным подзаголовком «Русская песня».

Белый генерал (Русская песня)

Поднялась Россия, поднялся народ
 Всей могучей силой бить турецкий сброд.
 Царь-Освободитель армию послал,
 Был ей предводитель Белый генерал.

Припев:

*Наш непобедимый Скобелев родимый,
 Наш народный, наш Белый генерал! (2 раза)*

Турок злой великий гузел собирал,
 Но не спал наш дивный Белый генерал.
 Он перекрестился и повёл нас в бой,
 Турок весь разбился, потерял свой строй.

Припев.

Смерть по стану рыщет, ядра к нам летят,
Жутко пули свищут и бойцов косят.
Всех страшил наш Белый генерал порой,
Сам же не боялся раны никакой.

Припев.

Полководец славный, как орёл, летал,
Впереди всех, храбрый, войско ободрял.
От него укрылись турки все в повал,
Он – герой народный, всех их разметал.

Припев.

Пред крестом склонилась гордая луна
И теперь покорно светит нам она.
Скобелев бессмертный турок покори,
Славою победной Русь всю одарил.

Припев.

Алексей АПУХТИН

Выпускник Училища Правоведения (1841–1893)

Солдатская песня о Севастополе

Не весёлую, братцы, вам песню спою,
Не могучую песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Я спою вам о том, как от южных полей
Поднималось облако пыли,
Как сходили враги без числа с кораблей,
И пришли к нам, и нас победили.

А и так победили, что долго потом
Не совались к нам с дерзким вопросом,
А и так победили, что с кислым лицом
И с разбитым отчалили носом.

Я спою, как, покинув и дом и семью,
Шёл в дружину помещик богатый,
Как мужик, обнимая бабёнку свою,
Выходил ополченцем из хаты.

Я спою, как росла богатырская рать,
Шли бойцы из железа и стали, –
И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали!

Как красавицы наши сиделками шли
К безотрадному их изголовью,
Как за каждый клочок нашей русской земли
Нам платили враги своей кровью;

Как под грохот гранат, как сквозь пламя и дым,
Под немолчные, тяжкие стоны
Выходили редуты один за другим,
Грозной тенью росли бастионы, –

И одиннадцать месяцев длилась резня,
И одиннадцать месяцев целых
Чудотворная крепость, Россию храня,
Хоронила сынов своих смелых...

Пусть не радостна песня, что я вам пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Николай АРТЁМЕНКО

* * *

Вьются ленты голубые,
Бескозырки точно в ряд,
С гордым видом, боевые
Моряки стеной стоят.

Дует ветер, волны плещут,
Скоро в путь идти опять,
Флаг Андреевский трепещет,
Рвётся в море погулять.



Офицеры эскадронного миноносца «Ретвизан». 1901 г.

Капитан за руль берётся,
Вся команда на борту,
Мачта с парусом трясётся,
Я за кораблём бегу.

Подождите, не плывите,
С вами я хочу уплыть,
Вы матросом запишите,
Буду морю я служить!

Но меня никто не слышит,
Ветер дует всё сильнее,
Лишь бежит по гладким крышам
Эхо жалости моей.

Из меня моряк неважный,
Я и плавать не люблю,
Но всю жизнь хотел отважно
Посвятить я кораблю.

Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ

Осока

И всех, погибших на переправе –
В слепые волны речного потока...
Смешались с кровью в открытой ране
Песок и глина, вода и осень...
О том, о чём говорить не вправе –
Тихонько шепчет трава-осока.
Острее нет затаённой грани –
Её на воле никто не скосит...

И больно режет, и мягко стелет
Трава-осока... Пожухлый морок.
Течение – мимо.... И скользкий берег,
И терпкий воздух, и тёмный омут.
...Но кто-то вдали непременно верит,
Что вновь вернётся к ним тот, кто дорог,
Что береги хранят.... И звери
Его не тронут,... его не тронут...

Да не коснутся земные вьюги...
 И нет на свете такого срока,
 И нет на свете такой разлуки,
 Что станет больше любви безмерной...
 ...Но ночь приносит слова и звуки,
 Что шепчет-шепчет во тьме осока...
 И тянет к небу молитвы-руки,
 К холодным звёздам в зрачках Вселенной...

* * *

Знаешь, мой милый солдатик,
 Игрушка войны, оловянная смелость,
 Твоя голова ничего совершенно не значит
 И сердце твоё моей крови не стоит.
 Вот я с ногами сажу на кровати
 И думаю, как хорошо я отъелась
 Всяких пирожных – подачек удачи,
 Разных дворово-дворцовых историй.
 Олово капает воском с клинков и штыков.
 Дорога моя упирается в ветер.
 И совершенно пьянею от этой дороги,
 И я уверяю себя, что расклад такой – вечность.
 Знаешь, мой милый, наверное, это – любовь,
 Самое лучшее, самое вредное чувство на свете,
 Ибо оно – утешение... Мы, как всегда, одиноки.
 Уверенность эта острее, когда мы предчувствуем встречу.
 Знаешь, мой милый...

Юлия ЖИВОЛУПОВА

* * *

Просто – все против всех.
 Просто – дальше война.
 И – пустота.

И борьба за успех.
 Нитью тонкой старуха-судьба
 Душит меня.

Хочешь крикнуть – кричи.
Но вот кто же услышит?
Поймёт...
Мира сердце давно уж не дышит!
Умрёт
Ведь. Как молоко, убежавши,
Запахнет. И станет
Страшно.
И станет Калашник
Главным. И всё канет...
Важно
И не знать, и не думать,
В сердце – пули – сплошным гулом
Стреляют...

Сергей КОПЫТКИН

Выпускник Санкт-Петербургского Университета

(1882 – 1920)

Сербскому народу

Да будет свят твой подвиг славный,
И перейдёт из рода в род!
Тебе – поклон и клич заздравный,
«Великий Сербии народ!!»

В цепях османа-иноверца,
Под швабским хищным кулаком,
Ты сохранил гордыню сердца,
Ты не заискивал ни в ком.

Ты был могуч восторгом веры
В славянской правды торжество.
За муки подвигов без меры
Ты будешь счастлив, как никто!

Ты, как орёл, расправив крылья,
Весь в тяжких ранах, весь в крови,
Разбил все вражия усилья
И Бог сказал тебе: живи!

Змею тевтонских оскорблений
Ты встретил первый у крыльца,
Мужайся! шваб согнёт колени
К знамёнам Сербского бойца.

Мы шлём молитвы и обьятыя
И умилённые хвалы
Вам, героические братья,
Вам, Черногорские орлы!

Освобождённые Балканы!
Забыть про них должны теперь
И вы, голодные османы,
И ты, германский белый зверь!

В полевом лазарете

Ночь порвёт наболевшие нити.
Вряд ли их дотянуть до утра.
Я прошу об одном, напишите,
Напишите три строчки, сестра.

Вот вам адрес жены моей бедной.
Напишите ей несколько слов,
Что я в руку контужен безвредно,
Поправляюсь и буду здоров.

Напишите, что мальчика Вову
Я целую, как только могу,
И австрийскую каску из Львова
Я в подарок ему берегу.

А отцу напишите отдельно,
Как прославлен наш доблестный полк
И что в грудь я был ранен смертельно,
Исполняя мой воинский долг.

Польше

Не может быть невзгоды большей,
Чем та воинственная мгла,
Что над несчастной гордой Польшей,
Как страшный призрак, залегла.

Судил Господень Помысл дальний
Стране мазуров и полян
Быть накалённой наковальней
В борьбе за первенство славян.

Германский вепрь, пронзённый пикой,
Учуя смерти голоса,
Рыча и брызжа пеной дикой,
Вломился в польские леса.

Он сжёг поля, разграбил сёлы,
Разбил седые города.
Он осквернил Твои костёлы,
Дикарь, не знающий стыда.

Не плачь, сестра. Твой брат могучий
Убьёт исчадь сатаны.
Наступит мир и будет лучше,
Чем было раньше до войны.

Не тяготись коварством вражьем,
Не бойся искр его костра.
Мы раны сердца перевяжем.
Мы исцелим тебя, сестра.

Царьградская легенда

В день разрушенья Византии,
К мирскому зрелищу слепа,
Под купола Святой Софии
Стеклась несметная толпа.

В лазурной дымке фимиама
Светились тысячи лампад,
И отражался в окнах храма
Пылавший, гибнущий Царьград.

Как рёв морской, перед собором
Неслось победное – «Алла».
Звучали скорбью над Босфором
В последний раз колокола.

Когда враги, набросив сходни,
Вломились буйно в храм святой,
Там воздымал Дары Господни
Священник в ризе золотой.

Как бы грозя бесстыдным фескам
За поругание небес,
Он отступал к настенным фрескам
И в светлом облаке исчез.

Но есть старинное преданье.
Оно твердит, что день придёт,
Когда исполнится мечтанье
И полумесяц упадёт.

В тот светлый день в Софийском храме
Под звук воскресших тропарей,
В стенах, с Господними Дарами
Предстанет древний Иерей

И Он отслужит литургию,
Что битвой прервана была.
Царьград зовёт. Зовёт Россию.
Царьград звонит в колокола.

Алексей КОРОЛЁВ

12 августа 2008

И белые воронки ипомеи,
Что ельник и осины оплели,
И белые соцветия спиреи,
И лилии, почти, что до земли,

И белая луна за облаками,
И водяные лилии в пруду,
И белые гвоздики под руками,
И белые капустницы в саду –

Всё говорит, что снова ты – Россия
Очнулась от болезненного сна
И стала, повзрослев, ещё красивей,
Чем наша дофевральская страна.

Больная, ты невольно предавала
То сербов, то аланов, то армян,
Но пробил час, и ты как прежде стала,
Отбросив двоеверье и обман.

Хранительница вещей благодати,
Надёжный щит народам многих стран.
От света лучезарной Божьей рати
Бежит на Запад пошлый басурман.

И снова ты – Великая Держава,
Заступница родных тебе племён.
Во все концы горит-сияет слава
Евроазиатских царственных знамён.

Мне в первый раз не стыдно, что я русский,
За несколько десятков тёмных лет...

Тост

За тайное знание! За вещие книги!
За светлые семь благоверных религий!
За светлые очи! За очи косые!
За братство народов Великой России!
За общей судьбой осенённые годы,
За общие – ваши и наши – свободы!
За общее «Да!» и за «Нет, глобализму
И всем демократиям, льнущим к нацизму!»
За песни племён, что звучат на свободе
Во всём стоязыком российском народе!

Новелла МАТВЕЕВА

Великий русский поэт

Родилась: 07.10.1934. Место рождения: Царское Село

* * *

Какое странное море! –
Ни белое, ни голубое...
Такое впечатление,
Что сдан Севастополь без боя.

Неужто лиходеи
От последней кары закланы?
Такое впечатление,
Что крепости подлостью взяты.

* * *

Нет, бушевы совсем не террористы!
Они всего лишь только... глобалисты.
Как сильно испугались, однако,
Воители «миролюбивых» стран,
Что в мире, где уж больше нет Ирака,
Ещё останется Иран!

Дым отечества

Поджигатели делятся на два разряда:
Первым – на пепелище отстроиться надо.
(Нет приятней процесса!)
А вторым – чтобы вовсе Россия исчезла,
Чтобы в их диверсантские зенки не лезла
Хвоя Русского Леса!

Екатерина МИТИНА

Белый

Белый – это цвет бумаги,
На которой я пишу.
Белый есть на нашем флаге,
Этот цвет в душе ношу.

Цвет молочного тумана,
Запотевшего стекла,
Брызг шампанского, фонтанов,
Яблони, что расцвела.

Чаек цвет, душистой пены
Кораблей и парусов.
Белым штукатурят стены,
Снег и стаи облаков,

Платья у невест и розы,
И халаты докторов,
Бороды у Дед-Морозов,
Колпаки у поваров.

Белый цвет – всему начало,
Белый – значит чистота.
Он один в себе вмещает
Остальные все цвета!

Владимир НАБОКОВ

*Выпускник училища Князя Тенишева и Кембриджского
университета*

(10 (22) апреля 1899 – 2 июля 1977)

Родина

Бессмертное счастье наше
Россией зовётся в веках.
Мы края не видели краше,
а были во многих краях.

Но где бы стезя ни бежала,
нам русская снилась земля.
Изгнание, где твоё жало,
чужбина, где сила твоя?

Мы знаем молитвы такие,
что сердцу легко по ночам;
и гордые музы России
незримо сопутствуют нам.

Спасибо дремучему шуму
лесов на равнинах родных,
за ими внушённую думу,
за каждую песню о них.

Наш дом на чужбине случайной,
где мирен изгнанника сон,
как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружён.

Расстрел

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывёт кровать,
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, —
вот-вот сейчас пальнёт в меня —
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

Оцепенелого сознания
коснётся тиканье часов,
благополучного изгнания
я снова чувствую покров.

Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звёзды, ночь расстрела
и весь в черёмухе овраг.

Валентина ОСИПОВА

* * *

*Я сегодня чистая, как дождь.
Запрети мне пачкаться несчастьем.
Я перед тобой, мой добрый вождь.
Я пришла за миром и причастьем.*

Только ритмы, как рифмы,
Только радость, как боль.
Из чудесного мифа
Мы сегодня с тобой.
Нет прощения годам.
Передумано всё.
И навстречу невзгодам
Разбесившимся псом

Перепутались руки,
Заблудились глаза.
Что за дивные звуки
В такт по сердцу скользят!
Мир тобой одурманен,
Словно ладан в крови.
Это таинством манит
Литургия Любви.

Народное творчество

Песня черниговского полка

Была тяжёлая пора,
Когда Мазепа непокорный,
Исполнен завистию чёрной,
Знамёна поднял на Петра,
И обнажил на братьев меч,
И это не было уж тайной,
Что за поднявшейся Украиной
И Гордиенко двинул Сечь.
Пошли мятежные полки,
Всё за Мазепу за Ивана,
Лишь Многогрешного Демьяна
Остались верны казаки.
Любовью к Родине горя,
Одни черниговцы лихие,
Бойцы Демьяна удалые,
Все дружно стали за Царя.

Песня уланского полка

Крутя перед стаканом
Свой бравый ус седой,
Сказал улан уланам:
«С рассветом, братцы, в бой!»
За Вислой зреет жатва
Для сабель и мечей.
Туда зовёт нас клятва,
Уланов-усачей.

Мы возмужали в драке,
 Знаком нам гул ядра.
 Наш отзыв при атаке
 Геройское «Ура!»

Чу. Выстрел с аванпостов,
 Седлай, муштуй, садись.
 Теперь нам не до тостов,
 Мы в битву понеслись.

Вперёд, бойцы лихие!
 Господь поможет нам!
 Да здравствует Россия,
 И смерть её врагам!

Да здравствует Россия,
 И смерть её врагам!

Георгий ПЕТРЕНКО

* * *

Я грешный и одинокий,
 Я осенью переломлен,
 И вянет моя Отчизна...
 Не брось меня, Бог высокий:
 Пусть Питер не будет скормлен,
 Чтоб дождь шёл любви лишь из-за...

Александр ПУШКИН

*Выпускник Царскосельского Лицея
 (26 мая (6 июня) 1799 – 29 января (9 февраля) 1837)*

* * *

(из стихотворения «Деревня»)

Увижу ль, о друзья! народ неугнетённый
 И рабство, падшее по манию Царя,
 И над Отечеством свободы просвещённой
 Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

* * *

(Из стихотворения «19 октября 1825 г.»)

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш Царь! так! выпьем за Царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей.

Друзьям

Нет, я не льстец, когда Царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.
Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.
О нет, хоть юность в нём кипит,
Но не жесток в нём дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.
Текла в изгнанье жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простёр – и с вами снова я.
Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленье,
Ему хвалы не воспою?

Клеветникам России

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
 Враждуют эти племена;
 Не раз клонилась под грозою
 То их, то наша сторона.
 Кто устоит в неравном споре:
 Кичливый лях, иль верный росс?
 Славянские ль ручьи сольются в русском море?
 Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
 Сии кровавые скрижали;
 Вам непонятна, вам чужда
 Сия семейная вражда;
 Для вас безмолвны Кремль и Прага;
 Бессмысленно прельщает вас
 Борьбы отчаянной отвага –
 И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
 Что на развалинах пылающей Москвы
 Мы не признали наглой воли
 Того, под кем дрожали вы?
 За то ль, что в бездну повалили
 Мы тяготеющий над царствами кумир
 И нашей кровью искупили
 Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
 Иль старый богатырь, покойный на постеле,
 Не в силах завинтить свой измайльский штык?
 Иль русского Царя уже бессильно слово?
 Иль нам с Европой спорить ново?
 Иль русский от побед отвык?
 Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
 От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
 От потрясённого Кремля
 До стен недвижимого Китая,
 Стальной щетиною сверкая,
 Не встанет русская земля?..
 Так высылайте ж к нам, витии,
 Своих озлобленных сынов:
 Есть место им в полях России,
 Среди нечуждых им гробов.

Калерия СОКОЛОВА

* * *

Что может быть отрадней, чем Россия:
Трамвай, закат, компот из ревеня,
Скрещенье якорей, пронзенье змия,
Лыжня как рельсы, рельсы как лыжня?

Пусть тёмен лес, но как душисты свитки
Берёзовой коры и влажных трав!
Пусть тёмен сад, накидки и калитки,
Искрится Русь в собрание пёстрых глав.

«Здесь тьма» – твердят ублюдки и плебеи,
«Россия – тьма, на Западе – покой!»
Так знай же, враг мой,
казни нет страшнее,
Чем вечная разлука с этой тьмой!

* * *

Слава Богу, я не Клеопатра.
И не Цезарь. И не в веке суть.
Эх, сломала б спину наша жатва,
Так, чтоб после – пуле не согнуть!

Эх, натёрли б руки наши косы,
Так, чтоб и огню не по зубам,
Так, чтоб и зиме не по колёсам,
Чтоб щитом и палицей – врагам.

Слава Богу, я не королева.
Сотню Франций, Лондон, Ватикан
Променяю на дыханье зева
Львиного, поляну и курган.

Блокадное

В нашу грядку попала бомба.
Мы не ели уже четыре
Дня подряд ни кусочка хлеба,
Только луком питались с грядки.

Горький лук – говорили в детстве,
А вчера был как будто сладкий.
Мы срывали по два побега,
Забывая о целом мире.

В нашу грядку попала бомба.

* * *

Монологи улиц и проспектов:
То любовь, то ненависть, то ложь.
Как узнаешь общей мысли вектор,
Как зерно в нелепости найдёшь?

Кто-то крикнет, кто-то пролепечет,
Кто-то слово, кто-то целых пять.
Не ясны пока мне эти речи,
Не под силу суть их разобрать.

Смотришь, смотришь, смотришь в эти лица,
Ловишь звуки. Может быть, они
Роговой оркестр императрицы
Составляют новый в наши дни?

Каждый рог свою – одну лишь – ноту
Проиграет и умолкнет вмиг.
И качают реки позолоту,
И несёт Нева за бликом блик.

Александр СПОТЫКАЧ-САГАЙДАЧНЫЙ

7 ноября

*Перед пушками, как на парад,
Вышли те, кто у Зимнего выжил...*

Валерий Агафонов

В эту красную ночь петербуржцы пьют стоя, не чокнувшись,
Поминают наивных воспитанниц и юнкеров,
Всех, кого матросня расчленила живьём и «наклёкавшись»
Чьи нагие тела с петроградских швыряла мостов.
Всех зарытых живьём для всехвальных побед «демократии»,
«Лучезарного завтра» эсдеко-эсэровских масс,
Всех, игрушкою бывших в руках обезумевшей братии,
Обезьянней «братвы» с тем чванливым названием «класс».

Вера СТЕПАНОВА

* * *

*Из строгого стройного храма
Вы вышли на визг площадей.*

М. И. Цветаева

Грязной девкой отдаётся за рубли
свобода.
Ей и левые и правые милы
покуда.
Опьянела от безудержной любви
урода
и за полы тянет всякого к себе,
паскуда.
А у трезвого опасочка своя
народа
и не хочет он в объятия твои,
свобода.

Михаил СТРОКОВ

*Композитор, участник Градозащитного движения Санкт-
Петербурга*

* * *

Наша Русь – монастырь наш родной
Со своим, непохожим уставом;
Может правым он быть иль неправым,
Но не годен уклад нам иной.
И не вам, иноземцам лукавым,
Тем, кто ищет из спеси дрянной
На чужую обитель управу,
Кто кладёт уже глаз записной
Счёт вести нашим землям и травам,
Быть хозяевам нашим заставам,
Обладать нашей русской казной,
Красотой и копилкой земной,
Кладовой золотой и пушной,
И подземной рекой нефтяной,
И древесною мощью лесной, –
Не владеете вы этим правом!

Даже если пойдёте войной
На ослабшую нашу державу,
Подстрекаемы в том сатаной,
Либо попросту целью шальной,
Или даже для-ради забавы, –
Так и знайте: тряхнёт стариной
Наш народ православный, честной,
Выйдет снова защитником бравым
И, побед стародавних во славу,
Встанет рядом единой стеной,
Против суетной вашей оравы,
Против рати несметной чумной,
Чтоб явить супостата безглавым
Иль развёрнутым к россам спиной,
Как являли истории главы
Всех, кто лез к нам с идеей больной
Навести на Россию потраву,
Полонить её сворой цепной,
Поражиться добром на халяву, –
И на щит натолкнулся стальной.
Ну, а коль нам хотите добра вы,
Коль придёте без мысли дурной,
А, как гость, с разумением здравым,
С чистым сердцем и дружбой одной, –
Распахнём перед вами дубравы
И простор бесконечный, сквозной,
Поведём вас на луг заливной,
На равнины, на горные главы,
Поглядим с них налево, направо
И надышимся прелью грибной,
И страдой запашистой сенной,
И пушистой душистой сосной,
И туманной речной пеленой,
И морозной тугой тишиной,
И берёзовой рощей весной,
Полюбуемся ширью степной,
И морской необъятной волной,
И сибирской тайгой величавой,
Всей Россией – бескрайней, хмельной,

Хороводной, резной, расписной,
Деревянной, кисельной, ржаной,
Малахитовой, глиняной, ржавой,
Бездорожной, разгульной, квасной,
Избяной, скобяной, смоляной,
Самоварной и берестяной,
И свечной, и молочно-парной...
И тогда восхититесь по праву
Этой нашей родной стороной
И полюбите люд коренной –
Необузданный, добрый, смурной,
Острословный, простой, заводной;
Наши смелые древние нравы,
Наши песни, наш пляс озорной,
Породнитесь душой со страной –
Той, что станет вам тоже родной,
И пойдёте к церквям златоглавым,
Коим вечно стоять под Луной!

Граф Алексей К. ТОЛСТОЙ

*Член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии Наук
(1817 – 1875)*

* * *

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Тёмно-голубые?
И о чём звените вы
В день весёлый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Конь несёт меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьёт своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Тёмно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
 Рад промчаться мимо,
 Но уздой не удержать
 Бег неукротимый!
 Я лечу, лечу стрелой,
 Только пыль взметаю;
 Конь несёт меня лихой, —
 А куда? не знаю!

Он учёным ездоком
 Не воспитан в холе,
 Он с буранами знаком,
 Вырос в чистом поле;
 И не блещет как огонь
 Твой чепрак узорный,
 Конь мой, конь, славянский конь,
 Дикий, непокорный!

...Есть нам, конь, с тобой простор!
 Мир забывши тесный,
 Мы летим во весь опор
 К цели неизвестной.
 Чем окончится наш бег?
 Радостью ль? кручиной?
 Знать не может человек —
 Знает Бог единый!

...Иль влетим мы в светлый град
 Со кремлём престольным?
 Чудно улицы гудят
 Гулом колокольным,
 И на площади народ,
 В шумном ожиданье,
 Видит: с запада идёт
 Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,
 С чубами, с усами,
 Гости едут на конях,
 Машут булавами,
 Подбочась, за строем строй
 Чинно выступает,

Рукава их за спиной
Ветер раздувает.

И хозяин на крыльцо
Вышел величавый;
Его светлое лицо
Блещет новой славой;
Всех его исполнил вид
И любви и страха,
На челе его горит
Шапка Мономаха.

«Хлеб да соль! И в добрый час! –
Говорит державный, –
Долго, дети, ждал я вас
В город православный!»
И они ему в ответ:
«Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
Чаем господина!»

...Гой вы, цветики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Тёмно-голубые?
И о чём грустите вы
В день весёлый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Иван ТУРГЕНЕВ

*Выпускник Санкт-Петербургского университета
(28 октября (9 ноября) 1818 – 22 августа (3 сентября) 1883)*

Крокет в Виндзоре

Гнев и единодушное осуждение вызвала в русском обществе позиция Англии, молчаливо поддерживавшей Турцию в её кровавых злодеяниях против Болгарии и снабжавшую турок оружием. Выражением этого гнева стало стихотворение И. С. Тургенева. По словам поэта, оно написано в июле 1876 г.: «Эту штуку я... написал или, вернее, придумал ночью, во время бессонницы, сидя в вагоне Николаевской дороги – и под влиянием вычитанных из газет болгарских ужасов». Стихотворение сразу приобрело широчайшую известность и, распространяясь в списках, буквально «облетело всю Россию». Впервые

стихотворение было напечатано в частной русской типографии в Лейпциге (как листовка) и в издававшейся в Бухаресте болгарской газете «Стара планина» (6 ноября 1876 г.). 3 сентября стихотворение Тургенева было опубликовано во Франции (на французском языке) и, по словам современника, «вызвало большой шум в европейской печати». Оно было также переведено на немецкий и английский языки, но в Англии, естественно, не публиковалось.

Сидит королева в Виндзорском бору...

Придворные дамы играют

В вошедшую в моду недавно игру;

Ту крокет игру называют.

Катают шары и в отмеченный круг

Их гонят так ловко и смело...

Глядит королева, смеётся... и вдруг

Умолкла... лицо помертвело.

Ей чудится: вместо точёных шаров,

Гонимых лопаткой проворной –

Катаются целые сотни голов,

Обрызганных кровию чёрной...

То головы женщин, девиц и детей...

На лицах – следы истязаний,

И зверских обид, и звериных когтей –

Весь ужас предсмертных страданий.

И вот королевина младшая дочь –

Прелестная дева – катает

Одну из голов – и всё далее, прочь –

И к царским ногам подгоняет.

Головка ребёнка, в пушистых кудрях...

И ротик лепечет укоры...

И вскрикнула тут королева – и страх

Безумный застлал её взоры.

«Мой доктор! На помощь! скорей!» И ему

Она поверяет виденье...

Но он ей в ответ: «Не дивлюсь ничему;

Газет вас расстроило чтение.

Толкует нам «Таймс», как болгарский народ

Стал жертвой турецкого гнева...

Вот капли... примите... всё это пройдёт!»

И в замок идёт королева.

Вернулась домой – и в раздумье стоит...

Склонились тяжёлые вежды...
О ужас! кровавой струёю залит
Весь край королевской одежды!
«Велю это смыть! Я хочу позабыть!
На помощь, британские реки!»
«Нет, ваше величество! Вам уж не смыть
Той крови невинной вовеки!»
20 июля 1876, Санкт-Петербург

Фёдор ТЮТЧЕВ

*Выпускник Московского Университета
(23 ноября 1803 – 15 июля 1873)*

Чёрное море

Пятнадцать лет с тех пор минуло,
Прошёл событий целый ряд,
Но вера нас не обманула –
И севастопольского гула
Последний слышим мы раскат.
Удар последний и громовый,
Он грянул вдруг, животворя;
Последнее в борьбе суровой
Теперь лишь высказано слово;
То слово – русского царя.
И всё, что было так недавно
Враждой воздвигнуто слепой,
Так нагло, так самоуправно,
Пред честностью его державной
Всё рушилось само собой.
И вот: *свободная стихия*, –
Сказал бы наш поэт родной, –
Шумишь ты, как во дни былые,
И катишь волны голубые,
И блещешь гордою красой!..
Пятнадцать лет тебя держало
Насилье в западном плену;
Ты не сдавалась и роптала,
Но час пробил – насилье пало:
Оно пошло как ключ ко дну.

Опять зовёт и к делу нудит
 Родную Русь твоя волна,
 И к распре той, что Бог рассудит,
 Великий Севастополь будит
 От заколдованного сна.

И то, что ты во время оно
 От бранных скрыла непогод
 В своё сочувственное лоно,
 Отдашь ты нам – и без урона –
 Бессмертный черноморский флот.

Да, в сердце русского народа
 Святиться будет этот день, –
 Он – наша внешняя свобода,
 Он Петропавловского свода
 Осветит гробовую сень...

Афанасий ФЕТ

*Выпускник Санкт-Петербургского Университета
 (1820 – 1892)*

15 мая 1883 года⁴

Как солнце вешнее сияя,
 В лучах недаром ты взошёл
 Во дни живительного мая
 На прародительский престол.
 Горит алмаз, блестят короны,
 И вокруг соборов и дворца,
 Как юных листьев миллионы,
 Обращены к тебе сердца.

О, будь благословен сторицей
 Над миром, Русью и Москвой,
 И богоданной багрянницей
 От искушений нас укрой!

⁴– По случаю коронации Александра III П. И. Чайковским, на стихи поэта А. Н. Майкова, была написана кантата «Москва»; впервые её исполнили в мае 1883 года. Кроме того, на празднествах играл роговой оркестр, специально воссозданный бароном К. К. Штакельбергом к этому событию. А. А. Фет, находясь под впечатлением от торжественного события, посвятил этому дню стихотворение и назвал его «15 мая 1883 года».

ο πλατωνισμός ο πατριωτισμός ο πνευματισμός π³

Марина ЦВЕТАЕВА

(26 сентября (8 октября н.с.) 1892 – 31 августа 1941)

* * *

Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли,
А останетесь вы в песне – белы-лебеди!

Знамя, шитое крестами, в саван выщвело
А и будет ваша память – белы-рыцари!

И никто из вас, сынки! – не воротится,
А ведёт ваши полки – Богородица!

Саша ЧЁРНЫЙ (Александр ГЛИКБЕРГ)

(1 (13) октября 1880 – 5 августа 1932)

* * *

Кто б ни божился «правдой сокровенной»,
«Завоеваньям революции» не верь!
Болели зубы – взвился красный зверь
И зубы с головой отгрыз мгновенно!

Ирина ЯРКОВА

Не сетуй

Не сетуй, мой милый, не сетуй...

Мы злее не знали беды.

Слова, что острее стилета,

Студёнее Невской воды,

Не слышали мы из тарелки,

Из пасти разверстой её.

На стылой Васильевской стрелке

Фугас не гасили. Гнильё

В обед не считали удачей.

И двести оплаканных грамм

Ночами не снятся, а значит,

Нет права и сетовать нам...

СТИХИ РУ... НО...



Валерия КОКОВКИНА «Синяя птица». 90х90 см.,
роспись по шёлку — батик.

*Счастье моё фланелевое,
Вышитое, синелевое,
В чёрно-белое домино.*

*Запахом трав напоённое,
Яблочным спасом скроённое,
Домотканое полотно.*

*Крепко тебя охватываю,
Нежность мою гранатовую,
Золотое мое руно!*

Анна Баренкова

Анна АВТУХОВА

Парниковый эффект

Дождь идёт... И дробинками бьют по стеклу
Капли с неба упавшей январской воды...
И, наверно, конькам, что пылятся в углу,
Ледяной не придётся отведать еды...

Все растаяло... Всюду лишь слякоть одна...
Умирает зима, не успев выйти в свет...
Над моей головой – облаков пелена...
Вот каков ты, свинья, парниковый эффект!

Наталья АНДРЕЕВА

Студентка отделения политологии НИУ-ВШЭ

* * *

Шумит густой свободный лес,
Иду я тихо по тропинке,
И кто-то впереди исчез.
Мир снов остался на картинке.
И слышу тихий ручеек –
Он камешки свои кидает
И льётся, словно огонек,
Сквозь сумрак ночи мне сияет.

И я открою свой дневник
И запишу четыре слова:
«Осознаю я этот миг»
И счастье разольётся снова.
А слёзы катятся из глаз,
И капли счастья так прекрасны,
И в этот, и в который раз,
Ты знаешь – не живёшь напрасно.

Анастасия АНДРЕЙЧУК
Магистрант НИУ-ВШЭ

Санкт-Петербург – Париж: Любовь и ненависть

1

Я, словно бабочка о стёкла
Бьюсь о молчание асфальта;
Весеннее солнце от горя поблёкло...
Кто ты, безумная? – Я Эсмеральда.

В кровь разбиваю босые ноги
О рваные трещины Дворцовой площади;
Меня за собою в рай звали боги,
Но я ведь грешница, мне в аду проще.

Мне холодно от твоих поцелуев,
Твои признанья подобны распятью.
Мне ветер любовник, зачем тебе лгу я?
Будь счастлив, моя ведь любовь – проклятье.

Пусть светят звёзды как маяки мира,
Мне хочется с ними на небе жить...
Два наших дыханья, конспект и мартини –
«Бог просто устал нас любить».

2

Сожги меня как ведьму на костре заката,
Ведь я твоей любви жестокая убийца,
И близится неумолимо час расплаты,
И мне в лицо смеётся солнце-кровопийца.

Моих волос пленяют водопады,
Ресницы сотканы из звёздной пыли,
Но я химера с крыши НотрДама –
Босой танцую на твоей могиле.

Мне не нужна любовь, я королева танца,
Из-за меня готовы вспыхнуть войны,
Я не привыкла в нежности купаться
По мне, так лучше умереть от боли.

И пусть мне за грехи навеки в пекле ада
Гореть; я дерзкой музыкой – святой водой облита.
Вчера на площади соборной – Эсмеральда,
Сегодня в небесах – Аделаида.

3

Мой святой убьёт меня в подворотне
Утопичных мыслей, божественных фраз;
Я скрываюсь в проспектах пустого сегодня,
Убегая от жизни в который раз.

И подушка твоя, измятая мною,
Позабудет пряди моих волос,
Что когда-то пахли полной луною –
Ароматами страсти и грёз.

Эта жизнь обернётся грязной изнанкой,
Это утро погасит ночные огни...
Вслед заре зашагаю босой цыганкой
К эшафоту своей любви.

* * *

«Я – память о доме твоём»,
Потрёпанном страхом и горем;
Я – звучный раскатистый гром
Над русским широким полем.

Я – тихий лесной ручеёк,
Бегущий сквозь камни упрямо;
Я – скромный святой образок,
Потерянный в роскоши храма.

Я – чистых небес синева,
 Звезда на чадре небосклона...
 Я – лишь полевая трава
 У богом забытого дома.

* * *

«У смысла жизни вкус поцелуя»,
 А смерть дарует за жизнью жизнь;
 И вновь тебя душою почуяв,
 Я поспешу поцелуй продлить.

И мы будем снова в дождливый вечер,
 И в зимнюю стужу, и в летний зной
 Сбегать из дома как малые дети,
 Чтобы продлить смысл жизни свой.

И через года так наивно и просто
 Пройдя до конца свой жизненный путь,
 Мы снова придём на Васильевский остров,
 Чтоб в новую жизнь с прежним смыслом шагнуть.

Елизавета АНДРИАНОВА

Студентка ФКТИ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Апельсин

Шагаю в заснеженных улицах
 И грею в руках апельсин.
 Быть может, в меня кто-то влюбится.
 Романтик, писатель картин.

Неспешно-счастливой походкой,
 Ничуть не боясь опоздать,
 Иду. Апельсин будет тёплым.
 И станет его не узнать.

А руки мои без перчаток
 И цвета поспевшей рябины.
 Пускай, зато даже без шапок
 Не мёрзнут теперь апельсины.

* * *

Снег сегодня нежен и прозрачен,
Он какой-то тёплый и родной,
Как твой взгляд, но ты немного мрачен,
И весь образ твой уже другой...

Ты живёшь в своём каком-то мире,
Понимать тебя не так уж и легко.
Может, кажется – мои глаза остыли,
Но на самом деле чувство высоко...

Я влюблённостью к тебе переболела,
На душе осталась тихая тоска...
Но меня влюблённость эта грела,
Жилка громко билась у виска.

* * *

Красивей в мире всех она,
И, провожая её взглядом,
Не смотрят музы в зеркала,
Когда она проходит рядом...

Легко поэта вдохновит,
В ночи играя с лунным светом...
Гордясь собою, убежит,
Опять оставив ждать ответа.

Её увидят или нет
Те, кто гуляет по вокзалу.
Другим они глядят во след,
Одной, быть может, музы мало...

Она милее всех других
Для окрылённого поэта,
Сижу ли в креслах золотых
Или босой бреду по свету...

Давно от музы нет вестей,
Она опять исчезла где-то.
В другой ночи, среди полей
Морочит головы поэтам...

Но только мне вдруг суждено
 Быть поцелованным тобою,
 Иль, может, ты ушла давно,
 Являясь лишь моей мечтою...

* * *

Нет ничего печальнее весны.
 Вдруг стало видно под балконом
 Ту надпись, что писал мне ты
 Осенним вечером суровым.

Деревьев летний свежий запах.
 И вот, свобода уж близка.
 Давай избавимся от страхов,
 На мир посмотрим свысока.

Ты уходил куда-то вдаль,
 Ни разу я не обернулась.
 Угасла старая печаль,
 И я свободно улыбнулась.

Приятно было мне пройтись
 Маршрутом старых увлечений.
 Мой милый, больше мне не снись,
 Я не люблю пустых значений.

Решенье было за тобой,
 Наверное, оно логично...
 Теперь я с ним, а ты с другой,
 Спасибо! Всё теперь отлично!

* * *

Как загадочен, чист этот огненный лёд,
 Он тает и жжётся, никто не поймёт...
 Не ждёт, не прощает и плачет шутя,
 Искрится на солнце, умрёт не любя.

Потом взмоет в небо,
 И вот, всех простив,
 Воскреснет он снегом
 Средь плачущих ив...

Наталья АЛЕКСЕЕВА

Студентка Социологического факультета СПбГУ

* * *

Пронзает душу ветер осенний,
Бьёт жёлтым листом по глазам.
От безответной любви нет спасенья,
Лишь время – летучий бальзам.

Затянутся швы на израненном сердце,
Холодным станет опять,
Ведь есть же счастливые люди на свете,
Но мне их сейчас не понять.

* * *

Там соловьи поют чуть слышно,
Там тишь везде и благодать.
Милее места не сыскать.
Щебечут аисты на ели,
Храня покой своих детей...
Стоит избушка, еле-еле...

Замру на сказочной поляне:
Вокруг вздымаются леса,
Берёзы – стройные древляне,
По камушкам журчит роса,
И дует ветерок окрест,
Жаль, ты не видишь этих мест!

Прижмусь лицом к берёзе белой
И всё забуду... сладок сок...
Что сделала, что надо сделать...
Побуду здесь ещё часок.
Из нежных листьев, как когда-то,
Венок торжественный возьму,
И отблеск яркого заката
Я с сожалением приму.

А он уже горит над лесом
«Пора» – чуть слышно я шепну,
И выходя из-под навеса
Теней в привычный мир шагну.

Полина АНИСИМОВА

Ученица 11 класса

Предпочтение – чистоте

Из благ я признаю лишь чистоту.
Не чистоту блистающего пола
и только вытертых от пыли полок.
Не эту чистоту. Другую – ту,
которую ничем не замараешь:
ни словом подлости, ни грязью тела.
И ту, что белизной белее мела,
а светлостью своей подобна раю.
Из благ лишь предпочтение – чистоте,
с которой хорошо, легко и просто,
которую Господь вселил в детей.
И мы когда-то были ими... Взрослым –
искать её среди таких щедрот,
по щедрости своей порой ужасных,
до тошноты заботливых забот,
среди того, что кажется прекрасным...
Ту, по которой так грустила мать,
когда мы вдруг стремительно выросли.
И так найти, чтоб больше не терять,
и чтоб найти другие захотели.
Искать её не в чьей-то там судьбе,
не там, где копошатся люди-мухи,
двоятся и троятся слухи...
Не там. А главное – в самом себе.

Для любви

Любовь приходит просто так,
Не для стихов и не для прозы.
Она вторгается без спроса.
Она не друг, она – не враг.

Не для того, чтоб нас спасти,
Не для того, чтоб стать счастливой
Иль много горя принести,
Иль сделать этот мир красивой.

Какой закон, какой закон
Так ловко управляет ею,
Что пальцы на ногах немеют,
Из горла рвётся слабый стон?

Но нет здесь правил никаких,
И в этом истина простая:
Любовь, родившись в нас самих,
Из нас самих произрастает.

Лови тот самый миг, лови!
Пусть сердце разорвёт на части.
Любовь приходит не для счастья –
Любовь приходит для любви.

Константин АНСИМОВ

Студент ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Напишите шедевр о любви

Напишите шедевр о любви,
О прекрасных возвышенных чувствах.
Холод душу и тело обвил.
Как-то пусто и грустно.

Вы простите за просьбу дерзкую –
У поэтов не просят стихов,
Но в такую погоду мерзкую
Не согреться мне от мехов.

Да вы куйте, а мы погреемся
Возле кузницы слов пылающих.
От мирской суеты провеемя,
И закроем глаза на лающих...

Мёд

добрая пчела собирает мёд.
она не поняла и никогда не поймет,
что мир не мёд

добрый носорог любит запах трав,
мил его мирок, но и Он не прав,
он не любит мёд

добрые коты воют по весне,
может, это ты, может, это снег,
может, это мёд

Эфирное

умывается снегом сон,
ламинируются слова.
этот мир до того невесом,
что любовь никогда не права.

ведь укравший спешит вернуть,
а убивший рождает сам,
но ведь так тяжело свернуть,
если выбрана полоса.

но в туннеле горит огонь –
это признак ненужных фраз.
я рисую твою ладонь,
словно призрак решил за нас.

Тамплиер

Тамплиера смерть забрала
Не взирая на забрало.
Была крепкой сталь доспеха,
Но горбатой не помеха.

Нет теперь защиты веры
От проклятой злой химеры.
Страшновато пилигриму –
На пути к Иерусалиму.

Но придет на смену новый
Смелый, сильный, безголовый
Тамплиер, готовый биться.
Вот такое вот мне снится....



Работа Валерии КОКОВКИНОЙ

Дарья АНТОНОВА

Студентка отделения политологии НИУ-ВШЭ

* * *

А мне скучно и грустно, что я снова одна
И мобильная трубка тиха и бледна,
И она в этот вечер не дрогнет, звеня.
Ты, наверное, просто не помнишь меня.
Не пытаешься ты завести разговор,
Только бросишь, бывает, свой пламенный взор,
Улыбнёшься и снова глаза отведёшь,
А по сердцу – как будто охотничий нож.

Ксения АНТОНОВА

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

«Корица»

В зимней квартире холодное утро,
Чайник кипит, и пахнет корицей.
Солнечный зайчик спешил улыбнуться,
Но раскололся об острые спицы.

Вязанный шарф висит на диване,
Огненно рыжий и огненно тёплый,
Жёлтая скатерть и ваза с цветами,
Жёлтыми, только недавно поблёкшими.

Две печенюшки со вчерашнего праздника,
Были... А теперь на работу,
И две минуты уюта и мягкости,
Чмокнув с порога на прощанье кого-то.

Остаётся квартира, ещё не остывшая,
И не забывшая мягких движений,
Чайник чуть тёплый, кот на подушке,
Мысли «до встречи» – не одолжение!

Город сверкает, тёмное утро,
Ну и не менее тёмный вечер,
Тёмные окна кажутся мёртвыми,
Кажутся... Но это только до встречи.

Ключ, лёгкий скрип, и дверь приоткрыта.
 Сквозь темноту, напрямик к выключателю,
 Доли секунды, и снова как утром,
 Огненно рыжая квартира мечтателя.

* * *

В бокале красное вино,
 На гранях – отблески камина.
 И мне уже не всё равно,
 Что время пролетает мимо.

Играет старый патефон,
 Шипит иголка на пластинке.
 А где-то в ночи за углом,
 Текут растаявшие льдинки.

На мягком плюшевом ковре,
 Под светом Эйфелевой башни,
 Смотря в глаза своей Судьбе,
 Скажу беззвучно: «Страшно».

«Отчаяние»

Зачем ты держишь всё в себе?
 И почему молчишь упрямо?
 Я не могу тебе помочь,
 Когда твоей не вижу раны.

Ты в темноте отводишь взгляд,
 Как будто бы боишься света.
 Я не хочу тебя ломать,
 Ты знаешь, мне противно это.

И я твоих не вижу слёз.
 Хотя я знаю, что ты плачешь,
 Я не поверю никогда,
 Что ничего совсем не значу.



Николай АРТЁМЕНКО

Студент Филологического факультета СПб ГУ

* * *

Ночью снегом весь двор завалило,
Не чернеет дорожка нигде,
А вчера ведь ещё моросило,
И ступал пешеход по воде.

Я на улицу выйду с лопатой
И расчищу дорогу к дверям,
Покури-ка ты, дворник усатый,
Я пока поработаю сам.

Коль найду я под снегом дорогу,
Заскребёт по земле остриё,
Я прошу, подожди хоть немного,
Не разбрасывай соль на неё.

* * *

Не открывал тогда он глаз,
Когда смычок струны касался,
И пел безумный контрабас,
А он лишь пеньем наслаждался.

Шумел залив, текла река,
Машины бегали по трассе,
Летели стаей облака,
А он играл на контрабасе.

Ходили люди взад, вперед,
Поэт носился на Пегасе,
Потрескался на лужах лёд,
А он играл на контрабасе.

Ходил с листовкой коммунист,
Открылись двери на Парнасе,
И падал с дуба жёлтый лист,
А он играл на контрабасе.

Маньяк сидел в глухом лесу
И вой собаки был ужасен,
На шубу резали лису,
А он играл на контрабасе.

Взрывался дом, пылал пожар,
Кончались все боеприпасы,
Противник наносил удар,
А он играл на контрабасе.

Земля горела, падал мир,
И вопль страха был безгласен,
А он в объятьях милых лир
Так и играл на контрабасе.

* * *

Сошлись в поединке жрецы вдохновенья,
Был каждый пиитом из них наречён;
Там опыт сражался с наивным волнением,
На троне судьи восседал Аполлон.

Вот мечет и мечет пиит седовласый,
Как стрелы пернатые рифмы в юнца,
Сильнее, сильнее стегает Пегаса,
Гекзаметром хочет сломить молодца.

А юный, огнём, как щитом, укрываясь,
Из сердца горящего ямб достаёт,
Все выше и выше по склону взбираясь,
Глаголом пылающим всадника бьёт.

Хоть опытен старец в подобных сраженьях,
Но пламя юнца он не мог укротить
И вынужден был, становясь на колени
Признать его силу и вольную прыть.

Тогда Аполлон встал с судейского трона
И молвил юнцу: «Ты достоин пера,
Но знай, на ступенях парнасского склона
Он мастер, а ты кандидат в мастера».

* * *

В сером городе дождь и сырая дорога,
В сером городе солнце грустит в облаках,
И туман, над рекой расстилаясь убого,
Человека качает на белых руках.

Мне реальность чужда, я мечтой опьянённый,
На холсте нарисую иную страну,
И горящею кистью, в огне закалённой,
Акварель мне сыграет сонату свою.

Я рисую поля с голосистой пшеницей,
Глубину синевы распростёртых небес,
И лучи, что дождём проливным будут литься
На ещё недописанный сумрачный лес.

И на поле пушу я живыми мазками
Жеребца, что чернее ста тысяч ночей,
А на тверди бездонной в дуэт с облаками
Нарисую кочующий клин журавлей.

И окончив писать, дам я высохнуть краскам,
А потом, у парадной свой холст я прибью,
Чтобы город унылый, сквозь серую маску,
Улыбнулся, взглянув на картину мою.

Ален БАГАБО

Студент Международного банковского института

* * *

Спасибо Вам Жизнь за лекции Ваши
За подписью ректора Господа в них,
Зачётка в кармане, двигаюсь дальше,
Глазами ищу в расписании «Любовь».



Виктория БАЗЛОВА–БОРЩЕВСКАЯ

Член правления Союза Писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга

Ответное письмо

Мне нравится, что я больна – не Вами...

Марина Цветаева

Среди портретов и личин,
Среди незримых, незнакомых
Полу-друзей, полу-машин,
Набивших «умностью» оскому;
Среди словес, словес, словес,
Лжетитулованных «красавцев»,
Среди искусственных небес,
Играя в честных и мерзавцев;
Вне всех систем, на все века,
Чтоб позабыть секундой после,
Чтоб полюбить наверняка,
Я прохожу, как чья-то осень.
Вот так, на зримое крыло
Чуть припадая, выгнув спину...
Какой судьбой нас не свело,
Не повстречало ночью длинной,
Не подтолкнуло в темноте,
Не подсказало без разбора?..
Как хорошо, что мы – не те,
Разговорившиеся скоро.
Как хорошо, что я не вас
Лукавым взглядом провожала.
И вместе не заметят нас
В безликой суете вокзала.

Записки на лепестках

I

Есть вещи, жёстче, чем любовь.
Есть вещи нежнее, чем любовь.
Но мы почему-то все говорим о любви...

II

Обувь у меня «горит».
Сколько пар обуви я износила,
Прежде чем наши дороги пересеклись...
И не счесть.

III

Современные поэты
Так косноязычно говорят о любви,
Что я просто удивляюсь...
Они-то стараются быть раскованными,
Циничными, сексуальными...
И шепелявят смачно о нежности,
Боли, сексе, денежных эквивалентах
И бонусах, о любовных напитках
И киллерах... Косноязычно!..
Не умеют? Притворяются?
Лучше я послушаю тебя.
Ты никогда не писал стихов,
Мой воин.
А меня не слушай! Я – поэт!

Романтика без романтизма

И девочки выросли, и мальчики стали грубей.
И что-то – за горы-леса покатилося закатным, и что-то осталось за кадром...
И я говорю всё ехидней, красивей, точней
Алмазно-отточенным словом, что раньше казалось по-детски нескладным.

И я говорю, замечая чужие слова
В своих огородах, в своих незапятнанных грязью вселенных, морях, океанах.
Мои поражения, как и мои торжества –
Глава в непрочитанных юностью старых и новых романских обманах.

И всё стало проще. И платья «на вырост» и в рост.
И – ветки навстречу. И ветер в лицо, как положено, просто – обязано! –
жанром.

И только чуть-чуть не хватает тех, «пройденных», звёзд
Небесных, по праву забытых в бою безрассудно-неравном.

* * *

Лиха беда – начало... Всё – с нуля,
 Впоследствии притворной амнезии.
 Мы тысячи дорог исколесили.
 И есть ещё надежда, что не зря
 Ждём непогоду, словно первую любовь,
 Бессонницы безумное цунами,
 Вселенский лёд, беспомощное пламя
 И – в жертву – пару-тройку мотыльков,
 Кольцо-приданое и скомканный блокнот...
 Так малой кровью и безбрежным морем
 Отделаемся... Чувства – под контролем.
 Нам кажется, просчитан каждый ход
 И всё оплачено по договору.
 И так – в любую свару или свору!
 Вопрос: куда идти? назад? вперёд?..

* * *

Полынь и бессмертник...
 Дорожная пыль на моих сапогах.
 Я больше не стану навязывать
 Слишком бескрайнюю волю.
 Три линии жизни.
 Осколки заката в руках.
 Вселенское счастье
 Однажды покроется болью.
 Все двери закрыты.
 Я знаю, туда не дойти,
 Куда долететь показалось бы
 Мизерным делом.
 Но крылья мои
 Истрепались, наверно, в пути,
 И я не успела...
 А, может быть, не захотела...
 Теперь не найду
 В мешковатом беспамятстве снов,
 Слепцом не нащупаю
 Ловкой лазейки годами...

Другая дорога.
Другая основа основ.
Да нет же!
Всё та,
Словно вечное небо над нами...

Надежда БАРАНОВА

Почётный староста ЛИТО ЛЭТИ

Неназванное-лирическое

День устало скончался под розовый шёпот зари
Облакам рыжеватым печально целуя колени...
Небосвод потемнел, словно сумрачный аквамарин,
Вечер падает вниз – безнадёжный, холодный, осенний.

Ветер смело срывает губами пылающий лист,
Обжигаясь, роняет его и обиженно плачет.
В остывающем небе созвездия переплелись –
Будет новый рассвет, только всё повторится иначе.

Где-то музыка снова запуталась на проводах,
По ошибке, приняв их за линии нотного стана...
Уплывают надежды в заманчивое «никогда»...
Оставляя на сердце красивые длинные шрамы.

Одиночество осени не претендует на шик –
Оно слишком нервически живо и слишком знакомо!
Вся соленая муть опьянённой разбитой души
Поднимается к горлу огромным мучительным комом...

Скоро будет зима... Остаётся лишь чуть подождать,
И укроется страх в обезличенных четверостишьях...
Наблюдаю, как ветром разносятся капли дождя
И на сером холодном стекле умирают неслышно...

Лето

Хожу без шапки, потому что у меня лето.
Обычное лето с жёлтыми листьями и дождём.
Грязь под ногами летняя. Суть не в этом,
Суть, понимаете ли, вообще в другом.

Лето такое лето. Темнеет рано.
 Родина крутит стрелки туда-сюда.
 Это нормально, это ничуть не странно
 Снег в это время года, ну как всегда.
 Похолодало? Шею шарфом завяжем.
 Главное, что без шапки, и посему
 В этом году наш календарь покажет
 Лето, перетекающее в весну.

Листья

Что же я делаю? – Я собираю листья.
 Жёлтые, рыжие, красные и в прожилку.
 А настроение сразу какое-то лисье –
 Чёртики снова дёргают за пружинку.
 Выключить голову – весело, очень весело!
 Ветер холодный – разве вот только ветер...
 Просто бродить по золотому месиву
 И подбирать – первый, второй, третий...

* * *

Не ждёшь, не думаешь.... Давно ли?
 Четыре года – это срок
 Взаимной умственной неволи?
 Четыре года между строк...

Четыре года в полутени,
 Но не уляжется никак
 Щеголеватое смущенье
 На нецелованных щеках.

Шумит скучающее время,
 Завязывается в петлю.
 Молчи, ведь я тебе не верю!
 Молчи, ведь я тебя люблю...

Многоточия

Очарование самых первых строчек
 Под языком зашевелилось робко.
 Я снова ставлю кучу многоточий –
 Они приятней, чем любые скобки.

Волна всесильной тепловатой дрожи
Идёт от сердца, отнимая волю...
Оно живёт и бьётся... Правый Боже!
Мне так светло, и радостно, и... больно...

* * *

Посвящается Н.К.

Ночь цепляется за подоконник,
Забирается выше и выше...
Ты гитару возмёшь и тихонько
Пропоёшь мне про «карие вишни».

Я заплачу, в слепящем бессилье
Губы в кровь искусаю упрямо...
Ты не спросишь «А где твои крылья?»
Только нежно подуешь на шрамы.

Когда сердце немеет от боли
Ты простишь, и поймёшь, и поверишь...
Мою душу ты спрячешь в ладонях
И дыханием тёплым согреешь...

Анна БАРЕНКОВА

Выпускница РГПУ им. Герцена. Филолог-германист. Переводчик

* * *

Небо лиловое ливнем лилось,
Кто виноват, что мелькнув, не сбылось
Счастье быть вместе всегда и везде?!..
Мелкая сетка кругов на воде...

Медленно прочь уходила гроза,
Тихо сверкала дождя бирюза,
Липы листва шелестела в окне,
Нежно, легко вспоминай обо мне...

* * *

Если завтра меня не станет,
Я умолкну со звуком триоли,
Разве сердце твоё не станет,
Замерев на секунду от боли?

Или ты не услышишь даже?
 Как из жизни легко ускользнула
 Вся минорная нежность адажий⁵,
 Скрипка с грустью навеки уснула?

* * *

Лето по-царски с осенним приветом
 Свечи кипрея огнём разожгло,
 Мне ли одной этим солнечным светом
 Сердце в преддверьи конца обожгло?
 Наши мечты затеряются где-то,
 В завтрашний день заглянуть не дано.
 Ну почему этот сон, это лето –
 Всё, как и жизнь, завершиться должно?

* * *

Кто-то вспорол пуховую перину небес,
 Перемешал в голове ноты будничных месс.
 Люди, их лица, слова, голоса, номера –
 Всё перепуталось, будто бы чья-то игра.
 Кто-то тасует из снежного сора мой пазл,
 Падают, падают хлопья в бездонности глаз.
 Справа и слева, вверху и внизу, в темноте
 Белые перья в чернильной ночной пустоте,
 В жуткой, до боли холодной, слепой чехарде
 Сомнамбулическим танцем в формате 3D.
 В этом бреде я, сжав губы, недвижно стою –
 Только не сдаться и не проиграть забвению.
 Молча, всё время кого-то прошу: помоги,
 Мне ведь одной не по силам безумье пурги.

* * *

Ну, нет во мне города стати,
 Деревня – моя праматерь.
 Её колокольные дали
 Меня перед сном пеленали,

⁵ – Форма встречается у Б.Л. Пастернака в стихотворении «Скрипка Паганини»:

*Отплытавших андант и адажий,
 С белым пеплом баллад на челе...*

Крестила река в купели,
И пели хоралы ели,
И благословляли в жёны
Соломенные иконы...

А нынче – святая соборность
Променяна на беспризорность,
Вокзалов и рынков вздорность
И всю городскую безродность.

Мария БЕЗРУЧКИНА

Студентка педагогического колледжа, г. Жиздра Калужской обл.

Детство

Мы совсем недавно с детством
Говорили невзначай,
А теперь оно нам шепчет:
«Мне пора идти, прощай!»
Тот же мир, и тот же воздух,
Так же свеж он и летуч,
И сверкают в небе звёзды
В сонме сизо-медных туч.
В детстве нет проблем и злости,
Мести нет, и горя нет.
Но рябины горькой грозди
Оставляют алый след...
Чистота, веселье, счастье,
Пробуждение и сны,
Радуга среди ненастья,
Дождь грибной, и мы под ним!
Небо – выше, звёзды – дальше,
Глубже речка, дольше дни,
Солнце светит жарче, слаще,
Если в детстве не одни.
Не вернуться в детство больше,
Расстаёмся навсегда...
И не будет смеха звонче,
Чем тогда...

* * *

Бестелесные блики,
Еле слышные крики
Разливаются в гуще ветвей.

Здесь – жужжание слухов,
Там – парение духов,
Щёлк и свист – то поёт соловей.

Голубой одуванчик
Надувной сарафанчик
Потерял в этом мире ветров,

Где сливается вечно
Всё – в одну бесконечность,
Бесконечную радость даров.

Павел БЕКЛЕШОВ

Инженер

В поисках себя

(из цикла «САМОРАСКОПКИ»)

Я нашёл себя в дикой крапиве,
Что растёт на задворках дачи.
Я нашёл себя в кислой рябине,
Был таким же. А как иначе?
Я нашёл себя в детской песочнице,
Мне лопаткою форму придали.

SMS

Sms-ка прилетела,
С писком память в sim-ке съела.
Режет стёклышком экрана,
Текстом, сложенным чуть рвано.
Как последняя невежда,
Залезает под одежду.
Вмиг мурашки по груди –
Сколько прыщиков, гляди!

Зимнее

*День уходил, и неба воздух тёмный
Земные твари уводил ко сну
От их трудов; лишь я один, бездомный,
Приготовлялся выдержать войну...*

Данте Алигьери «Божественная комедия», песнь вторая, 1-4 стихи.

Скрипят ботинки, с боем, метр за метром
Я по торосам сквозь снега иду.
Морозный воздух чуть встревожен ветром.
Уносит пар из глотки в темноту.

Вот вновь гора. Я к ней изнеможённый
Доковылял и у подножья стал.
О, где же ты, Вергилий, кто свободный
Мне путь покажешь между снежных скал.

О, где же тот поэт, рождённый Югом,
Что через Ад кругами проведёт,
Не дав в обиду ни чертям, ни духам.
Не даст сорваться с высоты в полёт.

Вот вышел он в накидке цвета orange.
Чуть улыбнулся, и сказал: «*Приуэт!*
В абход за мной ыды – тут занэсло ужэ».
«Он двинулся, и я ему вослед».

Елизавета БЕЛЯНИНА

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

Устало лёг задумчивый апрель
На гладь реки спокойной и зеркальной
Он – и огни, мерцающие в ней,
И в глубине её дворец хрустальный.
Тот старый мост, нависший над рекой,
Ботинки ног, идущих по нему,
Спускаясь вниз, апрель хватал рукой,
Дразня над ним висящую луну.

И вот уже внизу, отодвигая
Последние кусочки ледника,
Апрель шепнул на ухо маю:
«Вставай» и дал ему пинка.

* * *

*Я проткнула эту тишину иглой своего крика,
бешеного и пронзительного. Такого, что твоё
сердце услышало бы за километры отсюда....
Если бы оно было.*

А теперь я пройдуся каблуками
По всему, что от нас не осталось.
По всему, что копилось веками,
А теперь навсегда потерялось.

По словам нашим, нежным до боли;
По мечтам на двоих; по рассветам...
Пусть сотру свои ноги в мозоли,
Но пройдуся. И забуду всё это.

Соберу наши дни и надежды –
Разложу на полу аккуратно...
И прижгу утюгом. Как одежду.
Чтобы не было мыслей «обратно».

В эту боль, что так колет и гложет,
Самый сильный вколю анестетик.
И все сны о тебе уничтожу,
Выпив залпом большой энергетик.

Зачеркну всё своими руками.
Вытру слёзы. Накрашу ресницы.
«Нас с тобой» растопчу каблуками.
И уеду. Обратно. В столицу.

Лето моё

Всё постепенно идёт своим чередом.
Жасмин отцвёл, смородина чернеет.
Я так же люблю по вечерам приходить в свой дом.
Солнце уже не такое жаркое, но всё ещё греет.

Звонки на мобильный от любимых – счастливые;
Загар чёрный на мне как с обложки слизанный;
Эти посиделки во дворе до ночи болтливые...
Дни летние мои на цепочку будто нанизаны.

Лаем собак улица насквозь пропитана...
Пьяный смех иногда через окна доносится...
Не будите улицу. Спит она.
И мысли все далеко уносятся.

Заплывы в озёра, где вода приветливо-нежная –
Ныряешь головой вниз и прогибаешь спину до боли...
И душа становится чистая, снежная
И нет во рту этой морской противной соли.

Переписки ночные, разговоры все эти по Интернету,
Откровения всякие, воспоминания и песни старинные...
И сны милые, простые, про мир, где боли нету...
И глаза подруг всё те же, чистые, невинные

Дедушкины шутки как всегда прелестные и родные...
Ругань чья-то жалкая на фоне слышится.
Вопросы и ответы на них обычные, прямые...
И берёзы, как и раньше, от ветра колышутся.

Безделье с утра до ночи и ещё немножко
Настроение как всегда переменчивое, но обычно вечернее...
Я сижу в своём Выборге и черпаю гигантской ложкой...
Это лето. Чудесное. Детское. Возможно, последнее.

Дарья БЕРТОВА

Выпускница СПб ГЭТУ Императора Александра III

Обречена

Обречена на счастье,
Чтоб не зря
Перестрадать, перебороть
Невзгоды,
Чтоб каждое ненастье декабря
Пережить
До теплоты погоды!

Обречена на веру,
Чтобы ждать
Совсем не так невыразимо страшно;
И жизни перемену
Принимать,
Легко забыв про день вчерашний!

На трассе

(триптих)

1.

Я хочу, чтоб трасса не кончалась:
Ветер бил в лицо, срывая шлем!
Я бы так всегда по жизни мчалась
От любых печалей и проблем!

За виражом я прохожу вираж –
Не прихоть это, не пустая блажь –
И только так теперь могу я жить –
Свободу, скорость – мне не разлюбить!
Без этого и жизнь моя пуста
Секунды за три – разгонюсь до ста
А дальше – больше... двести шестьдесят –
И все невзгоды – мимо пролетят!
Ещё вперёд, забывши обо всём...
Лишь мотоцикл и я – так и живём!

2.

Ветер – причёсывал волосы,
Дождь – поправлял макияж...
Жизни белые полосы –
Стали будто мираж.

3. Мотоциклу

Мы с тобою сделаны из стали,
Мы несёмся голову сломя!
И пока ревёт мотор... – В печали –
Жизнь не остановится моя!
И в лицо – свободой ветер бьёт;
Манят незнакомые дороги;
И забыв рутинные тревоги,
Мы с тобой летим, летим вперёд!

Дорога в детство

Найти бы мне средство,
Вернуть моё детство:
С его мечтами,
Цветными снами...
Мир был загадкой –
Конфетой сладкой!
А что осталось?
Одна усталость...
И всё известно –
Так безнадежно!
Всё стало пресно,
И жить тревожно...
Нет той свободы
Надежд, фантазий...
Вокруг заботы –
Однообразий...
Я вновь на старте!
И нужно средство –
Найти на карте
Дорогу в детство!

Константин БОБКОВ
Скульптор. Реставратор

* * *

Адмиралтейство – гордость наша.
Вернуть ему скульптуру, станет краше!

Разрушить двадцать две фигуры
По-варварски не стоило труда,
А чтоб восстановить наследие культуры,
Понадобятся силы и года!!!

Воспитан Академией Художеств,
Идеей Лансере я вдохновлён
И верю, что мы вместе сможем
Восстановить былую связь времён!

Утраченное прежде возродим!
 Ошибку прошлого исправим,
 Мечту Захарова прославим
 И красоту в объёме воплотим!

Анастасия БОЖЕНОВА

Студентка ФКТИ СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

От неба пахнет дождём
 Первым, весенним, сладким.
 Пойдём, в этот дождь войдём –
 Вдохнём эту влагу с достатком.

Дыши во всю грудь, дыши!
 Пусть дождь проникает в душу.
 Сейчас в этой влажной тиши
 Не хочется видеть сушу.

Умоем сердце дождём –
 Первым, весенним, сладким.
 Не надо тепла, подождём...
 Ведь мир уж не кажется гадким.

Анна БОНДАРЬ

Студентка факультета менеджмента НИУ-ВШЭ

Музыка: Frédéric François Chopin

Я этой осенью сойду с ума
 И упаду в уставшие потоки листьев.
 Пусть унесут они меня туда, где мёртвая вода
 Туманным вдохом наполняет травы жизнью.

Я этой осенью начну дышать
 И сквозь дыхание снов процеживать дыхание птичье,
 Закутываться в птичий пух и в пряных листьях спать,
 Оставшись безымянным и безличным.

Я этой осенью свой потеряю пол,
Свой возраст, голос и биенье сердца.
На тонких нитях слёз слепого октября
Я напишу Шопену свои скерцо.

Я этой осенью вернусь домой...

Спящая

Мой ветер не дует без тебя
И мельницы рук моих бездвижны,
На берегах зелёной Ишмы
Они заснули смертью. Никогда
я не проснусь.

Опустошёнными полями я кричу.
Моих застывших глаз роняю утра слёзы
И в пожелтевшую траву вплетаю косы.
На небе чёрных дыр найду одну ничью
и сделаю своей.

Анна БОХАНОВА

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

Вот и всё. Я в душе ощущаю тоску и немного досаду.
Мне не больно совсем (или нечему просто болеть).
Сто грамм виски. Наверно... мне больше не надо.
Так не хочется сильно пьянеть и отчасти грустнеть.

Ты не знаешь, а слёзы – дурная привычка?
Я не плачу от слабости, просто причина на то.
Это очень красиво... снежинки в моих рукавичках
И так грустно... три розы замёрзшие цвета бордо.

Мне теперь всё равно... ты не слышал прогнозы?
Этой лютой зимою на сердце сплошной гололёд!
И от боли давно уже вводят надолго наркозы,
Чтоб стихи без эмоций ночами писать напролёт...

* * *

Давай в глаза друг другу взглянем снова
 И в свете тусклых догорающих свечей
 Под саваном прозрачной небосклона
 Устроим театр⁶ неприкаянных теней.
 Ты знаешь, почему они несчастны?
 Они зависли в мрачной пустоте
 И ждут движений рук, но так прекрасны
 Их силуэты на исписанном листе,
 Исчерченном давно углём и мелом,
 Изрезанном на полосы и склеенном опять
 Рукой художника, кто жизнь свою умело
 Пытался красочно гуашью рисовать.
 Потоком слёз стекает незаметно
 По свечкам воск, и отблески огня
 Играют на разбитых стёклах где-то,
 Звения в душе и у тебя, и у меня...
 Давай в глаза друг другу взглянем снова
 В прозрачном свете зажженных свечей,
 Под сводом голубого небосклона
 И в пыльной дымке золотых лучей.

* * *

В лучах моего последнего солнца запутались волосы...
 И ветер непринуждённо и резво играет с ними...
 Шепчет на ухо... что-то о прошлом твоим голосом,
 А я, как и прежде, глотаю слёзы, солёные, незримые.

Юлия ВЕРТЕЛА

Член Союза Писателей России

Музыка вечера

Яркие фары, музыка вечера,
 Сердца удары: встречу ли, встречу ли?
 Хлопают листья, цокают туфельки.
 Им подпевают кустики-пуфики.

⁶ – Слово «театр» не в книжном варианте, а в петербургском разговорном, принятом среди почитателей театра, всегда произносилось (и произносится потомками петербургской интеллигенции) как «тятыр» с ударением на первом слоге.

Свист и шептания мокрого вечера,
Чувств замирание:
встречу ли, встречу ли?
Ропот людей у трёхцветного глаза.
Симфония капель промозглого вечера...
Хлюпанье носа мне обеспечено.

* * *

Я снова беспокойная ушла,
Когда за ветки зацепились тени,
И за прозрачной бледностью стекла
Всё замерло – от света до движений.

В изгибах улиц, днём таких знакомых,
Расставил кто-то сумрачные сети.
И в них метались сказочные гномы
И страхи все, какие есть на свете.

За каждым домом слышалось дыхание,
Ларёк застыл, как тигр перед прыжком,
Нева шептала жуткие преданья,
Ворочая тяжёлым языком.

Один лишь ветер был мне, как приятель,
Он целовал, и волосы трепал,
И, заключая в тёплые объятья,
Казалось, так любил и понимал.

Сергей БОХАНОВ

Выпускник СПб ГЭТУ Императора Александра III

Прощальная

Я ухожу. Такие вот дела.
Мне скучно стало жить на белом свете.
Моя звезда погасла, не взошла,
Осталась только запись в Интернете.

Мне время отвело недолгий срок,
Подняться из глубин людской пучины.
Запутавшись, я выбраться не смог,
Из сети всемогущей паутины.

Мой телефон упорствует, молчит,
 Устал я ждать, надеяться и верить,
 Что, может, оживёт он, зазвонит
 И прямо в рай мне приоткроет двери.

Монастырь Коневец

От осины вороны
 Разлетелись в стороны,
 Чёрные предвестники
 Горя и беды,
 И над древним капищем
 Веет холод кладбища,
 Как напоминание
 Прожитой судьбы.

Храм стоит расстрелянный,
 Временем затерянный,
 Не зальётся голосом
 Звонница твоя.
 Лики потускневшие,
 В святости безгрешные,
 Взглядом укоризненным
 Смотрят на меня

Я молюсь неистово
 Не за жизнь, за истину,
 Как прожить остаток дней
 С верою в душе.
 Лишь кресты могильные,
 Грешных душ хранители,
 На вопрос о вечности
 Отвечают мне.



Работа Валерии КОКОВКИНОЙ

Екатерина ВОРОБЬЁВА

Студентка философского факультета РГПУ

Мой Корабль

Так воздух чист, волна покорна,
А даль прозрачна и легка!
И облака плывут по морю,
И море тонет в облаках.

Эх, корабли мои! Бродяги!
Подвластны прихоти ветров!
Я знаю, что рождались чайки
Из этих белых парусов!

Как волны – друг за другом – годы,
И глубину сменяет мель.

Тебе тесны земные воды,
И ты плывёшь по небосводу,
А звёзды блещут на корме.

* * *

Опадает, беспечных и знойных,
Летних дней золотая листва.
И холодное сердце спокойно,
Ясен ум и трезва голова.

Словно после тяжёлой болезни,
Где и дрожь настигала, и бред,
Я пою позабытые песни
И по-новому чувствую свет,

Ведь сегодня в объятьях заката,
У окна, где фиалки и тюль,
Я пойму, просто и безвозвратно,
Что я больше тебя не люблю.

Лето

Под хор случайный и минутный
Зелёных молодых листов,
Под барабан и бубен будней,
Трещотку птичьих голосов

Резвится лето бесшабашно,
 Уйдя от ветреной весны, –
 От строгой матери сбежавший,
 Весёлый непослушный сын,

Что так безудержно смеётся,
 Смотри, как я, забыв про тень,
 Соломенную шляпу солнца
 Ношу нахально набекрень,

И скачет в пляске беззаветной,
 Будя языческий задор,
 Через закатов и рассветов
 Незатухающий костер.

Марина ГАДЖИЕВА

*Выпускница филологического факультета Дагестанского
 государственного университета*

1.

Ты бросил в воду камень гнева,
 Ты не просил меня любить.
 Ты просто – рядышком, ты – слева...
 Ты попросил про всё забыть.

Границы разума познать
 Ты предложил однажды ночью –
 И, не желая умирать,
 Мы на луне осели прочно.

2.

Ты простил мне мои измены.
 Я простила тебе себя.
 До Прощёного Воскресенья
 Ты смотрел на меня любя...

Я прошу у тебя прощенья,
 Отпускаю куда-то вдаль.
 Вмиг Прощёное Воскресенье
 Обернулось для нас Прощальным.

3.

Прошепчи мне свои стихи
О безумствах и о весне...
Может быть, я влюблённый псих –
Обо мне твердил *ты* во сне.

Море

Я лежу на волне,
Я лежу, как на мягкой перине...
Облака в вышине
Улыбаются тихо Марине.

Никого рядом нет...
Лишь бесшумная гладь – морская.
Провалилась во сне
И парю на спине я – Морская...

Я смогу отпустить...
Воздух в лёгких – лишь дверь в неизбежность.
А ты сможешь забыть
Про морскую мою небрежность?..

...Я любила лежать
На морской бирюзовой перине,
Небеса отражать
И мечтать о глазах твоих синих.

Я любила смотреть,
Как свободно летают чайки.
И любила реветь
От избытка своей печали...

* * *

В. Исаевой

*Возьмёт Господь в ладони
Заплаканную душу.*

Е. Фролова

Я плакала у Бога на коленях,
Мы пили чай.
Ошибкам Он не придавал значенья,
Он всё молчал...

И улыбался, взгляд не отводя...
 ...А там красиво...
 И даже без осеннего дождя
 И без дельфинов...
 Я плакала у Бога на ладонях,
 Больших и тёплых.
 Я плакала у Бога в доме.
 ...А где же стёкла?..
 Он улыбнулся мягко и светло,
 Храня молчание.
 А за окном мелькнуло белое крыло —
 Влетели Ангелы...

Любовь

*Имя твоё я боюсь забыть,
 как поэт боится забыть какое-то
 в муках ночей рождённое слово,
 Величием равное Богу.*

В. Маяковский «Облако в штанах»

Я высеку Имя твоё,
 Как крест,
 На запястье.
 И будем всегда мы вдвоём,
 Как грех
 И распяты...
 Я выстрою Дом из камней —
 Наш храм
 И обитель,
 Где буду я грома немей,
 Мой хам
 И губитель.
 Я выложу путь из цветов —
 Из маков
 Душистых.
 И выпущу сто мотыльков —
 Чтоб мягко,
 Пушисто
 Нам было летать по дороге
 В согласии, вере и Боге.

Вера ГАЙДАР

Студентка ФРТ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Без названия

Заходишь в автобус, садишься к окну
И пишешь на стёклах к судьбе пожеланья,
Понятны они лишь тебе самому.
Ты хочешь услышать от ветра признание...

Хотелось найти от закрытых подъездов
Запретные коды, пароли и метки,
Но в дымных суетах моих переездов
Запуталась, словно в извилистой сетке...

Немного ударов. Немного признаний.
А ведь из них и складывается жизнь –
Из сложных, порой безнадёжных, скитаний,
В которых один лишь совет есть: держись!

Дарья ГАРЦУЕВА

Выпускница филологического факультета СПб ГУ

Есть в поднебесье мир

Есть в поднебесье мир.
Ах, не достать рукой!!!
Есть в поднебесье мир.
Там только мы с тобой!!!
Есть в поднебесье мир.
Видений золотых.
Есть в поднебесье мир.
Он создан для двоих.

Лунная мелодия

Луна смотрит в моё окно.
Мне без тебя очень темно.



Инна ГОНЧАРОВА*Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III***Брату**

Когда мне было только пять,
 В семье вдруг пополнение.
 Мой папа стал салютовать,
 Андрюшин День Рождения!
 Я ревновала, не совру:
 «Зачем теперь вам дочка?»
 Закрылась в комнате, реву:
 «Не выйду! Всё! И точка!»
 Как соберусь играть во двор,
 Зайдут ко мне подружки,
 Коляска, брат – полный набор,
 «Иннуль, возьми Андрюшку!»
 Мальчишка шустрый и смешной,
 Глаза чернее ночи.
 Люблю тебя я, братик мой,
 Всем сердцем, очень-очень.

Нелли ГОРБАТОВА*Студентка отделения прикладной политологии НИУ-ВШЭ*

* * *

Мы иногда у телевизора должны
 Понаблюдать и попереживать,
 Но вскоре будем видеть только сны,
 В кроватях ровных, чуть сопя, лежать.

Мама

Вот пришла с работы мама,
 Как пчела она устала.
 Дома убрано, светло,
 Пол – прозрачное стекло.



Дочка сядет с мамой рядом
И расскажет, как отрядом
В зоопарк они ходили,
Хлебом голубей кормили.

Мама даже не поймёт,
Что за разговор идёт.
Мама доченьку уймёт,
Поцелует и уснёт.

Чайки и я

Витают чайки над морем,
А я на уроке парю в облаках.
Они так стремятся укрыться от горя,
А я забываюсь в сказочных снах.

Анна ГРАДЫШЕВА

Участница поэтического семинара Г.С. Гампер

* * *

Лы-жсинка

*Нос к носу. В одной лыжне.
Сойти ли с неё? Остаться?
Мне хочется быть нежней,
Немного нежней. Без глянца.*

*Без глянца и в неглиже.
Вглядеться в тебя поближе.
Мне хочется быть нужней,
Немного нужней, чем лыжи.*

*Лизнуть бы тебя в висок.
Привязанность – штука злая,
Мы, лайки, верней всех псов.
А ты за любовь... Облаял.*

Елена Качаровская

Елене Качаровской-Котовой посвящается

Я хочу быть немного кошкой,
Я хочу быть дородным пыжиком,
Я хочу быть сахарной крошкой,
И, конечно, солёным рыжиком.

Я хочу быть красивой чашкой,
Не хватает тебя в участии,
Чтоб ко мне ты прикладывал чаще
Губы сочные алой масти.

Я хочу быть к тебе поближе,
Только лыжи тебе дороже.
Я желаю быть шарфиком рыжим,
Чтобы стать на лису похожей.

Буду связью тебе я сотовой,
Беды, счастье поделим поровну.
Вот такая я – Лена Котова,
Да откинь же ты лыжи в сторону!!!

Екатерина ГУСЕВА

Студентка Северо-Западной Академии Государственной службы

Бывшая

Очень усталая, вечно простывшая.
Ласку твою безвозвратно забывшая,
Словно по лезвиям острым ходившая...,
Бывшая... я ведь теперь просто бывшая.

Где-то в углу на кровати молчащая,
Неуловимая, просто пропащая,
Имя твоё и во сне говорящая.
Раньше была я твоя настоящая.

Кажется, часто покоя лишённая,
Часто спешащая, часто влюблённая,
Часто ронявшая слезы солёные.
Только, тобой до конца не прощённая.

Зла не таящая, просто простившая,
Беды, обиды, ошибки забывшая.
Может быть, даже уже отпустившая.
Бывшая... я ведь теперь только бывшая...

* * *

Крутится-вертится пыль вдоль дороги,
Словно шальная, на радость ветрам.
Спущены флаги, забыты тревоги,
Сердце своё никому не отдам.

Тело окутал поток леденящий,
Больше не хочется верить словам.
Больше не хочется быть настоящей.
Душу свою никому не отдам.

Делая ленты из лунного света,
Даже дыхание делить пополам.
Вот и закончилось счастье поэта.
Гордость свою никому не отдам.

Я заплачу дорогою ценою,
Только на зло убегающим дням.
Знаю, всё лучшее будет со мною.
Память о нём никому не отдам.

Данила ДАНИЧ

Выпускник СПб ГЭТУ Императора Александра III

Сонеты

1.

Я не люблю, вернее, не могу
Дышать среди марксистов и фрейдистов,
Бываю зол, циничен и неистов,
Когда бываю в подлом их кругу,

И хохочу, читая жалкий бред,
Про бесконечность времени-пространства,
Всю эту апологию мещанства
О том, что бытия за гробом нет.

Ещё смешнее слышать, что любовь
Сотворена для украшения пола,
А не взамен его, и что Глагола
Творца миров давно поблѣкла новь,

И что безрадостен последний вечер,
И не сулит с родными скорой встречи.

2.

*На Земле была одна столица,
Все другие – просто города...*

Георгий Адамович

Мне нравится, когда блестит вода
На лужах у дороги в час заката
И, чуть задев меня, летят куда-то
Автомобили, словно в те года...

Я был ещё ребенок, и тогда
Здесь не было ни брани, ни разврата,
Того военспеца-дегенерата,
Что с красными сходилась без стыда.

Здесь всё дышало верой в человека.
Носители Серебряного века
Припоминали молодость, когда

Был Царь у нас, иные нравы, лица
И на Земле была одна столица,
Все остальные – просто города.

* * *

***На бракосочетание
проф. О. Н. Волковой и
полк. МЧС С. А. Гуляева***

То были чёрные года,
Те, девяностые, косые,
И падала, как никогда,
В руках предателей Россия.

И в каждый дом вошла беда,
Так, без врачей, в грязи и пыли,
Без состояний, вне труда
Мы, молча, близких хоронили.

Шакалы упивались властью,
А люди меж золы и мрака
Лишь проклинали эту власть
Демократического хряка.

Не зная, чем родным помочь,
Мы матерям несли микстуру,
Молили Бога в эту ночь:
Верни нам, Боже, диктатуру.

И на изломе страшных лет
Явилась Ты, как луч во мраке,
И воссиял Господний свет
Там, где кругом одни собаки⁷.

Твои высокие дела
Сияют, словно в день начала,
Не только рыбу Ты неслла,
Но людям удочку вручала.

Твой свет с Востока просиял,
Твои дела и мысли – правы,
В них чувств возвышенный накал,
Ты свыше рождена для Славы.

Желаю вам блаженных дней,
Работы дружной, дружбы нежной
В сияньи дорогих очей
И радостных, святых огней
Любви высокой и безбрежной.

Евгения ДРАЧЕВА
Студентка НИУ-ВШЭ

* * *

Утром на паре сию, спросят меня или нет?
Вытяну я на экзамене совсем непонятный билет?
Выборка, аппроксимация – там много терминов есть...
А формул здесь... за тетради, видно, придётся засесть!



⁷ – «Собаки» – В SWOT-анализе «собаки» это – фирмы, обладающие низким уровнем конкурентоспособности и низким уровнем возможностей расширения рынка (прим. политкорректора).

Екатерина ДУБКОВА

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

О чём ты думаешь сейчас?
О ком мечтаешь, что поёшь?
А может, просто вспоминаешь
Прошедший утром тёплый дождь?

Ольга ДЬЯКОВА

Инженер

* * *

Золото – молчание, прячет хвост луна,
Тайны мироздания стережёт она.
Но за звёздным крошевом желтизну не скрыть –
Пеленой поношенной, принакрывшись, плыть.

Не одна залётная ходка до луны
Месяца свободного в чёрном цвете тьмы.
По этапу точкой перегон свершать –
Вырасти в рассрочку и луною стать.

* * *

Ломка души. С подоконника падает свет.
Я закричу. Зарычу. Зашиплю. Научусь ненавидеть.
Память моя словно снятая шкура змеи:
Чувства хранит, но заставить ни ползать не может, ни верить.
Прошлого тень пролегла желтозубым огнём.
Выкурить, зельем залить, переспать это всё невозможно.
Только и есть, что желание жадное жить –
Нагло. Отчаянно. Самодостаточно. Неосторожно.

* * *

Когда-нибудь ты, вспомнив обо мне,
Прийти захочешь. Только слишком поздно.
Я вовсе не тебя ищу во сне.
Не грустно это. Просто несерьёзно.

Лиричничать сегодня недосуг:
Я в тумбочке нашла конверт с билетом.
Январь. Немели руки. Сердца стук....
Забудем. Навсегда. Сейчас. Об этом.
Я жду другого. Вовсе не тебя.
Упрямо жду и помню ежечасно,
Что можно быть любимым, не любя.
Но можно ждать. Любя. И не напрасно.

* * *

Чтобы нежно ложились тени,
Чтобы волосы развевались...
Чтоб к плечам, и к спине, и к шее
Губы милого прикасались,
Чтобы было слегка прохладно,
Чтобы капельку было знойно,
Чтоб за взглядом следить украдкой
И не в силах сказать: «довольно»,
Чтобы чувствовать запах тела,
Чтобы чувствовать жар дыхания,
Чтобы двигаться чуть несмело
И едва не терять сознание,
Чтобы пальцев ловить скольжение,
Чтобы гнулись тела упруго,
Чтобы в полном изнеможении
Отдавались во власть друг друга.

Юлия ЖИВОЛУПОВА

Студентка ФИБС СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

Не-быть
Не-жить...
Не-знать –
За-быть...
Но – нет
Никак.
Зачем?
Дай – знак...

* * *

Свет в окно —
 Ночь по углам.
 Там-то темно!
 Там-то — бедлам!

А где-то тюрьма,
 А где-то беда...

* * *

Всё стало на свои — мои! — места,
 И камень на небо с земли упал.
 Осталось две строки сгоревшего листа —
 О, хоть бы этот пепел кто-то взял!

Отдам задаром! Всем! И без — расписки!
 Ища хозяина, вдруг прохожу сквозь дверь...
 (Ах, в этой комнате полы мне все так низки!)
 Сквозь — солнце светит. Понимаю — тень...

Я не безвольна, всё же — беззащитна.
 (Я без-за-щиты — щит не удержу)
 Как без меня свою ты жизнь не мыслил,
 — Тень под тенью не мыслит жизнь свою!

* * *

Ко дну — тону!
 О-пусто-шаюсь!
 День отдан сну,
 Ночь — высыпаюсь.

В ладонях — снег.
 Секунда — мокро...
 За много лет
 На коже — корка.

Всё тянет — вниз,
 Всей массой — *тянет*!
 Тону — «на бис»,
 А дно так манит....

Наталья ЗАБЕЛИНА

*Выпускница Государственного Педагогического института в
Словенске-на-Кубани*

Берег

Этот берег слишком пустынный,
Но всё-таки берег...
Мне б хотелось присесть и смотреть из души прямо в даль.
Я б не стала, наверное, даже плакать,
Просто слушать прибой и сердца печаль.

Этот берег слишком пустынный,
Я этому рада...
Мне не надо искать, меня тоже никто здесь не ждёт.
Ни о чём, ни за чем, ничего здесь не надо,
Только море для неба о чём-то поёт.

Этот берег слишком пустынный,
На тысячи миль...
Бесконечность – вновь и вновь волны плавно бегут ко мне.
Влажный воздух солёный отрадно вдыхаю,
Эти чувства и небо на одной высоте.

Этот берег слишком пустынный,
Но всё-таки берег...
Крылья белые выпрямить – к горизонту лететь.
Мне не хочется больше на берег падать,
Я бы просто хотела для неба петь.

Алина ЗАКИРОВА

Студентка факультета социологии НИУ-ВШЭ

Знаю знаки значимости

Придаю я большое значение знакам,
А особенно тем, что касаются брака.
Знаки эти повсюду меня окружают,
Снится часто кошмар, что меня обручают.

Полосою сплошною предупрежденья
 Умножают к замужеству предубежденье.
 Платья белые нежные не умиляют,
 Шутки злующие с психикой шаткой играют.

Сколько скорбных пришлось выносить мне решений,
 Ныне я не спешу заводить отношений.
 Управлять мне пришлось и сознанием, и телом.
 А весне наплевать, у весны своё дело.

Алишер ЗАРИПОВ

Выпускник СПб ГУ. Востоковед

Поднимаясь на гору Баодай

На этой пустынной террасе
 Так явственен дух старины.
 В рассвете весна и повсюду
 Движения жизни видны.
 Заоблачны сизые горы,
 То брезжат едва, то близки.
 Свет солнца играет с тенями
 В изгибах цветочной тропы.
 Потоки вещей-превращений,
 Как паводки слившихся рек,
 В беседах сердца человечьи
 Проводят свой призрачный век.
 И я на перила опёрся
 И к флейте приник не спеша,
 Недвижимым лунным сияньем
 Наполнилась тихо душа.



Татьяна ЗАХАРЧЕНКО

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

Если кажется, всё не так:
То – не то и не это – это,
Просто вспомни, родная, как
дело было тогдашним летом...
Или даже ещё зимой,
Те палаты ре-
Анимаций твоих странных и страшных снов
Пять ночей, а казалось – двадцать...
Из множества данных шансов
Если дали тебе один...
Хватит глупостей.
Прекрати.
И живи, и побольше смейся,
Только всё-таки не забудь.
Сохрани в себе хоть чуть-чуть
Той безудержной эйфории,
Когда ты поняла:
Да, было –
Но важнее ведь, что прошло.

* * *

Если фразы, то вздорные,
Если мысли, то спорные,
Мы как травы: мы сорные –
Никому не нужны.
Если пламя, то тихое,
Если чувство – великое,
Да мы сами накликали
Себе пропасть во ржи.
Если буквы – неровные,
Все рефлексy – условные,
Я не знаю, готовы ли
Мы к обычности дней,

Без сражений и подвигов,
 Без призывов и откликов,
 В одном месте и облике –
 Чтобы «как у людей».

* * *

Пишу тебе SMS-ку,
 Баюкаю телефон в ладошках,
 Уже поздно – но вдруг ещё не спишь, и ответишь хоть пару строк –
 Немножко...
 Мне больше не нужно –
 Всего один глоток
 Нежности.
 Слушать
 Бы сейчас твоё дыхание,
 Но нет.
 Я зажигаю свет, беру блокнот,
 Царапаю буквы
 Чёрной, упрямой ручкой,
 Которая пишет вовсе не то, что я чувствую:
 Ни капли сиреневости моих мыслей
 не попадает на лист –
 А потом дивись
 Сама этим странным размером,
 Этим нервам сверх меры...
 Как обычно.
 Что ж, жизнь...
 И вдруг раздаётся звон,
 Жужжит, подползая на брюхе
 ко мне,
 Будто во сне,
 Телефон.
 На экране конверт.
 Открываю,
 Рыдаю
 От переполнившей нежности...
 Доброй ночи.
 Да. Да – доброй ночи,
 Мой свет.

* * *

Мне снится небо над Парижем,
Когда-то виденный Монмартр...
Зонты, художники, загар
На чьих-то тоненьких лодыжках...
Он снится мне – всё ближе, ближе...
Одетый в осени пожар.

Мне снится кладбище, там где-то
Под мрамором холодным плит
Навечно замерли поэты,
Сор, Берлиоз, Нурри, Делиб...
И – как его? – писал либретто...
А впрочем, каждый знаменит...

Балконы, улицы, соборы...
И в каждой лавке сувенир –
Белей, чем кость или зефир
Миниатюры Сакре-Кёра...
И арка, воплощён в которой
Столь триумфально весь ампир.

Мне снится небо над Парижем –
Одним из лучших мест Земли...
Мы и поверить не могли,
Что можно, раз увидев, выжить...
Я так хочу ещё раз (слышишь?)
Побыть немножко Амели.

* * *

Я пишу без умолку, взапой,
В диком, непонятном исступленье.
Вечно недовольная собой,
Я желаю «необыкновений».

Ну, а строчки по привычке в ряд
Ровный и обыденный ложатся.
И не то, что мыслю, говорят
Нервные, замученные пальцы.

Я пишу – и знаю, что не то.
 Хочется иного: ярче, резче,
 Чтобы обновлённый взгляд на вещи
 Отражала каждая из строк.

* * *

Как отчаянно пахнет весной,
 Как отчётливо видится солнце!
 А ведь мы и не верили, что
 Нам дожить до неё доведётся.

Как прохладно вокруг и свежо!
 Как легко я дышу и спокойно.
 Всё идёт, как идти и должно –
 И я этим, конечно, довольна.

* * *

Перевернули лист календаря –
 И, кажется, всё вдруг переменялось,
 И все вокруг весну благодарят,
 За то, что ждут и что ещё не сбылось.

Хоть от холодного по-зимнему вчера
 Отделено сегодня только словом,
 Но всюду слышится, что вновь пришла весна,
 И, видимо, все к этому готовы.

Что ж, только для меня, который год
 Становится внезапным потрясеньем
 Весны несогласованный приход,
 Такой же, как и в это воскресенье.

* * *

Мои веки – береги
 От ненужных снов.
 Им поручены – вовеки! –
 Сумерки Богов.

ο πλατωνισμός ο πατριωτισμός ο πνευματισμός π³

Отгораживаясь ими
От сумятиц дня,
Я войду в миры иные.
Или псевдо-я?

И не вспомнится наутро
Ни одна деталь.
Утром мудрым, мудрым, мудрым
Ничего не жаль.

Оксана ЗИНОВЬЕВА

Студентка Санкт-Петербургского филиала НИУ-ВШЭ

XXI век

Я лань, бегущая в горы,
Которая хочет уйти.
Я стая бешеных тигров,
Залёгшая на пути.

Наталья ЗУБАРЕВА-ХРАМОВА

Выпускница Университета Технологии и Дизайна

Открывая Псалтирь

Положим, я никого не посылала на смерть,
как Давид послал Урию.
И насчёт чужих супругов тоже –
никого не уводила.
Но разве моя нерадивость перед Богом
менее страшна, чем грехи Давида?
В искренности же покаяния,
в отрезвляющем плаче
сравню ли себя с великим Псалмопевцем?
То-то у него после падений – взлёты,
а у меня – рептильное копошение.
Верующему даётся по вере его,
мне же даётся по лукавству моему.
Да есть ли у меня надежда на спасение?

Ну, положим, я и не Мелхола.
 Уж я бы не стала кривиться,
 глядя, как в молитвенном восторге
 скачет царь и супруг перед Ковчегом Завета.
 Но я бы – сплясала ли перед Святыней?
 Возможно ли чистое ликование
 закоснелому в грехах сердцу?

Имеют глаза и не видят.
 Имеют уши и не слышат.
 Господи, да это про меня сказано.
 Это я – ни горячая, ни холодная,
 Это я – ни живая и ни мёртвая,
 Это меня изрыгнут уста Божии.

А просить-то всё равно надо.
 Ведь если меня кто и помилует,
 так только Отец наш Небесный.

* * *

Да, я как раз из тех,
 вот из тех самых, что могли бы вдохновить
 и старого еврея-атеиста
 да на крещение в церкви православной.

Но я вполне готова и к тому,
 что могут не узнать меня при встрече.
 Вы, незабвенные мои,
 не помните, не любите?

И всё-таки – не плакаться
 на горечь одиноких странствий
 я в Божий храм иду.
 Иду благодарить
 за вдруг открывшуюся мне возможность
 прощенья.
 Иду просить,
 чтобы не гасла нежность,
 нежность в моём сердце.

Наталья ИЛЬИНА

Участница семинара Г.С. Гампер

Царское. Свободное

Сегодня, Я – Царица! Не играю
Ролей и пошлых масок не надену!
Вчерашнюю себя опять ломаю,
Как старые искрошенные стены.

Царица, я сегодня! Не холопка!
Не прогибаюсь под твои желанья,
Да, больно, очень... И ещё так робко,
И хрупко это царское сознание.

С плеча чужого мантий не надену,
Да, фаворитки роль, кому-то лестна,
Но то – игра! Я ж не хочу на сцену,
И роль служанки мне не интересна.

Сегодня Я – Царица! Не играю!
И радуюсь свободы ощущенью,
Саму себя из клетки выпускаю,
И принимаю новые решения!

Дуэт

Пеленой дождя укрыты крыши,
Листья, травы, влажно слепнут окна.
Дождь шумит, стучит, шуршит чуть слышно,
Свесив струй прозрачные волокна.

С ветром песню дождь поёт дуэтом,
Ветер, зло картавит, в ржавых трубах
И наотмашь хлопает, при этом,
Старой ставней раздражённо, грубо...

А потом, ворча, накроет плечи,
Влажным пледом и подвывает космы,
Улыбнётся, глядя в бесконечность,
Дунет резче – дождь польётся косо...

Олег ИЛЬИН
Историк

* * *

Окуная перо в инфернальную кровь,
Вывожу на тетрадном листке:
«Я уйду навсегда под покров облаков
С рюкзаком на плече налегке».

И под светом Луны
В серебристых полях
Буду трогать руками траву.

И с блаженной улыбкой на влажных устах
Я тихонько тебя назову.

И в сиянии лунном, в мерцании звёзд
В тишине многозвёздной ночи
Вдруг возникнет в руках виноградная гроздь,
И забудут вдохновенья ключи.

Твой божественный лик, мириады миров,
Лёгкий ветер в ночной тишине.
И течёт по земле инфернальная кровь,
Тайным светом блестя при Луне.

* * *

Когда стояли мы над пропастью в ночи,
Мерцаньем звёзд был полон купол неба.
И я не помню – был я или не был
Уведомлён о таинствах любви.

И прежний мир для нас давно исчез –
Шагнуть вперёд, чтоб избежать рассвета.
Таинственна, как ночь полуодета
Стояла рядом ты под куполом небес.

Таинственно мерцанье звёзд в зрачках,
Прохладный ветер переплёлся с волосами.
Стояли мы, одни, под небесами,
Не чувствуя ни тяжести в ногах,
Ни твёрдости под нашими ногами.

* * *

Я приду к тебе в ночь,
Чтоб почувствовать запах ночнушки.
Чтобы мышкой норушкой
Шуршать у кровати твоей.
Чтобы трогать прохладу
Твоей венценосной подушки.
Чтобы чувствовать штиль
Полусонно-бескрайних морей.
Я приду облачённый украдкою девственных снов,
Чтоб губами прильнуть к полусонной, теплеющей плоти.
Чтобы тайных, сокрытых, тобою не сказанных слов
Никогда не услышать в простой и божественной ноте.

Ирина ИОЛИНА

Участница поэтического семинара Г.С. Гампер

* * *

Этим воздухом не надышаться, весна!
Словно тонешь – взалхлеб, всюю лёгочной жаждой,
Тянешь вширь, раздувая меха, нет им дна
Этим колбочкам всем, альвеолам, неважно.
Словно пьёшь стылым сердцем волшебный нектар,
Как подснежник оно вдруг начнёт распускаться.
Фантастический свет, безупречный загар,
Праздник щедрых распевок летучего братства.
Нам ослепшим, глухим ароматы ветров
Кружат голову, словно шальная свобода,
Нет границ и везде – нежный гул майских строф
Зацветающих трав и кустов, хоровода
Новой жизни. Всё настезь, всё близко – лови,
Отзовись – гениальною флейтою страсти
Зажигают лиловую ночь соловьи
С ароматом сиреневых звёздочек счастья.

* * *

Ландыши, сосны и глыбы гранита –
Древности память. Громада воды
С ширью небес перемножена, слита
Гладью карельской, озёрной слюды.

Вёслами белую ночь рассекая,
Слушаю речи бессвязной слова
Сонной воды, что зовёт, не смолкая
Вдаль, а вокруг – острова, острова.

Рай – рыбакам, да и прачкам – раздолье,
Праздным туристам – пирушки, кураж,
Дух врачевать, раны сердца и боли,
И созерцать – путать явь и мираж.

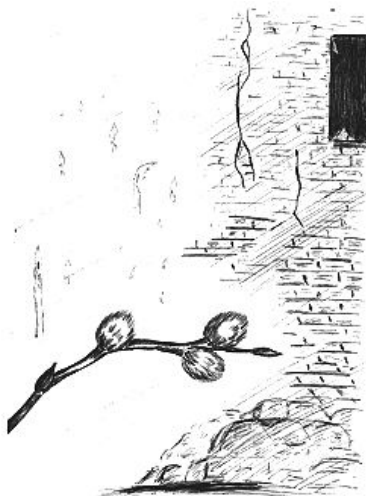
* * *

В кругу деревьев я – в лесу
Не устаю бродить часами.
То продираюсь сквозь листву,
Цепляя ветки волосами,

То путаюсь в густой траве
Средь сумрака осин высоких,
Чью стать не уличить в родстве
С породой корабельных сосен.

С тропинки – в солнечный затон
Вступлю внезапно на поляне,
И синих Колокольцев зvon
Взметнётся дружеским посланьем.

Иду за солнцем – глубже в лес,
Всё дальше от житейских тягот,
Окрестности лесных чудес
Блаженным поглощая взглядом.



Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ «Верба. Надежда»

ο πλατωνισμός ο πατριωτισμός ο πνευματισμός π³

Сергей ИСАЕВ

Студент экономического факультета НИУ-ВШЭ

Евтерпе

Ночь. Одиночество. ПК
И жизнь, прожитая без толку.
Немая проза, пустота,
Порой охота выть как волку...

Придѣшь, и руку на плечо
Моё ты трепетно положишь
И скажешь мне: «Поэт, ещё!!!»,
И рифма сразу станет строже.

Да будет так... но что я говорю?
Какой-то бред и прочий детский лепет.
Евтерпа, я тебя благодарю
За мой покой... за лучшее на свете.

Евгений КАЗАРЦЕВ

Филолог. Участник семинара Г.С. Гампер

* * *

<Памяти Вацлава Нижинского>

Что ждёт, триумф или позор?
Взяв шарф у нимфы,
Изображает страсть танцор.
В стихах без рифмы

Его прыжки уже воспел
Поэт французский.
Растерян в жизни, в танце смел
Католик русский.

Не оступиться б, не задеть
Амбиций друга.
Но не удастся запереть
Талант. А ну как

Ему уехать от беды –
И отпустили...
Что подвело? Боязнь воды
Иль слабость к силе?

Вот океан шумит в ушах.
Не видно суши.
Один неосторожный шаг –
И ты не нужен.

Почётный гражданин Перми
Ревнует шумно.
Контракт разорван, за дверьми
Артист безумный.

Уйти со сцены – не беда!
Одна отрада –
Златая сохнет у бедра
Гроздь винограда.

Но нет упрёка ни на грош!
Он сходит плавно.
Сознание гаснет. Только дрожь
В коленях фавна.

Евгений КАПУСТИН

*Выпускник Санкт-Петербургского Государственного Морского
Технического университета. Редактор-составитель
международного сборника современной духовной поэзии
«Отзвуки Небес»*

Творцам

Кто-то хочет продаться,
а кто-то – остаться в веках.
Кто-то хочет постичь,
а другой постигает, как дышит.
Я не знаю, зачем
я держу своё слово в руках,
Но оно меня тянет
куда-то – всё выше и выше...

Русь

Над вечным покоем незримы
Ворота в небесный чертог,
Где славу поют херувимы,
И нет ни скорбей, ни тревог.

Где слово молитвы сплетают
И голос безвинных кровей,
Из русской земли вырастают
Шершавые стены церквей.

Касаясь небес куполами,
Обители тихих святынь
Хранят животворное пламя,
Что выльется золотом в синь.

Лучами предвечного света
Проснётся туманная даль, —
И вечность любовью согрета,
И тает в молитве печаль!

Здесь дух необъятен и волен,
Здесь слово — и свет, и гроза,
Дыхание — звон колоколен,
А лица — почти образа!

Здесь судьбы, меняясь местами,
Горят как лампы во мгле.
Здесь, смерть побеждая крестами,
Стоят небеса на земле!

Жизнь

Как бы потом ни сложилось в итоге,
Я буду в памяти вечно хранить
Ту тишину на последнем пороге,
Где не рвалась серебристая нить...

Что не сбывается, то остаётся
Светом прекрасной и яркой мечты.
Прошлого к нам никогда не вернётся, —
Мы на него поглядим с высоты.

Жизнь — это боль в ожидании счастья.
 Жизнь — это поиск себя самого.
 Вечный покой, бесконечные страсти —
 Выбор, достаточный для одного!

Жизнь или смерть — это только начало.
 Небо! Так рано меня не зови!
 Я не хочу, чтобы сердце молчало!
 Я не умею дышать без любви!

* * *

Наедине с ветром
 Сердце стучит тише...
 Душу пронзит светом
 Солнце, что всех выше!

* * *

Сказаны в вечность слова:
 «Вера без дела мертва».
 Но, ещё прежде того,
 Дело без веры мертво!

Елена КАЧАРОВСКАЯ

*Участница семинара «Меловая черта» в Санкт-Петербургском
 Политехническом Университете Императора Петра Великого и
 семинара Г.С. Гампер*

* * *

Слова ничего не значат,
 Молчанье весомей слов
 Я просто кухарка, прачка,
 А ты мне — любовь, любовь.

Но хочется слушать, слушать,
 Да в шляпу бросать гроши,
 И вдруг не бельё, а душу
 Проветривать и сушить.

* * *

Ты о прошедшем тосковал.
И видел в будущем тоску,
А в небе Ангел танцевал,
И жук бежал по лепестку.

На перекрёстках нежных слов
В кувшинках квакала весна,
Нас в лодке в озеро несло,
И брызги шли из-под весла.

Всходило солнце по сосне,
Блаженно булькал водяной,
Лишь ты завидовал весне
В своей избушке ледяной

Кстати об осени

Есть обман в самозванке рыжей
И прохожий дождём обижен,
Дама – ветром,
Судьбой – игрок,
Дни короче и воздух жиже,
И залысиной дуб пристыжен,
Ухмыляется Пушкин с книжек
Километром
Осенних строк...

* * *

Облака нежную кожу
Обрести,
И потихонечку съёжиться
И уйти,
И обмануть одиночества
Снегопад,
Чтоб появляться
Где хочется,
Невпопад.



* * *

Душа рассыплется на нежности,
 Как одуванчик от порыва,
 И в состояние безмятежности
 Уходит день неторопливо,

Фатою ночи, светлым отбlichem,
 Слегка качнётся занавеска,
 И я к тебе вернусь как облако,
 Обветренна и легковесна.

* * *

В чукотском небе бисер звёзд,
 В чукотском чуме чай замёрз,
 К чукотской лайке чешет волк,
 Чукотской бабке – лыжа в бок
 Мешает спать. И жир чадит,
 Чихнёт чукчонок. Да гундит
 Под нос чукотская жена.
 Спокоен чукча – ночь длинна.
 Что суетиться? Мир неплох.
 Есть тёплый чум и в трубке мох,
 Олени. Тундры мир велик,
 И чукча всем молчать велит.
 В сиянье ночи он, и Бог
 Ведут безмолвный диалог...

Даниил КОЛМАКОВ

Студент ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

Студент выходит из парадной,
 Охвачен вихрем мыслей он,
 Но не весёлых и отрадных,
 Тяжёлых дум мальчишка полн.

Дать Мира премию тирану –
 Пусть Нобель вертится в гробу.
 Мрачнеет тёмный лик Обамы,
 Отдать Афганистан врагу?

Алина КОЛЫЧЕВА

Студентка факультета социологии НИУ-ВШЭ

Колпино (Родному городу)

Колпино – город, в котором живу.
Как я люблю в нём небес синеву,
Звонкую музыку парков, аллей,
Пляску огней на груди площадей.

Звёзды сияют на небе ночном,
Колпино – добрый и сказочный дом,
Капелька в мире, для нас – великан!
Всюду шагает строительный кран.

Строится город и с нами растёт,
С нами танцует и с нами поёт,
В школу бежит и спешит на работу,
Маршем шагает с солдатскою ротой.

Сотни традиций хранит, бережёт
Всюду известный Ижорский завод.
Славные люди работают здесь,
Столько народу, что просто не счесть.

Не испугала ижорцев война,
Встала навстречу людская стена,
Встала в неравный, но праведный бой
И заслонила наш город собой!

Мирное небо и пение птиц...
В жизни твоей много славных страниц,
Город любимый, в котором живём,
Колпино – добрый и сказочный дом!

Андрей КОНОВАЛОВ

Студент Санкт-Петербургского филиала НИУ-ВШЭ

* * *

Мои мысли, по венам стекая,
Растворяются тихо в золе.
Я смотрю в окно, не мигая,
И рисую на влажном стекле.

Почему сегодня мне грустно?
 Да, наверно, от счастья в душе.
 В этом доме уныло и пусто –
 Я уехал к тебе, в НИУ-ВШЭ...

Александр КОРОЛЁВ

Филолог-романист

На стихи поэтов «Золотой нити»

* * *

Закончилась бутылка Алазани...

Ю. Королёв

Мы сидели дружно в бане
 За бутылкой Алазани.
 Комуляки за юани
 Продавали самогон.
 Торговали лучше б водкой,
 Штопор был бы здесь находкой,
 Но сакэ зубною щеткой
 Открывать какой резон?

На проспекте металлистов
 Мы имели грамм по триста,
 На углу Тучкова моста
 И какой-то там Морской.
 В это время некто Гашек,
 Тяпнув несколько рюмашек,
 Предложил компашке нашей
 С ним дерябнуть грамм по сто.

Мы сидели дружно в бане,
 Обернувшись простынями.
 Бог веселья нынче с нами,
 Ничего, хоть не в кафе.
 Мне б пройти по Алазани,
 Да круги перед глазами,
 Петропавловка на грани,
 Но Исакий под шофэ!

* * *

*Прольётся кровь зачем-то в банку
Халды-балды.
Черпни ладонями немножко
Воды, воды...*

О. Ильин

Шёл я нынче вдоль пруда,
Вижу, — сам Халды-балда.

Я встречался над водой
Да с самим Халды-балдой.

И куда я ни пойду,
Вижу лишь Халды-балду.

Говорят мне: «Быть беде,
Не ходи к Халды-балде».

И твердят на все лады:
«Ох, балде твоей Халды!»

Прощание Розы

Прощай, не то нас ждёт опять
Страна неведомая плача,
Напрасно ты хотел понять
Слова, что ничего не значат.

Тот аромат вечерних роз
Ещё сильнее, чем было в детстве.
Ты слишком принимал всерьёз
Меня в изысканном кокетстве.

Всё тяжелей сдержать в груди
Мою тоскующую ноту,
Жалеть не надо, уходи
И уноси свою заботу.

Так уходи, ты так решил,
Мне будет проще беззаботной.
В вечерний горизонт спешу
Сорваться птицей перелётной.

Тобою опустошена,
 Но промедленье горше ранит,
 Поверь, мне больше не страшна
 Тревога заморозков ранних.

Ну, наконец, идет к концу
 Ненужных снов и слов бесцельность,
 Поверь, ведь мне она к лицу,
 Моя загадочная бледность.

Другую встретишь впереди
 Ты, на скитанья обречённый,
 Идёшь в иных мирах бродить,
 К моим рукам неприрученный.

Так уходи. Не надо ждать
 Во благо новых совпадений.
 Как будет радостно блуждать
 Тебе в обносках сновидений.

Никто ни в чём не виноват,
 И обо мне потом напомним
 Тебе нездешний аромат,
 Который вновь тебя наполнит.

Не будет впредь ничьей виной
 Моя последняя утрата,
 Я не могла бы стать иной,
 И я ни в чём не виновата.

Пусть печаль твоя легка,
 Она легко тебя отпустит,
 Тебе глядеть издали
 Сюда с оттенком лёгкой грусти.

Тебе искать иной причал,
 Где не вершит свои приливы
 Печаль. И всё равно прощай,
 И постарайся быть счастливым.



Ольга СКРЫНСКАЯ «Вечер»

* * *

Старинный парк в объятиях печали,
Пришла пора несбывшихся надежд,
Пустынными аллеями Версалия
Уже влачится траурный кортеж.

Струится дождь среди наклонных веток,
Следы дождя на зеркале пруда,
И будто в позах севрских статуэток
Застыли вдоль дороги господя.

Но осень, будто старая гадалка,
Взволнована предчувствием беды,
Среди аллей колёса катафалка
Оставили размокшие следы.

Пусть осень при дворе и тьма народа,
С балкона он вослед промолвит Вам:
«Какую же дождливую погоду
Вы для прогулки выбрали, мадам!»

* * *

Почему горит свеча?
Кто-то бродит по ночам.
Знаю, ходит он один,
Чёрной ночи господин.
В чёрной шляпе и в пальто,
Не видал его никто.
Если жар горит в груди,
Значит, чёрный приходил,
Значит, угли ворошил
В глубине моей души.
Снов полуночных пастух
Бормотал он что-то вслух.
Полоумная сова
Повторяла те слова.
Чёрной птицею кричал,
Заговаривал печаль.

Всё забудется во сне,
Приходи тогда ко мне.
Если хочешь, научу,
Как задуть его свечу.

* * *

За эти страдания, мытарства
Мои до последнего дня
Судьба даровала мне царство
И дочку царя, и коня.

И всё мне казалось возможным,
Лишь стоит отправиться в путь,
В трактире одном придорожном,
Однако, присел отдохнуть.

Я слышал, как чёрные ели,
В косматый закутавшись снег,
О чём-то призывно шумели,
Как будто молились во сне.

И чаша моя недопита,
И гаснет свеча на столе,
И слышно как где-то копыта
Стучат по промёрзлой земле.

Мой путь безнадежно потерян,
Другой на буланом коне
Стремится в мой сказочный терем,
Где плачет царевна по мне.

Алексей КОРОЛЁВ

Преподаватель кафедры ИМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

Такого лета я не знал –
Разверзлись настежь двери рая.
Безумных яблонь белый шквал
И пьяных гроз девятый вал
Скрутились, бешено играя

Косыми струями дождя,
Эфесской наготою ели,
Как бы столетье пережда,
Депеши белого вождя
С небес казахских долетели.

У каждой женщины в глазах –
Лишь загляни, – сияло небо.
Беспечной детскости замах,
Свечение третьих сфер, где ах!
Ещё никто при жизни не был.

Смеркалось. Теплился закат.
Кузнечики гремели хором.
Я взял со шкафа наугад
Клубок и вышел через сад,
И в лес прокрался за забором,

И бросил на тропу клубок,
Сжимая нить рукой дрожащей,
А он пустился наутёк
Так резко вниз и на восток,
Упруго уводящей в чашу

Тропинкой торфяной. Ручей
Перескочили. Мне немножко
Не по себе среди корней
Сосны гигантской и под ней
Дубовый сруб на курьих ножках.

И нет ни двери, ни окна,
Во мгле клубятся корни – змеи,
Да лунно-красная стена
Шурша, дрожит, оплетена
Зловещей вязью ипомеи.

Превозмогая детский страх,
Я прошептал: «О, стань же задом
К чашобе в непролазных мхах,
К шипящей рыси на ветвях
И повернись ко мне фасадом».

Колыбельная

Н. К.

Вечер, луной подсвечен,
В лапах у лип затих.
Как серенада, вечен
Русский акцентный стих.

Пусть Вам приснится дача,
Сад посреди степей,
И виноград, и чача,
Берег Невы, Сергей.

Толстый, тяжёлый бражник,
Взмахивая едва,
Сядет на Ваш багажник,
С ним «мёртвая голова»,

И, подхватив под талию,
Выше берёз кружа,
Перенесут в Анталию,
Два шестикрылых моржа.

И отнесут обратно
В Ваш бельэтаж на Пинегина,
И пропоют невнятно
Арию львов⁸ из Онегина.

Пусть Вам приснится вечер,
Блистающий бал, как встарь,
Белее бумаги плечи,
Любимый народом Царь.

Одна за другой картины
Мягко бредут на ум.
Рампа и роль Дорины,
Розы и Ваш триумф.

Мурлыча сопит Алиса
И видит в кошачьем сне:
Мяукая, дышат листья
Свежей струёй в окне.

⁸ – Дуэт Татьяны и Ольги «Слыхали ль вы?»

* * *

*Und mein Stamm sind jene Asra
Welche sterben, wenn sie lieben...*

H. Heine

Был дог пантерой в дымно-сизый час,
Был месяц под косою, звезда, поляна
И свежий вихрь ночной вселяли в нас
Зверей твоих, Артемис ли, Оксана?

И Маугли прятался за тёмный вяз,
И вынимал фонарик из кармана,
На четвереньках лаем заходясь,
Совсем как Аср при дочери султана.

Но отчего ж из бездны полусна
Вселенского мне светит та луна,
Как символ смуглой дочери Сальгира,

И в урагане тот же детский смех
Звучит в обрывках фраз далёких тех
И лает быстроногая Багира.

* * *

О не отпускайте, опять замело...
Хоть пару минут, хоть свечой на сугробе.
Мне в ваших ладонях свежо и тепло,
Как будто опять в материнской утробе.

Откуда-то силы приходят опять
К вершинам блаженства и праздничной скуки...
Ребёнком ревнивым в слезах засыпать,
Сжимая в руках материнские руки.

Знать время уже наступает, пора
И мне юнгианской дорогой печальной
Туда, где за фьордом темнеет гора,
Закатным путём к моей точке начальной.



Броуновский процесс

Мои молекулы сейчас
В случайном броуновском движении
Вдруг устремились все зараз
В одном и том же направлении.

Хоть исчезающе мала
Была такая вероятность,
Но и теперь не подвела
Меня судьбы моей превратность.

Невольно прислонясь к стене
От духоты ночного плена,
В каком-то странном полусне
Я диффундировал сквозь стену.

Асимметрия и эксцесс
На тот момент невняты были,
Но этот броуновский процесс
Был как езда на ё-мобиле.

И, как последний маргинал,
Споткнувшись больно о корыто,
Я сам себя как мартингал
Проинтегрировал по Ито.

И мне в лицо пахнула ночь
Безумной свежестью свободы,
И зайцем я пустился прочь,
К лесному озеру, на воды.



Работа Валерии КОКОВКИНОЙ

Маме

*Как там – вы помните? – на смерть держи равнение...
Так пастырь трогает дрожащую овцу...*

А.Танков

Мне снилось, я опять тебе звоню
И узнаю, как ты живешь на свете,
На том, и милый голос узнаю,
И горя нет, что я за все в ответе.

И страшно только, чтобы АТС
Не отключила твой посмертный зуммер,
Ведь не дойдет из рая SMS
И так хотелось, чтоб я тоже умер.

Мне снились годы, черные года,
Когда меня для моего же блага
Ты, помнишь, замуж выдала тогда,
А мне за тридцать и совсем не надо.

Тот водоем, где мертвая вода,
Вокруг которой осужден бродить я,
И мертвость подневольного труда,
И мертвичина адская соиться.

Большая юность – робкие лучи,
Бездушность прародительской опеки,
Апноэ бесконечное в ночи
И полых слез непролитые реки.

Мучительно хотелось разорвать
Мертвящий круг судьбины неизбежной.
Туда, где жизнь, где ожидает мать,
И мой Спаситель – друг и пастырь нежный!

Голубь

В раскрытую форточку голубь впорхнул,
И с лёту ударившись об пол,
Полковником стройным уселся на стул
И честь по-военному отдал.

– «Скажи, пра-пра-пра-внук, достало ли сил
Тебе, хоронившему близких,
Когда подле Савичей ты возносил
Акафисты за Добронизских?

Просила меня твоя нежная мать,
С шестой полусферы взирая,
По норам кротовым порой залетать
К тебе из Господнего рая».

– «О, мой пра-пра-пра-дед, так вот вы каков,
Бесстрашный солдат-небожитель,
Лихой предводитель летучих полков,
Российских границ раздвижитель!

Поведайте, пращур, как туркам назло
Ходили вы в Адрианополь.
Сто двадцать пять тысяч бойцов полегло,
Но с бою захвачен акрополь,

И мир, триумфальный для русской земли
С врагом вы тогда подписали,
И жизни, и кровь на алтарь принесли,
Да все либералы проспали».

Юрий КОРОЛЁВ

Аспирант СПб ГЭТУ Императора Александра III

Богатыри

В магазине «Пиво-Воды»
Собирались воеводы.

Все пьяны, как на подбор,
С ними дядька беломор.

Их давно алкоголизм
Подсадил на героизм.

Обитают без прописки,
День начав с 2-го виски.

А один совсем силён –
Пьет тройной одеколон.

ο πλατωνισμος ο πατριωτισμος ο πνευματισμος π³

Коль не веришь – посмотри,
Те ещё богатыри!

* * *

Санкт-Петербург распластан, как алкаш,
В небесно белой, но заблёванной рубашке.
Он давится теплоцентральным кашлем,
Под дряблой капельницей-телебашней,
Кричит атлантам убежавшим в камыши
Срывающейся старомодной бранью,
Пытаясь встать в болотистой Неве,
Но тщетны все предсмертные старанья,
И прошлое в нетрезвой голове
Проносится победной кинолентой,
Но уровень преступности в крови
Растёт неумолимой экспонентой.

Юлия КРАСЬКО

Студентка факультета экономики НИУ-ВШЭ

* * *

Вы знаете, что такое мужчина?
Мужчина – это мой дед.
Он защищал страну не для чина,
Спасая её от бед.

Кирилл КУДРЯШОВ

Весна

Пришла весна. Цветут цветы.
И вот уже влюбилась ты.
А я томлюсь уже три дня...
Ну почему же не в меня?!



Екатерина ЛАВРЕНОВА
Студентка ф-та лингвистики СПб ГУЭФ

Небо

Нависло осуждающе над узким карнизом.
Займи мне очередь на самоубийство.
Взвесьте мне грамм триста эмоций на столык.
Сдачи не надо. Посыпем их солью.
С текилой прокатит. Как кислый лимон.
Потом наступит благородный сон.
И, может быть, мне даже приснится он.
Расколом пополам заплёванную землю.
Под слоем алкоголя или лжи.
Лежит бесфамильная жизнь.

Татьяна ЛАПИНА
Выпускница СПб ГЭТУ Императора Александра III

Вы хотите быть игрушечной

Вы хотите быть игрушечной
Но испорчен ваш завод...
О. Мандельштам

Вам пора бы игрушечной стать,
Отрастить мотыльковые крылья,
Завернуться вуалью из лилий –
И давай по цветочкам порхать!

Вам пора бы игрушечной стать –
Голубые глаза из фарфора.
Поморгала немного – и вскоре
Опустила, закрыла. И спать.

Вам пора бы.... Закройте блокнот,
Ваши встречи, звонки и заботы,
Расписание дней наперёд.
У игрушки не хватит завода...

Осень

Пришедшей осени стандартные приметы –
Кленовый жёлтый лист, хруст льдинок по утрам –
Рефлекс восторга с грустью вперемежку
В нас вызывают. Летний тарарам
Вновь затаился до времён капли
В который раз. Как скучно мы живём:
Полюбовались, вздрогнули, вспотели...
От осени к весне. Поели – попоём.

Круг, череда, повтор, неумолимо верный
Дней на недели мерный пересчёт.
Пусть предсказуемо, неинтересно, скверно,
Но повторись. Ещё, ещё, ещё...

«Как я провёл лето»

Вот и лето пролетело,
Проскакало, просвистело
И песком прошелестело,
И волною протекло.

В сотый день с начала мая
Некто, губы поджимая,
Процедил, часы снимая,
«Ваше лето истекло».

Да. Оно качелью пело,
В небо, ухая, летело,
Кувыркалось, как хотело!
Пролетело – что за дело!
Хорошо – не проползло.

Письмо сыну

Подражание сам знаешь кому

Шлю письмо тебе, мальчик, из северных далей жемчужных.
Как живёт Карфаген, финикийцы, и главное, что подавали на ужин?
Правда ль, звёздное небо в пустыне бездонной всем головы кружит?
Как там Цезарь? Кто б спорил, построить, понятно, трудней, чем разрушить...

В нашем городе только дожди просыпаются рано,
Серым когтем скребутся в окно, пучат лужи шипучим нарзаном.
Толку что посмотреть за окно: лето, осень, весна – всё едино,
Только ёлок зелёным пятном отличаются зимы

От весны и от лета. Да, кстати, о летах. Писать в наши дни о погоде,
Только руку трудить, а тем более, в срок твоего новогодья –
Двадцать восемь прошло сентябррей. Так наполни же чашу
Мирликийским вином, что послаще и градусом будет повыше, чем наши.

И пускай только мыслью приму в вашем шумном застолье участие,
Поднимаю бокал за тебя. Будь же счастлив, мой мальчик. Будь счастлив.

Элина ЛАПП

Выпускница СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

Полигоны забвенья трясёт перекрёстный огонь SMS,
Кто придумал любовь, тот придумал себе целый мир.
На меня, словно вечные истины, сыплются громы с небес,
Для приличия скрытые фразами в стиле ампир.

Чёрный, траурный Крикет зажжён. «Голуаз» – сигареты бродяг.
Что за этим стоит? Ничего, просто тянет курить.
Одна точка над Ё, остальное поставят за нас,
Благо то, что горело, ещё не успело остыть.

Я приду посмотреть, как завалится солнце за ломаный лес,
Как ворона, сошедши с ума, улетит на Луну.
Всё сильнее и тревожней в ночи перекрёстный огонь SMS,
Полигоны забвенья отчаянным маком цветут.

* * *

Никуда. Спокойно. Сладко.
Внутрь – армянские глаза.
Это Вы – моя прабабка?
Жили – столько лет назад?

А на печке кости греет
Молчаливый понятой.
Под кроватью – из Икеи
Коврик в виде запятой.

Растреплись, Косая Чёлка,
Я и так тобой полна,
Замурована под плёнку,
Или выпита до дна?

В модных «шпильках», в коже гладкой,
Не догонишь – далеко!
А кому-то буду бабкой,
Бабкой в стиле арт-деко.

* * *

Помнишь избушку из серого бруса
Посередине карельских болот?
Я там живу. И ночами безвкусные
Зелья варю, как из яблок компот.

Это к чему я... Запал порастратив,
Стала пытаться играть дурака,
Стойкая, как оловянный солдатик,
Злыдня, бирючиха, баба Яга.

Знаешь. Приемлешь. Предчувствуешь кожей
Мой безразличный, бесчувственный взгляд.
Выпрямлюсь вровень – спасайся, кто может.
Если не спрятался – то виноват.

Там

Там троллейбусное кольцо, где я родилась и выросла,
Там все заборы в бетонную клеточку и тёплые,
Там пустыри как пустыни, асфальт и мать-и-мачеха,
Там ты выше любого из светло-серых двухэтажных домов,
Там, как в утробе у матери – тёплая пыль и ветер,
Там всегда над городом тучи и в воздухе пахнет грозой.
Отпустите меня туда, и не кладите в карманы конфет на дорогу.

* * *

А всё-таки жалко, Джонни, что ты не Уокер.
Тебя не возьмёшь в разведку, до дна не выпьешь.
И для того, чтобы всё было гут, просрочены сроки,
Я сорок минут об этом тебе толкую, зачем подымаешь кипеш.

Ты, Джонни, не Уокер, ты слабенький джинн в бутылке,
Тебя разбодяжили тоником, Джонни, и это – низко.
В тебя намешали что-то, потом заболит затылок.
Мне бы двойного виски, Джонни, двойного виски.

Иван ЛЕБЕДЕВ

Студент факультета социологии СПб ГУ

* * *

В плену золотого дождя
Берёзы рассвет провожали –
Они меня в тихую пору
Берёзовой дрёмой встречали.

Они не похожи на старость.
Берёзы всегда молодые.
Они своим золотом землю
В дорогах уже одарили.

В верхушках берёз, пряча Солнце,
Плывут облака на восток.
Они, уносящие лето,
Они – над развилкой дорог.

Там, в детстве, в дорогах песчаных,
Оставив следы у воды,
Стоял человек из Иванов,
Не чая в берёзах беды....





Анна БОНДАРЬ «Медea»

Владимир МЕДВЕДЕВ

Член Экспертного совета Комитета по транспорту ГД ФС России

* * *

Упрёков не надо, обиды забыты,
Сердечною мышцей стучится капель.
Не вешайте трубку – ведь с Вами мы квиты,
Не нужно упрёков – нам нужен апрель...
Нам надо влюбиться... напропалую,
Нам надо забыться, на всё наплевав...
И если устанем, друг другом рискуя,
Простимся до мая, забыв, кто был прав.

* * *

...И на плечо легла рука.
Я оглянулся. Но напрасно.
И лишь тогда мне стало ясно,
Что это знак издалека:
«Я тот, которого не ждали,
Бодрящий даже без вина.
Я тот, кто верностью, как шалью
Укутал Ваши имена.
И, уходя, не расплатился,
Слезой траву не окропил.
Одною вечностью умылся,
И вечно веровать просил.
Я – добрый истины источник,
А может, злой судьбы пророк.
Быть может, в выборе не точен,
А может, выбора итог.
Я – Ваши тайные желанья,
Я – Ваши сны, мечты, мосты...
Я – Ваши скорбь и оправданье,
Я – след упавшей ниц звезды».



Александра МАКАРОВА

Участница семинара Г.С. Гампер

* * *

Летают маленькие мошки,
Не потревожу их напрасно,
Картинка с глянцевої обложки,
Где всё так безупречно ясно.

Блестят зелёные стекляшки,
В полёте птицы замирают,
Когда снижаются над пашней
Парашютистами из рая.

Вот озера натёртый глянec,
В нём рыщут рыбаки и рыбы.
Ветвей витиеватый танец
Под перелистыванье липы.

Осок особая сплочённость
И одуванчиков бесплотность,
Теней очерченная чёткость
Раскроет каждую подробность.

Но день торопится на убыль,
Совсем немного остаётся,
И ночь подбрасывает уголь
Под остывающее солнце.

Коптится горизонт туманом,
Темны отравленные травы,
Окружены как партизаны
Деревья, что одели траур.

И тени двигаясь по кругу,
Тесней сплели свои объятья
Так длинноноги, длинноруки
Сквозь лёгкий шёлк вечерних платьев.



* * *

Луна, обёрнутая небом
И ночь, что обернулась светом,
Зима, что обернулась летом
И я, что обернулась пледом.

Вдруг все мы так преобразились,
Что тут же в стёклах отразились.

Неоном пенились бокалы,
Кружились короли и дамы
И дождь, немного поскандалив,
Ушёл с разбитыми губами.
Лишь ночь шептала: «Будет сухо»
Рассвету в розовое ухо.

* * *

Я сорок лет гадаю – в чём подвох,
Очнусь и снова в обморок стихов,
В котором каждый звук наводит морок,
Как в зеркалах, где отражений шорох
Бросает в дрожь. И оторопь берёт,
Раскрыв пролёт зеркальных коридоров.
А время навязало узелков
И ловит в сеть линей и окуньков
Холодных дней и солнечных деньков,
А нас берёт и отпускает – «Ладно,
Плывите, но не далее буйков,
Не глубже отражённых облаков»,
А кто уплыл, тот не придёт обратно.

Мария МАРАЕВА

*Магистрант программы «Математические методы анализа
экономики НИУ-ВШЭ»*

Вечно

Видишь это море? Слышишь шум прибоя?
В райский уголок попали мы с тобою.
Взгляни на эти звёзды, следи за их движеньем,
Души моей открытой увидишь отраженье,
Луна твою рисует тень,
Но мне она ясна, как день.

ο πλατωνισμός ο πατριωτισμός ο πνευματισμός π³

Юрий МАРТЕМЬЯНОВ

*Магистрант программы «Математические методы анализа
экономики НИУ-ВШЭ»*

* * *

*Ты гляделся в мои глаза.
Часто на небо смотришь ты?*

А. Блок

Звездой с небесной темноты,
Упавшей в вышине,
Печально руки вскинешь ты
Навстречу мне,
На плечи мне.

Такими их засыплет снег.
Мы вместе до утра.
Всё это видел я во сне
Ещё вчера,
Всего вчера.

Я ждал всю эту жизнь тебя
Дыханием степи,
Метаясь, помня и любя...
Мы словно спим,
Мы снова спим!

Зачем тебе внимать тому,
Что остудит сердца?
Ты слышишь эту тишину?
Ей нет конца,
Нам нет конца.

Пока не разлучит нас день
Последнею звездой,
Пока не растворится тень,
Побудь со мной,
Побудь со мной.

* * *

Лилечка!
В. Маяковский

Дайте голодному краюшку вселенной,
В ладони — мелочь созвездий, псы,
Ваши-рыльца-нечеловеческой-лени —
И сердце безнадежно пустых.

Возведите меня платформой железной,
Работы подкиньте не вагон — состав, —
Я всё равно не забуду её прелестный
Голос в несколько лунных октав.

Всю свою спесь променяв на кофе,
Терзая поклонников присутствием детей,
Женщины мучительно выщипывают брови
И бреют ноги своих идей.

Позволь мне к тебе сегодня вывернуться
Из свежестриженной духами толпы,
Врывать, сжечь и развеять страницы,
Смахнуть временем забытую пыль.

Ты вспомнишь прогулки туманным прошлым,
Задетую серым ветром явь.
И пиджак, что на плечи твои наброшен,
Невзначай, пожалуй, себе оставь.

Мне свободней раскинуть руки в объятья,
Захлопнуть ставни твоего окна,
За которым люди — то враги, то братья...
«Не надо», —
опять промолчала она.

Кн. Мария МЕЩЕРСКАЯ

Художник-постановщик музыкального и драматического театра

Ангел на флюгере

Ангел на флюгере тихо смеётся,
Городу тянет хромое крыло;
Ангелу снится, что всё обойдётся;
Липовым цветом двory замело...

Заняло солнце закатную клеточку
В расположении сетки небес
И зацепилось руками за ленточку
Ветра холодных седых занавес.
Ангел на флюгере дышит так мерно,
Вторя движениям капель дождя:
Ангелу снится, что он непременно
Станет таким же, как ты или я...
Ангелу снятся озёра бескрайние,
Лес, пеленой застилающий даль,
Реки и омуты дикие, дальние,
Сосен высоких смолёный янтарь...
Ангел на флюгере тихо смеётся,
Ветру подставив хромое крыло;
Ангелу снится, что всё обойдётся...

Но я люблю!

Лежать кувшинкой на озёрной длани,
Глядеть в небес бездонные глаза...
Где перед нами распахнулись дали
И увели в карельские леса...
А я люблю! До боли в каждом нерве:
До сумасшествия, до холода крови
Озёрные оскаленные шхеры,
И камни и болота и ручьи.
А я люблю! Безумно, безнадежно
Глядеть, как тает в зеркале речном
Закат. Такой малиново-безбрежный,
Замешанный небесным молоком...
А я люблю тебя, пусть ты далёкий,
За горизонта призрачной чертой.
Мой огонёк запретный; странный, лёгкий.
Мой сударь. И безумец, и святой...
Увидишь ли небес моих дыханье,
И отраженье в зеркале реки?
Не знаешь ты. И я того не знаю.
И города, и люди далеки...

Но я люблю! А значит, сердце рядом.
Родной душе неведома печаль...
Я снова провожаю взглядом
Мою озёрную, лесную даль.

Анатолий МИКОВ

Студент ФКТИ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Лимерики

Лимерик №1 (инновационный)

Природу ничем не обманешь:
Был негром – белее не станешь.
Но наша наука,
Войдя в дом без стука,
Сказала: «Попробуйте Ваниш!»

Лимерик №3 (домашний)

Мой ёжик по прозвищу Древний
Добрался до банки с вареньем.
От этого трюка
Любимые брюки
Пригодны лишь только в деревне.

Лимерик №7 (про пьянство)

Мы пьём без суда и без следствия,
Из нас вытекают последствия,
Но вдруг замечаем,
Что обозначаем
Для прочих стихийное бедствие.

Экологическое

Представьте себе на минуту:
В лесу вы бежите, как зверь,
Спешите, пугая енота,
Лису загоняя на ель.

Спешите навстречу свободе,
Летите как будто стрела.
А там на краю кто-то бродит,
Работает бензопила.

Представьте себе хоть на час:
Летите высоко над склоном.
Вы белая чайка сейчас,
Потом вы чернее вороны.

Над миром висит будто сглаз
Огромное облако пыли.

.....
Помилуй ты, Господи, нас
Не ведаем, что натворили.

Екатерина МИТИНА

Студентка факультета экономики СПб ГУ

Детские

Мелкий дождь-проказник
Сыплется в лицо.
Если был бы праздник –
Было б хорошо!

Было бы свободней
И вольней дышать
И не надо в школу
Было бы бежать!

* * *

(После посещения выставки Шагала)

Я хочу (как Шагал свою Бэлу)
Чтоб меня кто-то также любил!
И ещё я бы очень хотела,
Чтоб со мной он над городом плыл.

Чтобы он целовал меня нежно,
Обнимал и на ушко шептал.
Наша встреча с тобой неизбежна,
Где ж ты бродишь, мой милый Шагал?!!

Я надеяться не перестала,
 Хоть его отыскать не сумела.
 Если кто вдруг увидит Шагала –
 Передайте, что ждёт его Бэла!!!

Пусть он мне позвонит на мобильный,
 Иль на «мыло» скинет письмо.
 Если б знал он, как жду его сильно –
 Он уже объявился б давно!

* * *

Мой рассеянный, грустный Ангел,
 Почему же опять ты молчишь?
 Я такая ужасная разве?
 И зачем ты тогда мне звонишь?

Мне давно уже любопытно:
 Кто же ты, и что хочешь сказать?
 Любопытство – страшная пытка.
 Но звони мне, звони мне опять!

Мой таинственный давний знакомец,
 Безо всяких веских причин
 Позвони мне, пожалуйста, снова.
 Мы опять с тобой помолчим.

Новогоднее

С новым годом поздравляю!
 Ото всей души желаю,
 Чтоб шампанского река
 К морю счастья притекла.

Больше новых бриллиантов
 И развития талантов!
 И поменьше водки пить,
 Чтобы праздник пережить!



Евгений МОЧЕНКОВ

*Филолог, журналист, выпускник СПб ГУ, член творческой группы
«Парижские мыши»*

* * *

Обещай, что навсегда
мы останемся детьми.
Обещай, что не забудешь
за оградой светлый мир.
Обещай, что мы придем
в старый парк на карусели,
обещай – остановить
и сломать их не посмеют.
Обещай, ведя по кругу
и считалочкой дразня,
что ты спрячешься нетрудно,
а потом найдешь меня.
Обещай, что план побега
мы запишем на листке
и Британию закроем
на скрипучем чердаке.
Обещай, что доплетешь
одуванчики в венок
и наденешь мне у дома
с пожеланьем сладких снов.
Обещай во время выюг
вспоминать по письмам лето
поцарапанных коленок
и сведенных вместе рук.
Обещай не понарошку –
мы умножим память на два
и при встрече спросим дружно:
– Мы же дети, правда?
– Правда.



Работа Валерии КОКОВКИНОЙ

* * *

Мой мир замкнулся, как в стеклянном шаре,
рука дрожит, храня в ладони вечность.
Господь, не дай мне ошибиться в шаге
и выронить мой шар в осенний вечер.

Ведь превратится чудо возрождения
в стекло, пластмассу и поддельный снег,
ведь в доме там живут ежевечерне
друзья, те, без кого мне жизни нет.

Не надо стульев, не стелите скатерть,
мы просто сядем на полу в кружок,
и кто-то незаметный глазу скажет:
«За всех вас я свечу свою зажжёт».

* * *

Теплеет ветер каждодневно,
а небо серостью больно.
Откуда взяться в скулах гневу,
когда забыться хочешь сном?

Тревоги тающего Завтра
летят на радужный экран.
Печаль искусственным загаром
пристала к лицам северян.

И если так темнеет рано,
то днём страшнее, чем в ночи.
И если вешают тирана,
то значит, слабы палачи.

* * *

Давай учить язык французский!
Не по учебникам – по песням.
Далёкий голос не отпустит,
лаская звуком неизвестным.

И, приручая гласных стаю,
твой рот зовёт в Париж и Ниццу,
гортань старательно картавит,
ладони шея не боится.

И стены на ветру качнулись,
парфюм заполнил старый дом,
и улетели наши стулья,
и заиграл аккордеон.

Той ночью вечной и весёлой,
когда под ливнем плыл бульвар,
из всех неправильных глаголов
мы проспрягали лишь *стоit*.

Иван МУРАВЬЁВ

Слушатель Высшего Военного училища лётчиков

* * *

Раздаются звуки, шипящие,
От замерзших веток берёзы,
Разобьются с карнизов летящие
Ледяные весенние слёзы.
Я иду по глубоким сугробам,
Я устал и хочется спать,
Но продрогший запах природы
Меня тянет внимать и внимать.
Снегири на забытых кормушках,
Потеснившись, царапают лёд,
Мне не холодно в тонкой теплушке,
Мне весною тепло принесёт!

Маргарита НЕЧИПОРУК

Филолог

Русь

Я ещё не была в дали,
А уж тянет назад сюда.
Русь в душе моей всё болит
И горит в ночи, как звезда.

Как её иногда боюсь:
Темноту её, грязь, рвань.
Но и еженощно молюсь:
Встань с колен, моя Русь, встань!

Край поэтов и доходяг,
 Так меня захвативших всю,
 Что в душе поднимаю стяг
 За единственную свою!

Русь! Зовёшь меня, манишь, врёшь.
 Знаю этот обман, но...
 (Иноземец! Ты не поймёшь!)
 Пью обманов твоих вино.

Что ты, Русь моя? – Бред? Пьянь?
 Поступь варвара? Мира грех?
 Но тогда уж не стань, а встань,
 Коль несёшь этот крест за всех.

Людмила НОВИКОВА

*Преподаватель СПб ГЭТУ Императора Александра III, Член Союза
 Писателей России, Член Петербургского Дворянского Собрания*

Белая ночь

Мир прозрачен, словно акварель.
 Ночь скользит, пленительна и зыбка,
 И к Неве склоняется с улыбкой
 Сквозь бордюр незрячих фонарей.

Над водой парящий взлёт мостов,
 Дразнят парки запахом сирени,
 На скамейках чуть заметны тени
 С ветерком играющих листов.

Словно здесь смешались день и ночь, –
 Нежно неба светлого сиянье.
 Май плывёт... Его очарованья
 Даже сон не может превозмочь.

Не уснуть нам в этот поздний час!
 Мы уйдём бродить с тобой из дома.
 Город, с детства близкий и знакомый,
 На прогулку вызывает нас.

Мы идём по набережным вновь, –
Сколько тут гуляющих прохожих!
Как две капли, мы на них похожи,
И роднит нас к Питеру любовь.

Живи, ЛЭТИ!

Бывать здесь – как живой воды глоток!
Здесь тянет от Невы речной прохладой,
И мимо Ботанического сада
Спешит, бурля, студенческий поток.

Тут стройно здания ЛЭТИ стоят;
ЛЭТИ прославил Родину делами,
Своих питомцев яркими трудами,
Блистательных имён продляя ряд.

Здесь, за порогом вековых дверей,
Научной мысли вызревает семя –
И прорастёт, когда настанет время,
Чтоб дать плоды учёности своей.

Не замыкая интересов круг,
Здесь расцветают разные таланты
И россыпью прекрасных бриллиантов
В короне ВУЗа вспыхивают вдруг.

Летят семестры и бегут года, –
И вот уж получение диплома...
Всё стало здесь так близко и знакомо,
Что сохранится в сердце навсегда.

Пусть больше не вернуть учёбы дней,
Но так, как дети в дом родной стремятся,
Выпускникам приятно возвращаться
Сюда, под крышу юности своей!

Живи, ЛЭТИ! К тебе – слова любви!
Душой мы тесно связаны с тобою,
Тебе своей обязаны судьбою,
Гордимся тем, что мы – птенцы твои!

Новогодняя телевышка

Как ёлка, телевышка
Расцвечена в ночи –
И красочно, и пышно
Расходятся лучи.

А славно б на макушку
Звезду ей водрузить
И прицепить игрушки,
И хоровод водить?!

Максим ОГУРЕЦКИЙ

Заочный участник семинара Г.С. Гампер

* * *

Сосны мирно качают иголки,
Воздух чист и прозрачен вокруг,
Слышен зов вдалеке перепёлки,
Муравьи по ботинкам бегут,
Здесь, как в сказке, уютно и тихо,
Только ветер шевелит листву...
Сон опять этот ночью приснился,
Как хочу я в родную тайгу...

Артём ОРЛОВ

Студент отделения прикладной политологии НИУ-ВШЭ

* * *

Любить всех, значит, никого не любить...

Тихо капает дождь за окном
Кап.п – кап.п – кап.п...
Тихо маятник бьёт за стеклом
Тукх – тукх – тукх...
Тихо ветер о грусти поёт
Вухх – вухх – вухх...
Тихо сердце с печалью идёт
Тукх – тукх – тукх...
И четыре времени года
Не дают мне свободы.

Маргарита ОСИПОВА

Участница семинара Г.С. Гампер

* * *

Маме моей

Чего же мы с тобой недоуспели
Недоучились мы с тобой, чему?
Ты чувствуешь, Небесные Качели
Уже уносят к Свету через тьму,
Где многое неведомо, но свято,
Где жизнь Христа диктует стать Живой.
Не бойся быть пред нами виноватой,
Спасителю угоден образ твой.
За все твои благодеянья Богу,
За то, что не щадила лет и сил
Трудяге, деревенской недотроге,
Рабе своей, грехи Господь простил.

* * *

К мёртвым не ревнуют, мёртвых любят
С силой самой преданной любви.
Этот узел памяти разрубит
Только смерть, но Бога призови,
И восстанет целый, невредимый,
Самый искалеченный живым.
Вот и ты сейчас со мной, любимый,
Под гранитным взглядом вековым,
Почему-то очень-очень грустным,
Словно укоряешь белый свет,
И не деться никуда от чувства
Без вины утраты лучших лет.
Двадцать восемь только ты и прожил,
Самый нежный в мире капитан,
Неродившийся твой сын моложе
Только на год.... Как же ты в капкан



Угодил в афганской мясорубке,
 Самый умный в части командир?
 Сколько Вас затихло в душегубке,
 Примеряя цинковый мундир?
 Снова батюшка творит молитву,
 Ладан обнимает колыбель
 Сына, изувеченного в битве,
 Отверзая в поднебесье дверь,
 Где за други стройными рядами
 Молодые мальчики в гробах.
 Вот они – друзья однополчане
 С детками в заботливых руках.

* * *

А берег одуванчиками дышит.
 Замру, как шмель, и пью его бальзам,
 А левым ухом, ближе к сердцу, слышу
 Небесный блюз берёзам и кустам.
 Вот бриза рай, качающий семейство,
 В почти прозрачной стылости воды,
 Как сказочник, в азарте чудодейства
 Волнует эти тихие пруды.
 Простые утки с их красивой ленью
 И четырьмя комочками детей
 Родить способны эти вот мгновенья,
 Пока живу в ладу с душой моей.

* * *

А белки-то распрыгались: у них переполох,
 Как будто не замечу я их хвостик – хохолок.
 Как будто бы набухшие у вербы каташки
 Не растревожат душу мне, пушистые соски.
 Не трону вас и бережно ладошки отведу,
 Немножечко помешкаю, но всё-таки уйду.
 Не думаю, не верю я, чтобы шальной весной
 Себя я не проверила на набуханье вновь.
 Приду к тебе, вся сочная, прищуренной мечтой,
 Нагруженная сотами медовости такой,

Что вымерять ни месяцем, ни годом, ни судьбой.
Ты зачерпнёшь, и нет меня. Вся выпита тобой.

Александр ПАК

Почётный член ЛИТО ЛЭТИ.

Руководитель студии «Заповедник».

Член Союза писателей Ленобласти и СПб

* * *

Нарисовать тебя словами,
ну, скажем, в виде птички певчей,
сидящей, например, на ветке,
или на солнечном луче.
Уверен, никогда не станешь
ты птичкой в золочёной клетке.
Могу вообразить, что станешь
ты птичкой на моём плече.

Нарисовать тебя словами
на фоне облаков плывущих.
Ты в чёрной шляпе декаданса
и с чёрной кошкой на руках,
и поместить между строками
непостоянство постоянства
и всей души твоей пространство,
как волны на семи ветрах.
Нарисовать тебя словами,
светящимися между нами
своими днями и ночами
в неповторимой воровке.
Нарисовать тебя словами,
такими, чтоб звучали сами
стихами о Прекрасной Даме,
и этой Дамой быть тебе.



Геометрические стихи

Есть любовный треугольник.
Пирамида власти есть.
Это знает даже школьник.
Ведь они и там, и здесь.
Есть квадрат. Он весь квадратный.
Прост, почти как дважды два,
Но порою непонятный,
Если – это голова.
В геометрии Эвклида
Есть еще фигура – шар.
Это вам не пирамида.
Шар похож на Божий дар.
Ромб, трапеция, окружность –
В мире множество вещей.
И у всех своя наружность.
Кто же прячется за ней?

Графиня Мария ПАСКЕВИЧ

Выпускница СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

Нет и времени, нету сил,
И не хочется знать о БОльшем.
Ты с утра мне звонил и просил,
Чтоб летела с тобою в Польшу.
Доползти до кровати скорей,
И забыться тяжёлой дремотой.
Мне приснился вчера сельдерей,
А сегодня – вдова Яомото.

Мария ПАХОМОВА

Член Санкт-Петербургского Дворянского Собрания

* * *

...Погибнем мы, но наши дети,
Устав от стадности невежд,
Увидят Родину в расцвете –
Триумфом сбывшихся надежд!

Старая дача

На этой даче – всё как прежде,
Лишь осыпаются цветы...
Зелёный флигель, две скворечни,
И только комнаты – пусты.

О эта брошенная дача!
Здесь жизнь кипела, смех гостей,
И каждый год был обозначен
Весельем, криками детей...

Сюда съезжались генералы,
Потом студенты, а потом
Здесь дева юная играла
С своим медлительным котом.

Здесь жил писатель и актёры,
И дамы чинные вели
То ботанические споры,
То спор о сущности любви.

Но и сюда пришла разруха!
Над ряской стянутой прудом
Здесь доживает век старуха
С неразгибаемым горбом.

О, эта брошенная дача!
Здесь жизни след, здесь дух времен...
Поникла жимолость, и, плача,
Вдали звучит аккордеон.

Но уж туристы молодые,
Первопроходцы юных лет,
Кладут в котомки вещевые
На поезд купленный билет.

Они шныряют вдоль заборов,
Им покоряются леса,
Уже влечёт их бойкий норов
Сия увядшая краса...

Их ждёт успех, их ждёт удача,
 Их ждёт блистательный бросок –
 И эта брошенная дача,
 Где у крыльца. Едва маяча,
 Зелёный теплится росток.

Русская рулетка

Русская рулетка...
 Воля да гульба,
 Барабан, каретка –
 Странная судьба!

Ветры удалые
 Дуют по долам...
 Лишь у нас в России –
 Всё напополам:

Если мысль – так с плетью,
 Праведность – с тюрьмой,
 Если жизнь – со смертью,
 А любовь – с виной.

Чем теснее клетка –
 Тем смелее шаг...
 Крайняя отметка –
 Пули звон в ушах.

Я бы – запретила,
 Но, сходя с ума,
 Вот уж зарядила
 «Пистолет» сама...

Минули столетья...
 Тем и хороша,
 Что вольна, как ветер,
 Русская душа!

Риск мешая с грустью –
 Чем всю жизнь терпеть –
 Может только русский
 Смерть, как песнь, пропеть!



Анастасия ПЕРЛУХИНА

Выпускница Тюменского Государственного университета. Филолог

Из иных глубин

Не из морских, а из иных глубин,
Твоя восходит, словно солнце, песня.
Теперь я знаю, тот тобой любим,
Кто умер, но вот-вот воскреснет.

Его ты ждёшь, его зовёшь в ночи,
Уподобляясь искреннему свету.
И он с тобой. Но он опять молчит.
И на любовь накладывает вето.

А ты ему: «Ну, здравствуй, здравствуй, друг,
Ах, эта осень вновь черна, как грифель.
Но я, совсем не покладая рук,
Слагаюсь в строчку, растворяюсь в рифме.

Не из сукна, из вечности, из сна,
Плету тебе цветное покрывало:
У нас с тобой вчерашняя весна,
А наше лето так и не настало».

Тот разговор не слышит даже Бог.
Лишь для двоих соединяясь в звуке,
Рождается на миг букет из слов
Перед одной немыслимой разлукой.

Обрывок сна на Елагином острове в майскую ночь

Не лишай меня сна, не зови меня в вечное завтра,
Тот закат на Неве, тот восход на Елагином острове
Вдруг окажутся тенью иного бывшего азарта
Как и тот государь в треуголке с краями острыми.

И в аллеях судьбы, на тропинках зелёного вечера
Повстречаются нам персонажи в кринолинах и с веером.
Так сложилось, что фрейлинам рассказать уже нечего, нечего,
Но всему вопреки мы любимся ими и верим им.

Ровно в полночь зажгут во дворце в канделябрах свечение,
 На сеанс спиритический нас пригласит Калиостро.
 Люди в масках раскроют прошедшего века значение,
 Этой ночью на острове всё удивительно просто.

Лишь на утро поймём, как чудесно бывает порою,
 Взяв мечту напрокат, мы уедем в метро в настоящее
 Полонез, менуэт, звуки флейты и звуки гобоя –
 Всё останется нам. Навсегда. Тсс! Слышишь эхо манящее?

Dostoevskiy

Он любил перспективы и перекрёстки,
 И совсем безысходную сиротливость подростка
 Укрывал от дождей, неурядиц, законов
 Тише! Никольская звонница! Стоны
 ночь растворяют в гранитных страницах
 там, где всевечно старуха бранится,
 где жить не годится и жизнь не родится,
 и лишь удавиться и не удивиться....

Из цикла «Памяти А.А. Ахматовой».

А мы сидели тихо в зале,
 Гудел орган, играл рояль.
 Душа и сердце снова звали
 Её, закутанную в шаль.

И боль уже не постоянна,
 И воплощаются мечты.
 Звучит в другом столетье Анна
 И рядом дремлющая ты.

Вернёмся ж, друг мой, через годы
 В столь незабвенные места.
 Почтим вниманием природу,
 Строку и матовость листа.

Зажжём лампаду у надгробья,
 И завещаем на века
 Хранить служителей подобья
 Литературного креста.

Георгий ПЕТРЕНКО

Студент ГФ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Пасха

На кухне пахнет ванилином, –
Кулич был очень-очень сдобным...
И распустилися рябины
Зелёным цветом первым, пробным.

Свет мягко тучи укачают,
Сойдутся всё же в строки слоги...
Я наконец-то начинаю
О Боге размышлять, О Боге...

Хористке

Твой взор, ласкающий лучами,
Твой взор, восторженный и нежный,
Твой взор, исполненный печали,
Твой взор, бездонный и безбрежный;

Когда поём о Боге нашем,
Твой взор в священном цепеньи,
И он же озорством украшен
В весёлом, разудалом пенье;

Твой взор, внимающий и чуткий,
Когда – о радость! – мне внимает,
Он вскоре от удачной шутки
Огнём задорным засияет;

Твой взор в рассерженной обиде,
Обиде детской и правдивой,
Твой взор во всяком роде, виде –
Источник счастья мой: он – диво!



О современном человеке

(ответ постмодернизму)

Человек остался человеком,
Что бы вы там все ни говорили!
Жизнь сгустилась под двадцатым веком,
Двадцать первое недавно мы открыли...

Мы в сетях, паучьих, электронных,
Мы под прессом – абсолютно верно,
Но спасенье-то не в иллюзорных
Чудесах от феи постмодерна.

Только чистый и алмазно твёрдый
Человек пройдёт лихие лета.
Ограничь, помочь не сможет стёртый
Бесхребетный бред апологета

Формализма и постмодернизма!..
Человек всё тот же, просто смертный,
Одиноким, глупым и капризным,
Но внутри красивый, тёплый, светлый, –

И чтоб пламя это не пугало,
Чтобы каждый раздавал уголья,
Я за веру, опустив забрало!..
Бейте, раньте, сыпьте в раны солью!

Да, за веру, в Бога и искусство...
Воспою, как встарь, любовь и верность!
Остальное мелочно и пусто:
Корни зла питает эфемерность.

* * *

Понемногу, дворами, украдкой,
Да с неподнятою головой,
Неокрепшей походкою шаткой,
Петроградскою шла стороной,



Возвращалась с пастельным небом,
С серо-розовой пеленой,
С рыжим отблеском, шагом, бегом
Белым Бимом гналась за мной

Моя вера в себя, в поэта
В свой божественный, дивный дар.
Как давно предвкушал я это!
Как давно я этого ждал!..

Мне опять помогла природа:
Факел-запад зажгла она.
Я был елью для хоровода,
Что водили кругом дома.

Разношёрстный модерн, стекляшки,
Подворотни, деревья, лёд.
На окне заскучал без птички
Чей-то толстый пушистый кот...

«Ты напишешь?» – «Ну что ж... идёт!»

Оксана ПЛЕБАНСКАЯ

Студентка отделения политологии НИУ-ВШЭ

* * *

Всегда есть тот, кому ты нужен,
Кто так в тебя наивно верит,
Кто доверяет смело душу,
Кто ждать готов, любя, у двери...

Кто знает, что любовь не просят,
Кто знает, что любовь не милость,
Чтобы её монеткой бросить,
Чтобы она к ногам скатилась...

Но в час любой, когда невзгоды
В свои тиски сжимают сердце,
Всегда есть тот, кто в непогоду
Тепло отдаст тебе – согреться...

...Всегда есть тот, кому ты нужен,
 Упрямый, гордый, полный боли,
 Твою кто молча примет душу
 В свои горячие ладони...

Антон ПОГРЕБНЯК

Web-программист

Оленьке...

Над холодной рекой, там, где ветер в разные стороны,
 На изгибе миров, на ладонях у сфинксов уснёшь.
 Сколько птиц ни корми, всё равно не получится поровну,
 Сколько водки ни пей, всё равно не закончится дождь.

Я как Невский проспект, ты похожа на площадь Восстания,
 Посмотри мне в глаза, я тебя прокачу на метро.
 Я тебе подарю эти общие воспоминания
 И названия станций, отголоски былых катастроф.

Эскалатор мурлычет и трётся об ноги ступенями.
 Пустота под ногами смыкается над головой.
 Знаешь, там, наверху, штормовое предупреждение,
 Подними капюшон и чем-нибудь горло закрой.

Неизбежный забор, перерыли Садовую улицу,
 Из-под ног вылетают осколки цветных миражей.
 В спину тычешь зонтом, чтобы я, чёрт возьми, не сутулился,
 Мы похожи на диких, неизвестных науке зверей.

За стеклянной рекой, за железобетонными шторами,
 Перекинувшись шутками, что и не сразу поймёшь,
 Обменяемся аськами, пересечёмся на форуме...
 Покажи мне дорогу туда, где кончается дождь.

Грузинская

3. Катамадзе

Однажды в студёную зимнюю пору
 Я из лесу вышел – был сильный жара.
 Гляжу: на обрыве у самого моря
 Почтенный абрек выпивал хванчкара.

Я к ним приближаюсь: – Салют! – Гамарджоба!

Он мне угощает стаканом вина.

Мы пили как братья, за дружба до гроба

Взошёл эдельвейс, наступила весна,

Созрел виноград, мы друзья пригласили,

Вано научил приготовить шашлык,

За музыка-песня мы время забыли,

Я сам не заметил, что стал я старик.

Однажды в студёную зимнюю пору

Сижу я один на вершине гора.

Гляжу: поднимается медленно в гору

Абрек молодой – я открыл хванчкара...

Пейзаж на ощупь

Из таких лоскутов арлекин бы костюм себе сшил.

Евгений Моченков

Деревья качаются в такт завываниям ветра.

Деревья, как пьяная рать, обступили аллею и смотрят на нас.

Коробка вина – это осень открыта на четверть,

И жизнь где-то тоже на четверть, и залпом, до дна

Ты пьёшь остывающий ультрамарин небосвода,

Настоянный на жёлтых листьях и чёрной земле.

Деревья шумят на ветру, вопрошают, откуда мы родом.

Количество осеней снова сравнялось с количеством лет.

О чём ты молчишь, созерцая цвета и контрасты

Пейзажа конца сентября, наши взгляды как карандаши.

Что мы не сказали друг другу, когда-нибудь выйдет нам маслом.

Из этих полотен Ван Гог бы костюм себе сшил.

Коробка вина завершает свой жизненный цикл на скамейке.

Смотри, живописный пейзаж превратился в набросок углём

На серой бумаге. Здесь краски не то, что померкли,

А сгнули начисто. Словно в первичный бульон,

Уходят во тьму очертанья деревьев и статуй.

Мы ищем друг друга, и снова не можем найти.

Ни времени года, ни времени суток, сплошные цитаты,

Откроем на ощупь ещё не придуманный стиль.

Виктор ПОЖИДАЕВ-ПОКЛАД

Художник

Летние каникулы 1966 г.

За сараем – лето
в пухе тополином,
водяные ленты
из-под крана длинные.
Без штанов и маек,
в трусиках, босые;
из воды под краном –
радуги косые.
Мы друг друга угощаем
глиняной картошкой –
не всерьёз конечно,
только, понарошку.
Бабка с хворостиной:
– Ах, вы – басурманы!
Что ж, вы, воду льёте
из моего крана!
Бабка к нам вприпрыжку,
Мы – встаём с опаской –
наутёк!
А кто-то в бабку –
глиняной колбаской!
По дворам и хатам
все, смеясь, рассыпали –
нам-то, что до этого,
ведь у нас – каникулы!
...терриконов горы –
растворились в зное,
пахнет земляникой
в городе Снежное.



Работа Валерии КОКОВКИНОЙ

Анастасия ПОЛЯКОВА

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

Это мой рай.
Я возвращаюсь сюда иногда.
Тут тишина, покой и красота.
Вокруг вода.
Её течение умиротворяет.
Смотрю – тут так всегда.
Это, наверное, мой рай.
Мне тут спокойно и безопасно.

* * *

Подруга – ты понимаешь меня.
Подруга – моё второе Я.
Подруга – надёжная опора
И чаще – сильнее любого мужчины.

Мария ПОПОВА

Выпускница ГУЭФ

* * *

Уйти в свой мир, где музыка метро
Вплетается в гармонию туманных
Раздумий ни о чём, где пара строк
Замена паре слов, простых, желанных?
Увольте, хватит! Больше не боюсь,
Беру свое от всех миров и судеб
И отдаю себя. Не оглянусь
На запирающие в снах стальные прутья.
И лишь когда совсем немоготу
И рвёт с лица улыбку встречный ветер,
Я заворачиваюсь в пустоту
И снова вижу сны в неясном свете.

* * *

Пройдусь с протянутой рукой –
 Подайте, люди, солнца лучик!
 Мне не достать его. Какой
 Подарок для бродяжки лучше?

Его я спрячу на груди,
 Рукой от холода прикрою.
 Пстой, прохожий, погоди!
 Ну, поделись теплом со мною!

Ах, нет, прости, не поняла
 Сначала, что ты тоже нищий.
 В глазах – ни искорки тепла,
 И (страшно!) взгляд его не ищет.

А может, вместе? Ты да я,
 Да две руки сиротской чашей,
 Чужие, дальние края.
 Но... что за свет над парой нашей?

* * *

Россыпью бисера, ртутными каплями,
 Рифмами, мыслями, нотами как бы мне
 Не соскользнуть в Бесконечное Малое;
 Взглядом нырнув в отраженье усталое.

Мир набегает какими-то пятнами.
 Всё по отдельности вроде понятно, но
 Вечер мешает все краски и линии,
 Выставив смыслы хвостами павлиньими.

Бисер на ниточку, ноты в линеечку.
 Но осторожнее – ночи длиннее, чем
 Кажется тем, кто укрылся под пледами.
 Хватит, чтоб ночью шепнуть о неведомом.



Нина ПОСТНИКОВА

*Руководитель студии «Заповедник», Член Союза писателей
Ленобласти и СПб*

* * *

Чёрный квадрат – окно или зеркало,
Отсвет керамики дугами слёз.
Ну а фонарь, собою пожертвовав,
Катится фарами между колёс.
Сыплется сверху седое и мокрое,
Спрятаться хочется в чёрных очках.
Что-то за лесом свистело и цокало
И отражалось в лесных этажах.

* * *

Заходи, заходи.
Очертание человека стоит в дверях,
Это мой призрак, или это мой страх?
Нет, это душа, которая ещё не обжилась на небесах,
Нет, это моя душа, которая во сне вышла подышать.
Заходи, заходи.

Я сплю или не сплю?
А за окном мороз,
Нет, за окном дождь,
Нет, это берёза стучит в окно:
Откройте, здесь так темно.
Заходи, заходи.

А в небе месяц жёлт,
Шепчет: «Я тебя нашёл,
Здесь тучи мешают мне спать».
И просится в дом переночевать.
Заходи, заходи.



Елизавета ПОТАПОВА

Студентка отделения политологии НИУ-ВШЭ

Хлебобулочные мотивы

Перетеку я в тесто.
Перепекусь я в булку.
Корочка – оболочка,
А в сердце мякиш и гулко.

Меня буханка сырая
Однозначно не допечётся.
Так пусть в черствеющий хлеб
Вбатониться мне улыбнётся.

В его надкушенный бок,
Его плесени вкус манящей...
Чтоб на душе было хлебно,
Так крошечно и хрустяще.

* * *

Мы знаем своих рыб,
Катаемся на шее у морских коньков.
Так хочется засунуть палец
В прожилки батарей
И уколоть язык засохшей кисточкой.
Мы любим сливки и луну,
И любим спать с собаками
Под одеялом и щенками под подушкой.
Так страшно всё разрушить,
Иголкой дырочку проковырять в гнезде.
Мы убиваем всё живое
И отрезаем вянущие листья.

Тени

Сквозь сладость прохлады весенней
Сквозь первый рой комаров,
Привиденьями лезут образы
Из-под старых затёртых ковров.

Шипами царапают стенки,
Надежды пускают ко дну,
Ищут на свалках совесть,
Шевелят палкой вину.

Сквозь клетки запряженных комплексов
В подвалах зевающей лени
Нервно, прокурено кашляют
Чёрные, сонные тени.

В их душных мёртвых слезах
До ниток глубинных промокла.
Пожалуйста, убирайтесь,
Мне хочется комкать стёкла.

Станислав ПОЧЕБУТ

*Преподаватель кафедры философии СПб ГЭТУ Императора
Александра III*

Возмездие

Святые писания огню преданы,
Иконы со стен монолитных сорваны,
Что вы творите самим неведомо,
Попрана вера да храмы взорваны...
Трусы продажные, ада пасынки,
Кичитесь властью да от бессилия,
Могилами землю усеяв частыми,
Сеете грех везде в изобилии.
Но каждый ответит за все деяния,
Небо готовит своё возмездие,
Но нет даже капли в вас покаяния,
Звери и падаль, оплот бесчестия...

Воскресенье

Забытый дома, словно кошелек без денег,
Спасаясь кофеем, сигарами и книгой,
Я праздно провожу Святое Воскресенье,
Следя по ящику за чемпионской лигой.

То не предел мечтаний, а скорее способ
 Немного погрустить, затем чуток поспать,
 И разобрать на кресле гору шмоток,
 Да по шкафам их постараться распахать...
 Довольна кошка – ест с утра без пауз,
 Диваны рвёт – а я ей не хочу мешать,
 Хотя недавно из-за этого был казус –
 Она решила весь арахис облизать.

Но то, конечно, мелочь – всё бывает,
 Сижу, гипнотизируя глазами телефон –
 Но тот молчит, никто меня не вспоминает,
 Со стороны, возможно, глуп я и смешон,
 Но всё же верю я и знаю, что найдутся люди,
 Способные меня понять, возможно, дать ответ –
 Откуда пустота внутри, и сколько она будет
 Мешать мне жить... ведь мне не 20 лет...

Весна

Свет горит, на столе стакан,
 Ночь темна, за окном метель,
 Мир, который был всем нам дан
 Потеряли... пришёл апрель,
 Подарив нам весенний дождь
 Да тоску суетливых дней,
 Ты уже никогда не придёшь,
 Да и я не открою дверь...
 Два часа ещё есть для сна,
 Да глаза не сомкнуть от дум,
 Беспольных лет пелена
 Заполняет нетрезвый ум...
 Это грусть или просто боль –



Александра СУВОРОВА
 «Развесёлое растение»

Мне никак того не понять,
Я хотел бы кричать: «постой»,
Да мне некого удержать...
А с экранов одно «ура» —
Воспевают стихийность масс,
Я не верю давно словам,
Верю только лишь в здесь, в сейчас...
Ночь темна, за окном метель,
Где-то там ты грустишь одна...
А по крышам стучит капель,
Это значит пришла весна...

Маргарита РОМАНОВСКАЯ

Студентка СЗГМУ им. И.И. Мечникова

Чёрные одуванчики

Чёрные одуванчики, стрелчатые листья. Осень в новом кафтанчике, небо вертится быстро, тлеет полынная горечь, землю засыпав пеплом, и приближается полночь, и прибивается ветром завесь тумана плотнее — рваную кисеёю — только луна чуть белеет, скалится бледной змеёю в прорези сквозь облака. Время замедлило ход, тащит котов из мешка: кто эту ночь проживёт, кто не дотянет до лета, кто до конца сентября, меньше становится света в листиках календаря, что с непривычною тишьёю всё облетают под ноги и, улыбаясь неслышно, душу наполняют тревогой.

Пусть говорю что попало, пусть отрекаюсь с улыбкой, хочется, чтобы сначала, чтобы не стала ошибкой, чтоб не словам доверяли, мысли почувствовав эти, чтоб наконец доказали, что существую на свете...

Костяниковое

Когда тебя будет тошнить твоим собственным криком,
Когда ты ломаешь и честность, и гордость, и совесть,
Ты снова увидишь себя не такой, как привыкла,
Не сможешь цепляться за тихую радость покоя,

И маятник твой полетит, разгоняясь, обратно,
Нельзя уже будет надеяться, верить и помнить,
Проступят опять на руках неотмытые пятна,
И сок костяники окажется высохшей кровью,

Пусть сбудется всё, от чего ты так долго бежала,
 До дна опустев, постепенно нальёшься словами,
 Вина возвратится, а с ней неразлучна забава
 Бросаться с разбегу в весёлое жёлтое пламя.

Апрель вопреки

А когда настанет апрель вопреки,
 улыбнусь и скажу ему: здравствуй, здравствуй...
 А в домах напротив горят огоньки
 и с рассветом тихо и нежно гаснут.

Хорошо, что утро бывает со мной
 и оранжевый луч на обоях мельком.
 Каждый раз чуть-чуть становлюсь другой,
 кисло-сладкой тоненькой карамелькой,

Да безумное солнце стучит в окно,
 а рябина скоро прорежет листья.
 Отчего-то всё уже решено,
 голова свободна от лишних мыслей,

И не нужно мир на руках нести,
 никаких вопросов, никаких ответов.
 Снова семь и снова без десяти,
 так спасибо, Господи, и за это

Михаил СЕМЕРЕНКО

Участник семинара Г.С. Гампер

Эдем

К Р.

Вот места, где с тобой целый месяц я был счастливым.
 Помнишь ли ты этот старый фруктовый сад,
 где мы с тобой воровали яблоки, сливы?
 Теперь у тебя совершенно другие и рай, и ад.

Совершенно другие и законные поцелуи,
 не те, что нам алиби были, когда мы пробрались в глухое село,
 которое охраняли пчелиные улы, –
 и всё ж мы стащили оттуда запретных плодов полкило.

А после – мы их распихивали по карманам
и садились на мой одноместный велосипед,
спасаясь от этих тычиночных наркоманов –
казалось, единственной из преследующих нас бед.

В этих местах, если не будешь заживо съеден,
можно собрать неплохой урожай, если ты удачливый вор.
Ты же знаешь – малина всегда вкусней у соседей,
у которых давно на костры порастаскан забор.

А тот старый сад по-прежнему ждёт свиданья.
Он наивный, как я, он скучает без нас с тобой,
и не знает, что где-то в соцветии мироздания
случился какой-то непоправимый сбой.

Ты теперь далеко – на расстоянии Ростелекома,
и уже неудобно мне называть нас на «мы»,
и не сыщешь теперь среди твоих законопослушных знакомых
таких славных, как я, хотя – от тюрьмы, да и от сумы...

Но ближе к тебе – твой будущий муж трудоголик.
И – как сказал бы какой-нибудь геометр:
не равносторонен любовный наш треугольник, –
о чём весьма схоластично писал наш метр.

Помнишь ли ты то вычурное стихотворенье,
что я читал тебе по телефону, зная его наизусть.
А я помню – твои поцелуи, что слаще яблочного варенья
таяли на словах неизученных уст.

Ты мое приключение прошлого лета, прошлого года.
Ты узнала, что я вполне благородный вор.
Вот и главный судья этих мест – сырая погода –
зачитывает мне свой пасмурный приговор.

Но хранят молчание соучастные нивы, колосья,
как молчит земля, словно в ней закопан разбойничий клад.
Вот здесь – мы делали ноги, точнее – колёса, –
но мы – не Адам и Ева, и уж точно – не Бонни и Клайд, –
в своей жизни мы на двоих раздавили – ну – сотню улиток,
да облазили несколько соток зажиточных дач,
где и оставили нашу любовь, как большую улику,
словно вырванное ребро всех моих удач.

Так простите же нас, товарищи садоводы,
своих огородов радетьельные рабы,
нас, приговорённых на пожизненную свободу
за попытку сбежать за пределы своей судьбы.

Дмитрий СЕРГЕЕВ

Магистрант НИУ-ВШЭ. Участник театрального объединения

«Марионетка»

Сверкает шпага в тишине,
Мой монолог страшит души,
Глаза прикованы ко мне,
Ко мне повёрнуты все уши.

А за кулисами я тряпка,
Актёр, опущенный в сундук,
Марионетка, что в припадках
От кукловода ловких рук
Умеет плакать, говорить,
И даже, кажется, любить...

Николай СЕРГЕЕВ

Выпускник филологического факультета СПб ГУ

* * *

Т.К.

Издохла опера, поэзии кранты –
Все пьются в TV иль виснут в Нете.
Так для чего живём и я, и ты
На этом свете?

Но мы живём, смеёмся и грустим,
Вопросов каверзных не задавая,
И к дому как в бессмертие летим
В одном трамвае.

И хочется прочесть иль, скажем, спеть
Для пассажиров что-нибудь... крутое,
Но стоит ли менять свой дар на медь?
Не стоит...

* * *

Я в Праге не читал стихов над Влтавой,
И песен на Сан-Марко не орал,
Чтоб монастырь ошеломить своим уставом,
Я день за днём пишу его пара-

Графы: один параграф – Питер,
Рой коммерсантов среди столетних древ,
Не говорящих даже «извините»,
Когда один неправ, другой – не лев,

Другой параграф – трудовой Саратов,
Где трубы иль горят, или текут,
А третий – городок, где я когда-то
Тоскою детской наполнял строку...

Параграфы выходят – загляденье,
Но монастырь всё дальше, всё бледней...
Знакомым вру я, что нужны, мол, деньги,
И верю в это с каждым днём сильней.

* * *

Путеводная звезда висит на ёлке.
Мы вокруг прилежно водим хоровод.
Ночь пройдёт – и человек проснётся волком,
Год пройдёт – и вновь наступит Новый год,

Жизнь пройдёт – и мы предсмертное провоем
(По привычке, морды в небо, на звезду):
Я доволен! Я доволен! Я доволен!
И чуть слышное: иду, иду, иду...

* * *

*Зачем мне пить? – в извивах вен
Звезда абсент, звезда Верлен...*

А. Зиневич

Звезда абсент над нами не горит,
И рифмы оттого у нас построже,
И в подворотне сумрачный пиит
Не будет получать за них по роже,

Он может получить за... просто так:
 За то, что водка кончилась, к примеру,
 А он, подлец, последний свой пятак
 Не хочет тратить, бормоча про меру...

Валяясь на снегу, избит и пьян,
 Он в небе звёзд зелёных видит россыпь.
 И строчки льются из душевных ран,
 Как будто кровь, и стынут на морозе.

* * *

Стихов о зонтиках немного.
 Вот о дождях – не сосчитать...
 И я с дождём шагаю в ногу,
 Шикарный зонт забыл достать:

Закроет он меня от неба,
 Которым я сейчас дышу,
 Но, чтобы он в обиде не был,
 О нём стихи я напишу.

Наталья СИВОХИНА

Участница поэтического семинара Г.С. Гампер

* * *

Потому что однажды захочешь совсем онеметь.
 Пролетит паутинка, былинка, осенняя медь.
 Что мне лето – черника в корзине и блик на руке –
 Всё токует на этом прозрачном своём языке?

Если, знаешь, живу я, как будто совсем не живу,
 Уронив свои лучшие сны, точно ножик в траву,
 Как в дурмане лесном, на каком на таком берегу
 Говорить, говорить, говорить, говорить не могу...

В электричке трясясь, за перроном считая перрон
 Где попутчица едет и едет с чужих похорон
 И джин-тонику банку всё не выпускает из рук,
 Жизнь расскажет, и чуть не проедет, и выскочит вдруг.

Только мимо проносят клеёнки и ленты для мух,
И зачем только дура-душа обращается в слух...
От вещей, мелочей, как от звуков, болит голова
И решения нет. Остаются пустые слова.

* * *

Оставь такой, какой всегда была –
Девчонкой глупой, ласточкой, тоской,
И пусть их всё честнее зеркала,
И над собой стоишь, как над рекой.
Не потому ли дурочка-судьба,
Как ни крути, устала ворожить,
И с каждым годом всё смешнее жить,
Шутить, молчать, выгуливать собак,
Здороваться с детьми своих подруг
И, не поверишь, всех жалеть вокруг...

* * *

Наконец, как и все, устать от любых идей,
Улететь, уехать, уйти на своих двоих,
Но на слух, отупевший, как рыбка в большой воде,
Упадёт и другой, вероятно, акцентный, стих.

За изломом реки одуванчиковый тот край,
Где лучи уходящие тонут в густой траве.
Ну а здесь только пыльный свет да вороний грай,
Тополиная строчка, ненайденный мой ответ.

Вот бы только очнуться, поймать золотую нить...
(Телефон отключить в кармане, сбежать к реке,
Там, где утка и селезень будут всё плыть и плыть
И раскрошится солнце, как булочка в кулаке).



Василиса СОКОЛОВА

Заочная участница семинара Г.С. Гампер

* * *

Несётся поезд, и стучат колёса.
И рвётся сердце. Рельсами. Разлука.
Но я держусь. Отважно, сильно, жёстко.
И дерзко, верно. Всё же это мука –

Так расставаться навсегда, на вечность,
Бежать и чувствовать фатальную ошибку.
А время! Время так бесчеловечно.
Нырнуть в него, как золотая рыбка.

И бабка рекламирует колготки.
И мне судьбы неведомы уловки.
И за окном высоковольтки, шестисотки.
А поезд подъезжает к остановке.



Работа Василисы СОКОЛОВОЙ



Ксения ПОГОРЕЛЬСКАЯ «Подснежники в Якутии»

Καлерия СОКОЛОВА

Участник семинара Г.С. Гампер

* * *

Февраль, а как повеяло весной,
Достать чернил и улыбаться небу.
Аларчин мост любит себя
В оттаянный надтреснутый поребрик,
И в стёкла проезжающих машин,
В забрызганные окна магазинов,
В темнеющие швы грядущих льдин
И в мимолетность снежных пелеринок.

* * *

Краснела северная роза
На перекрёстке трех дорог.
Настала осень – и колёса
Сломили нежный стебелёк,
Что летом гнулся, не осмелясь
Расправить венчик на весу...
И только старенький троллейбус
Вздохнул в двенадцатом часу.

* * *

Ты был опять моим дыханьем,
 Моей гвоздикой и волной,
 Моим распахнутым роялем,
 Ромашек спутанной копной,
 Моей кубышкой в летней речке,
 Моей заснеженной сосной,
 Колечком глиняным из печки,
 И звонким слепнем в тихий зной,
 Сиренью белой и лиловой,
 Косматой гривой вороной,
 Счастливой русскою подковой,
 И Богом, и собой, и мной.

* * *

Ох уж эта цыганская кровь –
 Вzbеленился в ней бес бездорожья!
 Сколько праведность ни славословь,
 Сладострастье свободы – дороже.

В степь – как в бездну. Без цели. Без звёзд.
 В жизнь – как в ночь. Бесшабашно и бойко.
 Средь костров, и копыт, и колёс
 Отыщи меня в таборе, Лойко.

Только больше не больно от слов
 Колких. Ласковым взглядам не рада –
 Как усталость, любовь поборов,
 Дышит ровно строптивая Радда.

И не сладостен наигрыш твой,
 И твоё равнодушие не ранит.
 Не страшай. Не страдай. Ни строфой
 Не стремись удержать, ни дарами.

Не остудят, не остепенят
 Норов мой ни мольбы, ни расплата.
 Нет, никто из нас не виноват –
 Кровь прабабки кругом виновата.

* * *

Ради этого трактора страдного, смрадного кузова,
Ради жизни кукушки – ни слёз, ни гнезда, ни кола, –
Я тебя с твоей зауемью хмурой на выжжено-русого
Паренька променяю – на лето: была не была!

Мне близка его грубая радость, развратная жилистость,
Загорелость локтей, разлохмаченность жёстких чупров.
Даже если мы с ним никогда в один воз не ложились, то
Это не платоничность, – не знает он выпренных слов.

И не ведает, что вытворяет, потворствуя Дьяволу –
Вороному, с отметиной рыжей что БУбновый туз.
Подожди, я допью эту юность, я в лете доплаваю,
До-летаю, до-бегаю, до-увлекусь, до-резвлюсь.

А потом всё равно заскучаю по антиутопиям,
Буду думать о людях, Талмуде, Шекспире, Дидро,
Буду жаждать вкусить твоих губ упоительный опиум,
Буду глупость бояться сморозить в январском метро.

И в глухую интеллектуальную зиму я так и не
Уясню, чем пленил меня пахарь, и как довелось
Мне страдать по нему, даже бегать тайком буераками.
Мимолётности летние канули в Лету.
Авось...

Наталья СОСНИНА
Филиал ЛИТО ЛЭТИ в Де-Кастри

* * *

Разрыдалось небо, как девчонка,
Что себя считает некрасивой.
Капли бьют по стёклам дробью звонко,
Вниз ручьём стекают торопливо.

А в листве берёзок тонконогих
Шкода-ветер путаницу сделал,
Грязной жижей залило дороги,
Колея разбита до предела.

Всё живое от дождя укрылось,
 Птицы не поют, людей не видно,
 Настроенье вдребезги разбилось.
 До чего же, Господи, обидно!..

* * *

Молнии мстительной острый кинжал
 Небо безжалостно резал на части.
 Ветер то выл, то стонал, то визжал,
 Правило балом лихое ненастье.
 Мрачные тучи вели хоровод,
 Грязною ватою низко свисая,
 Злыми слезами рыдал небосвод,
 Грешную землю дождём заливая.
 Где же ты, солнышко, где ты, проснись!
 Коль провинились, прости и послушай:
 К людям лицом из-за туч повернись,
 Щедрым теплом обогрей наши души.

Осень

Погрузился лес в объятья снов,
 Распроставшись с пышною листвою.
 Облетели лепестки цветов
 И смешались с жёлтою травой.
 Осень-капризуля то хандрит,
 Ливнем поливая белый свет,
 То внезапно солнцем удивит,
 Лету теплему пошлёт привет.
 Леди Осень, подружись со мною.
 В гости заходи, поговори.
 Душу я свою тебе открою,
 Ты лишь мне участие подари.
 Мы с тобой похожи, Леди Осень,
 То в веселье кружимся, смеясь,
 То с тоской глядим на неба просинь,
 На себя и всё живое злясь.

ο πλατωνισμος ο πατριωτισμος ο πνευματισμος π³

Заходи в мой дом, я буду рада,
Сядем рядом за большим столом.
Плакать мы не будем, нет, не надо,
Лишь немного выпьем и споём.

Вера СТЕПАНОВА

Участник семинара Г.С. Гампер

* * *

Годы – любимое старое платье –
падают с плеч.
Молодость
в память куда-то закатится,
и не сберечь
пыл бесшабашный и сердце отважное.
Стану любить
день ото дня что-то самое важное.
Вот бы побыть
снова на море, когда оно ластится,
влажно припав.
Ветер обрушится, вдруг занежится
плясками трав,
шорохом в гуще прибрежных шиповников,
шумом волны.
Нет. Нам не встретиться. Нету виновников.
Нету вины.

* * *

Какое лето пировало
в шатрах полуденных аллей,
тонуло в хрустале бокала,
пьянило, делало смелей
и близило развязки час.
Беспечности кудрявый гений
толкал в безумие томлений
агатовым сияньем глаз

на зыбком, странном рубеже
 необязательных событий.
 Взахлёб, вразброд, на вираже,
 в пылу ошибок и открытий
 дышала сладко резеда.
 Июль сиял в противоречьях.
 Грозы и зноя чехарда
 смеялась, путая наречья...

* * *

В чечётке лета – пляжный кавардак.
 До одури лежи, сгорай, купайся,
 бездельничай, в любви к себе признайся
 и радуйся бездумно. На чердак
 закинь мороку правил этикета,
 забот всесветных, нудное «нельзя».
 За пазуху припрячь охапку лета –
 по лучику зимой раздашь друзьям.
 Припомнишь обещанья тишины,
 укромные свиданья до рассвета,
 глазастую улыбчивость луны,
 на ожиданья робкие ответы...

Музыка живописи

На холсте полёт и трепет,
 и – без устали – сиянье,
 сердца рокот, нежный лепет –
 тайна.
 Духа дивное пиано
 и пронзительность пространства
 дышат глубоко и прямо –
 стансы.
 Пекло. Солнце знойно-немо.
 Строг батик и чисто-светел.
 С перехлёстом звонкой темы –
 ветер.
 И хозяйка вернисажа –
 стройно-дикая виола,
 пианиссимо пассажа,
 соло.

Светлана СТРУК

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Лето

Полон песнею лес просвеченный,
Ярким солнышком, сладкой ягодой.
Ходят девушки в сарафанчиках,
Собирают малину спелую.

Лето тёплое, солнце яркое,
Речка быстрая и холодная.
Много девушек, всё с лукошками.
Много ягоды, всё набрали здесь.

А в лесу слышна песня звонкая,
Песня звонкая – соловьиная!
Всё сидят у реки песню слушают
И не могут всё да наслушаться!

Смотрят всё на поля, на полюшки.
И на них и цветы, и роженька!
Колосок к колоску, кустик к кустику!
Всё цветёт, и цветёт, и глаз радует!

И стоит у речки вся белая
Белоствольная и вся в ленточках.
Это девушки навязали их,
Хороводы все проходили тут.

И посмотришь ты со сторонушки
На картину всю ту прекрасную,
И поймёшь ты, друг, друг прекрасный мой
Это летушко, лето красное.



Александр ТАНКОВ

*Выпускник СПб ГЭТУ Императора Александра III, Председатель
секции поэзии Санкт-Петербургского Союза писателей, Почётный
староста ЛИТО ЛЭТИ*

* * *

До чего этот воздух прокуренный рыж,
Этот свет неразборчив и лжив!
Ноздреватые глыбы срываются с крыш...
До чего я пока ещё жив!
До чего мне пока ещё больно смотреть,
Даже если не видно ни зги!
До чего мне пока ещё жаль умереть,
Не отдав этой жизни долги!
До чего ещё можно всё то, что нельзя,
До чего ещё жадно и зло
Оступаясь, оглядываясь, скользя
Понимать, до чего повезло!

* * *

Может, где-нибудь под Кандагаром
Так же ночь душиста и темна,
И гордится смоляным загаром
Смуглая восточная луна.
Собственно, и важно только это:
Ночь и исчезающие в ней
Острые, скупые искры света —
Светляков ли, бортовых огней...

* * *

Залитый холодным ртутным светом
Хрупкий снег и чёрен, и лилов.
Я хотел бы написать об этом
Только разумеется без слов.
Потому что слово так нечестно —
Если можешь, лучше промолчи.
Потому что сердцу слишком тесно
В залитой сиянием ночи.

Потому что то, что было словом,
То, что зрело, в пустоте паря –
Стало снегом чёрным и лиловым,
Резким ртутным светом фонаря.

* * *

Ах, наверное, нас научил Фома
Грозовому неверью ночной реки.
Как на ощупь можно сойти с ума,
Темноту, как птицу, кормя с руки.
Я уже не тот, за кого меня
Принимают камни, трава, кусты
У ночной грозы попросив огня,
В темноту, как в рану, вложив персты.
И покуда время журчит в ночи
И деревья учат язык дождя,
Об одном и том же навзрыд молчи,
В темноту, как в воду по грудь войдя.

* * *

До свиданья, моя золотая.
В тихой дымке осеннего дня,
Как последний листок, улетаю,
На прощанье оклики меня.
Чтобы сердце моё онемело,
Чтоб забилося навзрыд, как пришлось,
Чтоб оно горячо, неумело,
Как впервые, от счастья зашлось.
Чтобы жарче ещё, чем впервые,
И страшнее, чем в самом конце –
Мы живые ещё, мы живые
Прочитать у тебя на лице.



Александра СУВОРОВА «Большой мир»

* * *

Вечер, растворимый без осадка,
 Сонный, бесконечный разговор.
 Времени усушка и усадка
 Неба, заглянувшего во двор.
 Так темно, непоправимо, сладко,
 Пересадка, складка, повар, вор...

Кто это сказал – неповторимо
 Всё, что между пальцев утекло?
 Вот оно – без имени, без грима,
 Жадно, горячо, нерастворимо
 Ломится, как бабочка в стекло.

* * *

На гремучей бронзовой латыни,
 На колючем выцветшем фарси
 Ты у наступающей пустыни
 За меня прощенья попроси.

Раздирая яркую обёртку,
 В новостях вечерних помяни
 Лошадей чугунную четвёрку,
 Озерки, Гражданку, Сен-Дени,

Пригороды, взятые в осаду
 Горечью твоих коротких встреч,
 Трещиной, бегущей по фасаду,
 Разрывает варварская речь.

Не кичливым говором армейским,
 Не скрипящим на зубах песком –
 Ассирийским, коптским, арамейским,
 Мёртвым и воскресшим языком!



Святослав ТЕРНОВ

Выпускник ТЭИ. Член Союза Писателей России

* * *

Ты исчезла в слове «никогда»,
В трёх слогах, в трёх ипостасях грусти.
Не кивнёт забвенье, не отпустит,
Не вернёт до Страшного суда.

Только я ведь правды не ищу,
Мне нужна последняя надежда:
Не на то, что встретимся, как прежде,
А на то, что, встретившись, прощу...

* * *

С кем-нибудь смазливый, ясноглазым
Загулять бы опытной весне.
Шлёпая по тающим топазам,
Умилиться сочной новизне...

Голосом примеривает ветер
Отблески зари на облаках.
Эх, весне забыть бы всё на свете...
Да с зимой осталась на руках –

С дряхлою, болезненной старухой,
От которой страшно отойти...
Кончится, и небо станет пухом.
Мальчик, ясноглазый, погрусти!

По дороге в зоосад

Пред лицом чужих разлук
Стыдно радоваться жизни.
Или всех я здесь капризней?
Счастье валится из рук,

Как замечу волчий взгляд
Повзрослевшего ребёнка
Или детский взгляд волчонка
По дороге в зоосад.

* * *

Пьют из солнечного блюдца
 Золотое молоко
 И опять играть несутся
 Тюленята облаков.

По земле змеятся тени
 И сплетаются в клубок,
 Если взрослому тюленю
 Тюленята ткнулись в бок.

Он их шлёпает не больно
 В назидание хвостом.
 И разносится невольно
 Над землёю первый гром.

Брызгам зонтики навстречу
 Пospешили расцвести –
 Так хлопушки снизу мечут
 Вверх икринки конфетти.

Даниил ТИНЯКОВ

Студент отделения политологии НИУ-ВШЭ

Королевская кобра

Галстучным узлом блеснув на дне факирской вазы,
 Извиваясь, как петля на эшафоте,
 Широко раскрыв два жёлтых страза,
 Чуть сомкнутых мутной поволокой,
 Распустив свой капюшон монашьей робой,
 Из убежища стремглав взметнулась кобра.

Приготовилась ощерить зубы ядом,
 Издавая языком щемающий свист,
 Но застыла, когда перед её взглядом
 Вместо йога грянул Ванька-гармонист!

И забыв свою монашью гордость,
 Королева змей – гроза людей,
 За кушак хвостом заткнувши робость,
 В пляс пошла, свистя, как коростель.

ο πλατωνισμος ο πατριωτισμος ο πνευματισμος π³

И не нужно никакой индусской дудки,
Раскалённых докрасна углей
Для того чтоб от хорошей русской шутки
Стало сердцу, как от спирту, веселей!

Наталья ТИХОВА

Студентка Экономического факультета СПб ГУ

* * *

Санкт-Петербург укрылся белым снегом,
Не слышен на Неве весёлый смех,
Россия всё жила двадцатым веком,
Но отошла от варварских утех.
Застыл в молчанье город строгий,
Блиставший красотой с давнишних пор.
Он выстоял – предел мечтаний многих,
Он пережил царей, цариц, февральский вздор.



Работа Марии СЕЛЕДЧИК

Виталий ТРОШКОВ
Студент НИУ-ВШЭ

* * *

Вечер покойной молитвы
 Поглотил и ярость и гнев.
 Я иду по лезвию бритвы,
 Глаза и руки воздев.

Ольга ТУРКИНА

*Окончила СПб Художественное Училище им. Н. К. Рериха,
 редактор журнала «Вокзал»*

* * *

Хирургу Л.Р., или просто Ангелу

Прости, что здесь на ты – словно с иконой
 На Ты. Оторванный и жухлый лист – искомый
 Мой взгляд – в тот день в ту тень был принят в храм
 Твоего взгляда. И из глубины всех ран
 Я мёртвой хваткой – Тебя ради – доставала
 лучшее.
 Получится ли, не получится ли. Всё. ... Луч, ... шея... –
 Я узнаю Тебя! Бесформенной улыбкой
 Пытаясь целовать камейный лик. Твой.
 Ты обняла. Пальцы пустили корни... стон палаты
 Туго завинченный в мрак – раскрошился в смех.
 Свернувшись чадом на груди у чуда, вижу –
 белизна халата
 Просвечивает
 Огромное
 Стучащее
 За всех...

* * *

Дважды в твою воду – я.
 Тогда в неё входила я по гланды,
 По грудь когда вошла – так грудь задета.
 Сейчас вхожу цинично – лишь по пояс
 – на этом уровне совсем не страшно для сердца,
 Но
 В твоей воде есть пуганные рыбы,
 Они помнят меня.

* * *

Смотрю то вдаль, то в близь
Сквозь замутнённые морскими каплями солнечные
Очки.

Моё отрочество – это покинутые цветные игрушки
На пустом сером пляже залива.

* * *

Сахар, просыпанный у гастронома
на сухом асфальте в полусолнечный день,
напоминает о детстве, копейках и запахе дома.
Кажется, в кармане карамель, в руке ремень,
кажется, в небо поднять лицо – увидишь
крокодилов вместо облаков,
в этом будет больше правды... но – финиш –
запрокинула я взгляд – а там – полёты
птиц и техники
замазывают небо,
и всё замусорено тёмными сороками,
как перепачканы спины нагруженных прохожих
моим разочарованным взглядом,
и я смотрю тАк, будто моей целью является
превратить
настоящее в прошлое, и я смотрю до тех пор,
пока мои глаза не превратятся в тЕ мои глаза,
пока мои глаза не превратятся в детство.



Работа Александры МИХАЙЛОВОЙ

Вероника ФИЛИППОВА*Выпускник ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III*

* * *

Вам нравятся мои глаза?
 Мне нравятся! Они такие!
 Причудливо-изогнуто-косые.
 А как Вам кажется,
 Нога моя бела?
 Она видна в воде цветущей?
 А если стать вот тут, где гуще?
 Не восхищает цвет моих волос?!
 Ну, что Вы, право! Это не всерьёз!

Светлана ФИЛИППОВА*Член Союза Писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга*

* * *

Прошло, прошло.
 Померк слепящий луч.
 Сменились кручи берегом пологим.
 Привычно заунывен и тягуч
 Тележный скрип изъезженной дороги.
 И счастью, и несчастью
 есть предел.
 Не всякому желанью должно сбыться.
 Мой белый воронёнок захирел,
 Так и не став свободной, смелой
 птицей.
 Быть по сему.
 Судьбу винить нельзя.
 Законы бытия для всех едины.
 Ведёт неумолимая стезя
 И князя дочь, и дочь простолюдина.

Что ж впереди?
Желанный, яркий луч
Иль хмурый день, исполненный тревоги?
Покой долин иль одоление круч? –
Всё с благодарностью приму
от Бога.

Философское

Поля, поля! Картошка без конца.
Ботва по грудь, сорняк до поясицы.
Наклонишься, чтоб выдернуть мокрицу –
И не видать ни тыла, ни лица.

Вот так и день: заботам края нет.
Вот так и жизнь: внаклонку да вприсядку.
Так и придёшь к концу своим порядком,
В картофельной ботве оставив след.

Виктория ФРАНЦЕВА *Выпускница РГПУ им. Герцена*

* * *

Будить не надо. Я сама проснусь.
Ведь я на этом берегу впервые.
Я вижу сон. Доспехи боевые,
Солёный запах с моря. Я боюсь...

Мой старенький слуга меня не слышит
Оглох на оба уха. Без причины.
Крадусь вдоль скал, ступать как можно тише
Мой батюшка велел мне. Дурачина...

Как будто бы не знал он, что в наш город
Придут ветра и шторм, такой кудлатый,
Завоет песнь свою, давясь мокротой.
Вот чёлн причалил. И старик патлатый

Зовёт и не старается услышать,
Что не хочу я! Что ещё не время...
Что я ещё не доносила бремя
Своей судьбы. Что я ещё проснусь.

Будить не надо.

Супервизия⁹

*Это – стыд быть собой. Просто стыд быть
Из семинара по нарциссизму*

Да, да, говорил, говорил, что устал,
Да, да, ничего у него не вышло,
Да, конечно, испытывал чувство стыда...
И вины, и вины, и вины, конечно.

Нет, ничего такого не говорил,
Ну, просто... не знаю, наверно, не думал,
А может, и думал, или забыл,
Или просто вообще никак не думал.

Я? Просила его говорить, говорить...
Ну и он говорил, говорил, конечно,
Как-то что-то сказал мне про радость быть
И про то, что ему почему-то страшно.

И потом подошёл и стал у окна,
Посмотрел на меня и сказал довольно:
«Быть – нельзя. Это странно и страшно – быть.
Я наметил себя завершить спокойно».

Мне тогда стало как-то не по себе,
Я не помню совсем своего ответа,
Помню пот, помню, как он пополз по трубе...
Нет, нет, нет, у него не вышло всё это...

Я? Нет, это не мой клиент.
Я вообще не знаю, что делать с такими,
Я хочу про него поскорее забыть,
Хорошо – у него ж ничего не вышло!

Мне какой-то салют ударяет в висок,
Чей-то праздник идёт за окном балконным,
Он сказал о какой-то радости быть.
Он остался во мне, у него всё вышло...

⁹ – Супервизия – разбор случаев (работы с клиентами) в области психологии и психотерапии с более опытным специалистом (супервизором).

* * *

«Не говори «плохо», проси Бога, чтоб хуже не было», – говорил прадед, расстрелянный на Красной горке 1942 в Евпатории. Посреди их евпаторийского двора по сей день – тот самый колодец с непитьевой водой.

Вот он – колодец в милой Евпатории,
В нём не испытать воды.
Мой прадед шил ушанки и картузы тут,
И ждал беды.
Он выходил молиться по субботам
И шёл просить,
Чтоб хуже не было, а лучше не мешало бы,
Что говорить...
А время катится, несётся и торопится,
Темно в глазах.
Не высох тот колодец, не испортился,
Но пить нельзя.
Вода там не живая, не студёная,
А в ней слеза,
Да мощных вод подземных власть никчёмная.
Судьба, судьба...

Елена ХИЛКО

Слушатель ФСПС НИУ-ВШЭ

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих

Когда один ты, то душой болеешь,
Грустишь и плачешь, сам себя жалеешь,
А жизнь бесценная проходит
И счастье где-то рядом бродит.
Открой глаза свои пошире:
Есть много радостного в мире;
Живи! Будь счастлив! Не упорствуй рогом:
Ты не один – всегда ты вместе с Богом!

Ирина ХОРОВЕЦ
Студентка факультета социологии НИУ-ВШЭ

Из цикла «12 месяцев»

Июль улыбнётся игриво,
 Подарит морской прибой,
 Лучами у гребней залива
 Нагреет песок голубой.

Декабрь укроет снегами,
 Нагонит сонливость и лень,
 И сложит из нас оригами
 И в ночь и в коротенький день.

Петр ЧАЙКОВСКИЙ
Профессор консерватории
(07 мая 1840 – 06 ноября 1893)

* * *

Сегодня я за чашкой кофия
 Мечтал о тех, по ком вздыхал,
 И поневоле имя Софья
 Четыре раза сосчитал.

(1861 г. Из письма П. И. Чайковского сестре Александре)

Ландыши¹⁰

...Я жду весны. И вот волшебница явилась.
 Свой саван сбросил лес и нам готовит тень.
 ...И речки потекли, и роща огласилась,
 И, наконец, настал давно желанный день.

Скорее в лес!.. Бегу знакомою тропой.
 Ужель сбылись мечты, осуществились сны?
 Вот он! Склоняясь к земле, я трепетной рукою
 Срываю чудный дар волшебницы весны.

¹⁰ – В последние годы многие обыватели стали с пеною у рта говорить о какой-то якобы извращённости П. И. Чайковского и ссылаться на то, что «нам-де показывали в музее его письма». Как раз из его писем (для тех, кто их читал) однозначно следует, что П. И. Чайковский никогда не был ни гомо, ни гетеросексуалом. П. И. Чайковский был абсолютно асексуален, у него никогда не было так называемых «интимных отношений» ни с прекрасным полом, ни с лицами своего же пола.

О ландыш, отчего так радуешь ты взоры?
Другие есть цветы роскошней и пышной,
И ярче краски в них, и веселей узоры,
Но прелести в них нет таинственной твоей.

В чём тайна чар твоих? Что ты душе вещаешь?
Чем манишь так к себе и сердце веселишь?
Иль радостей былых ты призрак воскресаешь,
Или блаженство нам грядущее сулишь?

Не знаю. Но меня твоё благоуханье,
Как винная струя, и греет, и пьянит,
Как музыка, оно стесняет мне дыханье
И, как огонь любви, питает жар ланит.

И счастлив я, пока цветёшь ты, ландыш скромный...

* * *

Но час пробьёт.
Меня среди живых не будет.
Я встречу, как и все,
Черёд свой роковой.

Вера ЧИГАРИНА

Филолог

Мне снился сон

Мне снился сон, где я в снегу по пояс, бреду вперёд, сама себе внушая, что, дескать, ни о чём не беспокоюсь, что, мол, такая девочка большая, не дрогнув от избыточных эмоций, конечно же, в дороге разберётся. Бреду вперёд, туда за горизонт, в снегу увязли валенки, а зонт отяжелел от тающего снега, бежать пытаюсь, падаю с разбега и вот уже лежу лицом в грязи. Ползи, шепчу сама себе, ползи, тебе до возжеленной цели малость, быть может, пара метров лишь осталась. А что за цель? Она давно забыта. Не помню чьё, разбитое корыто валяется у старенькой избы. Ах, да какая разница, что бы... ловлю себя на мысли очень странной, что цель внезапно стала нежеланной, и что давно мне важен сам процесс, а мокрый снег всё падает с небес.

* * *

Ты снова заблудился сам в себе,
И под дождём идёшь по бездорожью,
Из пункта А к неведомому Б.
Наохлившейся птицей осторожной
Глядит душа и ухает совой,
Забыв слова и прочь откинув мысли,
Они, как тучи чёрные, повисли,
Уже не в голове... над головой.
Шаги считаешь: два... четыре... шесть...
Бредёшь вперёд, не смея оглянуться,
Ты только вспомни: у тебя мы есть.
А значит, есть тебе куда вернуться.

Философское

Бывает много личных драм
У кавалеров и у дам,
И знаем мы едва ли,
Начав сердечную игру,
Всё ль нам придётся по нутру,
И что нас ждёт в финале...
Печальный день, забавный год,
А время, время-то идёт,
И тает, словно свечка.
Жизнь то грустна, то весела,
Как рукопись, сгорит дотла,
И нету человечка.

Игра в эрудит online

Ночь напролёт играю в эрудит,
Живут слова и буквы на экране,
Рассвет зимой так сумрачен и странен,
Январский дух в окно моё глядит.

Он соткан из туманов и дремот,
Так невесом, прозрачен и печален,
Мы с ним о чём-то важном помолчали,
Наступит утро, он вот-вот уйдет,
И будет день бессолнечный и серый –
Очередная книжная глава,
Online мерцают юркие химеры,
Бездушные, бездумные слова.

* * *

Осенний дождь, осеннее апчхи,
Ведь в октябре положены простуды,
Намокшие, озябшие стихи
Пришли ко мне неведомо откуда,
Застыли робко у моих дверей,
И попросили, чтоб их записали,
Их крылья золотистые свисали,
Они напоминали мне зверей,
Пока ещё неведомых науке.
Блокнот хватаю, карандашик в руки,
Но рифма не даётся мне пока,
И звери вдруг взмывают в облака.
Их дальний путь таинственен и мглист,
А за окном кружит кленовый лист...

Елена ШАПКА

Студентка ГФ СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

В этот сумрачный день я проснулась иной,
На пятнистый палас стала левой ногой.
Новый свет вытекал там, где кончилась дверь,
И из стен просочился запах новых потерь.
Колесо пышных фраз по кровати каталось,
На окне для гостей крошка масла осталась,

И наполненный счастьем чёрный смятый пакет
 Притаился за тумбой, полной тухлых газет.
 Став другой, я увидела белый квадрат.
 «Потолок», – промелькнуло в голове невпопад.
 И заклеено скотчем навечно стекло,
 Что мне утром сказало, будто где-то светло.
 Рухнув камнем на плечи спешащих людей,
 Небо мне прошептало: «Выпей кофе скорей».
 Я подумала: «Лампочка треснет сейчас».
 Став другой, я проснулась почему-то без глаз...

Шагнув на перрон

(Любимый город)

Колёса стучат, за окном вид знакомый,
 Ещё две минуты и снова я дома.
 Шагнув на перрон, я тебе улыбаюсь,
 Мой город любимый, опять возвращаюсь!
 Я плачу от счастья, всё глубже вдыхаю –
 Я запах твой часто теперь вспоминаю.
 И сумки вот рядом, перрон всё пустеет,
 Я небом люблюсь, ведь нету роднее...
 Ты встретил меня, я тебя обнимаю,
 Любимый мой город, я всё понимаю.
 А вот электричка и рядом вокзал,
 А помнишь, ты мне на прощанье сказал:
 «Скорей приезжай, я тебя не забуду,
 Я место твоё не отдам новым людям!»
 Здесь счастье моё, ты частичка моя,
 Мой город любимый, я снова твоя!
 Ты видишь, я здесь? Я стою, улыбаюсь...
 О, как ты прекрасен, с утра просыпаясь!
 Рассвет так красив в этом городе зрелом,
 И солнце блестит, дует ветер несмелый.
 Шагаю, и радуюсь мыслям своим,
 Вокруг зарисовки любимых картин.
 Сступив на перрон, я уже улыбаюсь...
 «Ну, здравствуй, любимый! Я возвращаюсь!»

Максим ШВЕЦ

Луна

Там, где ветер кончается, там начинается дождь,
или снег, или просто пустое пространство...
Мы бежим за луной, и весь мир на себя не похож,
а луна в облака окунулась, чтоб в них искупаться.

Только-только была беспримерно огромна она
и всё небо собой освещала, блистая, как солнце,
но не кончился ветер, и в облачных пенных волнах
она кутает плечи по-царски изысканно, с лоском.

Мы стоим над пространством, простором пустот,
а луна, как цыганка, танцует в кружащихся юбках.
Всё так быстро меняется в мире таком непростом...
Только мы остаёмся, поскольку сердца ещё любят

тёмно-синее небо, друг друга, луну в облаках,
ветер, дождь, или снег... подоконник, покрытый цветами...
И твой ласковый взгляд осторожно и нежно лукав...
Ветер кончился.
Снег
падает, падает...
Таёт...

* * *

– И растаешь ты поутру,
и исчезнешь ты навсегда.
– Если я умру, если я умру,
что мы будем делать тогда?!

– Не пойдёт никто, не пойдёт.
Будут только грязь и вода.
– Если мы уйдём, кто поддержит дом?!

И куда идти, и куда?!..

– Не чета тебе! Не чета!
И не ангел ты, не святой!
– Счастье там, смотри! Счастье – там!
Вон – за той горой! Вон – за той!

– Не придёт никто, не придёт.
 Ты растаешь как запах сна!
 – Это долг, судьба, это долг.
 Его надо скорей отдать!

* * *

Никто не узнает – как, когда
 упала на Землю Звезда.
 Она вдруг исчезла случайно там,
 где стоят города.

Она упала, и чёрный дым
 пошёл от неё все вверх.
 Я был тогда ещё молодым
 и верил в символы вер.

Наверно, последний пришёл черёд,
 а может, последний шанс.
 Чем только не шутит червонный чёрт,
 и где она есть душа?!

Я самый последний ничтожный раб
 своих и чужих судеб.
 Но я выше бога Египта – Ра,
 потому что он был нелеп.

Пишу, потому что ещё живу,
 а жить я ещё хочу.
 Я слышу проспекта тяжелый звук,
 но не лишаюсь чувств.

Да, я неточной рифме клянусь,
 кланяюсь до земли.
 Я – аномальный! Ну и пусть!
 Хочешь понять, замри!

* * *

Я не верю, я просто знаю!
 Добро на земле вечно!
 Добро на земле как знамя,
 которого не сдают...

* * *

Я – никто, невидимка,
один из таких же, как я.
Нас немало здесь бродит
по вымершим понтам Эллады.
Нам под каменным небом
Хватает еды и жилья.
Есть и жёны у нас,
Все того же незримого склада.
Я иду никуда,
и сжимает тисками толпа.
– Никого! Никого! Продвигайтесь,
там – место пустое.
Все билеты просрочив
и все остановки проспав,
в городском автотранспорте
еду, невидимый, стоя.
Бремя одного мира и времени,
как ни кричи –
будут только вертеть головой
и смотреть отстранённо,
и акрополей бедных
сырые, как лёд, кирпичи
будут сыпаться вечно
под ноги гранёным колоннам.
На мостах, виадуках,
у цирков и вечных огней,
как слепые,
идут, и идут, и идут невидимки.
И невзрачные листья летят,
словно высохший снег,
подаваясь шуршащей волной
под напором ботинка.
Это ветер. Лишь ветер один
незаметно свистит.
Это некто стряхнул
пыль и пепел седой сигареты.

Обними меня, милая,
эхом взошедшей звезды;
что мы видим друг друга –
в том нет никакого секрета.

* * *

Ты – утреннее солнце в тишине...
Тыходишь неожиданно и нежно,
полупрозрачным платьем прошумев,
в лицо повеяв ласковым и свежим.

Ложишься рядом, прямо на постель,
сияя тонким телом загорелым,
кустом густых волос прошелестев
по наволочке искристой и белой.

Я обнимаю крепко, словно сон,
сжимаю и тепло, и осторожно;
глаза целую, губы, всё лицо,
в солёных серебрящихся дорожках.

Ты – утреннее солнце. Ты – рассвет.
Сквозишь, летишь, сияешь надо мною.
Всё явственнее вижу, всё ясней
лицо твоё, прекрасное, родное...

Елена ШИПИНА

Выпускница Института Киноинженеров

Хвала сонорам

Люблю соноры: белый л,
И н стальной, и ржавый р,
М – мутноватый цвет эркую.
За непрозрачность их люблю.
Лиха нерастворимость их!
Как наполняем ими стих!
А й нет смысла восхвалять:
Янтарь – гореть! И май – сиять!

* * *

Напялив розовую кофту,
И вволю надушившись сладко,
Я приручаюсь к Майкрософту –
Ах, не по возрасту повадки!
Пора бы собирать манатки
Да делать быстренькие ножки,
Но кофте в тон надену шляпку
И розовые – в тон – сапожки...
Сугробы дней моих осели,
Запамятства покрылись настом,
Но жизнь прекрасна, в самом деле,
И через лет прошедших растрсы.
И розовых очков не надо!
Когда застелются метели,
Прекрасны и без шоколада
И чай, и час, и хлад постели.
С небес всё сыплет, замая.
Я крашу волосы темнее.
И вся такая молодая
Вступаю в тёмные аллеи.

* * *

Гаснут жара, яркий свет, и слабеет усталость.
Сладко сознание, что роздых есть всё, что осталось
Телу до завтра; тактильных полно ощущений
Слито с душой на коготу блаженных мгновений.
Вдоль позвоночника тропки сомнений щекочут,
Но в этот миг поддаваться им кто же захочет:
Шалый закат, и дыхание степи, и дорога,
Как на ладони земной, то есть в горсти у Бога.
Звон бесконечный – заискрились звёзды, стрекочут...
Степь, засыпая, невнятное что-то бормочет.
Можно ль счастливым не быть среди этого мира?
Вегу-фонарь разжигает попутчица Лира.

Корела

Старинная крепость Корела.
 Лекальны её очертанья.
 Я и сама устарела.
 Летальны мои мечтанья.
 Когда отлечу, пожалуй,
 Пролечу над тобою, Корела.
 Хочу, чтоб заката жалость
 К нам жалась бы и горела.
 Желание загадала
 И в воду монетку бросила:
 Монетка моя упала
 В серебряный дождь над Вуоксою...
 Почудилось: множество-множество душ
 Устроили речке серебряный душ.

Лариса ШУШУНОВА

Филолог. Участница поэтического семинара Г.С. Гампер

* * *

Отвергнута подборка сгоряча.
 редактором. Ребята, вы не правы...
 Легко вам рассуждать, рубить с плеча,
 лишать меня читателя и славы.
 Советчика искать или врача?
 На времена пенять или на нравы?

Ползёшь домой, беззвучно матерясь,
 пиная злобно банку из-под пива,
 и то и дело вляпываясь в грязь:
 такой уж, видно, жребий несчастливый.
 Что толку выступать, как тот карась
 из сказки Щедрина – дурак болтливый?

Прими как есть, альтернативы нет,
 на катер посмотри, бегущий мимо.
 Ну что б сказал любимый твой поэт,
 кумир, авторитет неколебимый?
 Мол, погляди на невский парапёт,
 на шпиль, бессменным ангелом хранимый,

мол, радуйся тому, что это есть,
что, слава тебе, Господи, реактор
на ленинградской сумрачной АЭС
спокойно спит. Подумаешь, редактор!
Чего ещё? Есть озеро и лес,
свобода есть – немаловажный фактор...

В Воронеж не ссылают, лепота!
Не травят газом, не сдирают кожу.
Сократа не печатали, Христа!
А Высший суд и так всё подытожит.
И всех нас ждёт надгробная плита.
А слава... Что в ней? Думаешь, поможет?

* * *

– Я принесла с помойки лом – тяжёлый, десять килограммов,
Я принесла с помойки лом – жлобов лущить им буду, хамов.

С помойки лом я принесла, как будто в доме мало хлама.
Я лом с помойки принесла! Про хамов – это шутка, мама...

Я принесла с помойки лом – там до фи́га всего для дома,
Такой не сыщешь днём с огнём, у нас же в доме нету лома!

А я с помойки принесла – бомжи там рылись и вороны,
Вот покопалась и нашла... Как для чего? Для обороны!

И конце концов: мы где живём? У государства – тюрьмы, пушки!
Пускай у нас хоть будет лом. Сходи, там есть ещё игрушки...

– В помойку превратился дом и без того, ты просто Плюшкин!
Ремонт бы сделать, а потом... Какая трость? При чём тут Пушкин?

– Я принесла с помойки лом. Куда девать его, не знаю, –
Не оставлять же под дождём.... Отдай катану самураю!

– Ну, принесла и принесла, никак с идеей не расстаться?
Закинь подальше, все дела. Всё, больше нет ассоциаций.



* * *

Я и раньше этот взгляд
 Не выдерживала дольше
 Четырёх секунд подряд
 (Я не думаю, что больше) –
 Сразу свитер теревить
 Начинала: поправляла
 Петли, порванную нить...
 А теперь, когда всё стало
 Так запущено, – как быть –
 Ёрничать, казаться грубой?
 Лгать и взгляд переводить
 В страхе с глаз твоих на губы?
 В пол смотреть? Куда бежать?
 Маску нацепить какую?
 Надо же фасон держать...
 И чего, чего хочу я?
 Эта слабость, эта дрожь
 Ненавистная... А знаешь,
 У меня ведь дома нож
 Есть – десантный – представляешь?..

Нина ЩЕРБАК

Преподаватель Филологического факультета СПб ГУ

* * *

Проходите, молчите, улыбаетесь.
 – Верю.
 Знаете, даже имя ваше вслух сказать не сумею?
 Вы понимаете хорошо, что я узнаю ваш размашистый почерк,
 Потому что иду за ключами к вахтеру следом за вами,
 Зная, что вы там...
 Вы никогда не дадите мне понять,
 Что давно читаете мои мысли,
 Ведь вы никогда не делали никому больно,
 Просто не умеете.
 Я никогда не смогу сказать вам то, что думаю,

Потому что вы не позволите,
Ведь вы не позволяете обнажать другим то, что не надо,
Потому что знаете, так хорошо знаете, как это бывает.
И я буду вновь и вновь встречать вас и улыбаться, и мысленно благодарить,
За то, что вы одна такая. Как не бывает...
Да...

Ваш номер телефона тоже особый. Геометрический.
Это потому что вы видите мир по-особому. Иначе и не могло быть.
Он образует странный квадрат, вернее параллелепипед,
Он очень гармоничный, этот номер.
Очень жаль, что я не могу позвонить вам,
Хотя часто мысленно набираю, на ощупь...

Сто девяносто восемь – это тоже особое число.
Оно мне снится, часто снится почему-то...
Мне кажется, в нём заложено странное слово,
Вы не знаете, какое?

Анна ЯКУБОВИЧ

2 года 9 месяцев

* * *

Мама, когда я вырасту, я стану оленем. У меня будут большие-большие рога. Я приду в зоопарк и застряну в дверях.

Ирина ЯРКОВА

Участница поэтического семинара Г.С. Гампер

Детство

Дом зелёный под шиферной крышей
Обветшал, покосился устало.
Там когда-то оно обитало –
Детство резвое... Звали Иришей

Обитатели тёплого дома,
Не жалели ни мёда, ни ласки.
Вечерами читала я сказки,
И в углах мне мерещились гномы.

Или черти... И белым наливом
 Пах чердак, где лишь листья шуршали.
 И пчела в запылённом овале
 Билась брюшком с последним надрывом.

А в саду – чудеса и секреты,
 В самом дальнем конце, у забора...
 Там реветь после яростной ссоры
 Не мешали чужие советы...

На денёк бы – в родные пенаты...
 В дом зелёный, под шиферной крышей,
 Чтобы ночью, проснувшись, услышать,
 Как стучат ветви яблонь о скаты...

* * *

Давай не будем разбираться,
 Кто виноват, чьи муки горше...
 Пусть осень веточки акаций
 Упрямо гнёт и воду морщит.
 Как мало счастья вариаций...
 Всё повторяется от века.
 Вновь осень... Золото акаций...
 И два влюбленных человека.

Ночной ливень

Весь день расплавлено текло
 С небес светило,
 Как будто жидкое стекло
 Пекло, томило.
 Сжимался воздух, как шагренёвый,
 Тесней и уже
 И раскалённой даже тень
 Лежала в луже.
 Со всех сторон неслась беда
 На колесницах.
 В дыму пожарниц города
 И в скорби лица.

Но ночью, вздрогнув, небеса
Исторгли влагу.
И молнии пошли листать,
Кромсать бумагу
Чернее сажи. В дыры бил
Всё громче ливень.
И столько было свежих сил
В его порыве,
Как будто заново восстал
Весь мир из праха.
И смысл воды девятый вал
Завалы страха.

* * *

Скрипка в метро, цветы деревянные
Странно... и грустно...
Кто провожает к тебе, мой желанный?
Метро-искусство...
Что ж так звучит она, бестия-скрипка,
Самозабвенно?
Мальчик терзает, а с виду-то хлипкий
Звуком по венам...
Или сейчас так настроены нервы
На наслажденье?
Так тёмно-красные веточки вербы
Ждут пробужденья...



Работа Анны ТРОХОВОЙ

ПЕРЕВОДЫ



Работа Валерии КОЛЫЧЕВОЙ

Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ

Хокку

Весна за окном
Красит вишни нежностью.
Пора влюбиться.

Алишер ЗАРИПОВ

***ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВЬЕТНАМСКИХ РУКОПИСЕЙ
БУДДИЙСКИХ МОНАХОВ***

Полуденный сон

Дождь кончился. Чиста вода в ручьях.
Омыты влагой горные вершины.
Недолгим сном в кленовой роще освежён,
Вновь возвращаюсь к суетному миру
И прозреваю – видя как впервые,
Я этим миром опьянён и поражён.

Весенний пейзаж

Зажелтели цветом ветви ивы,
Изредка в них слышны птичьи крики.
От навеса тень в роскошном зале,
Облака скользят в вечернем небе.
Гость¹¹ приходит молча, без вопросов
О людских заботах и стремленьях.
Вместе с ним, опершись на перила,
Созерцаем синие вершины.

Ранней осенью

Ночная прохлада неслышно проникла за ширму,
Поёт во дворе заунывный осенний ветер.
В бамбуковом зале потух фимиам позабытый,
Сплетенья ветвей луну в свои сети поймали.

¹¹ – Будда

Вечереющий Тхиенчьюнг

Островком плывёт деревня
В море млечного тумана
В час, когда слились тенями
Свет дневной и свет вечерний.
Пастушок, чаруя флейтой,
Гонит буйволов из поля.
Опускаются на пашни
Пары белоснежных цапель.

Урош МРДЖИНАЦ

ученик 6-го класса, Штрпце, Косово

Два голубя белых

Опубликовано в журнале «Косовски Божур»

Перевод **Евгения Капустина**

Два голубя белых	Хоть свечи померкли,
Над миром летели,	Сердца не потухли!
От дыма пожарищ	В разрушенной церкви –
Их крылья чернели.	Величие духа!
Сожжённые сёла,	И камень – не камень,
Сожжённые храмы...	Он ожил отныне,
Нет песен весёлых	В фундаменте храма
Над косовской драмой.	Стал частью святыни!
Два голубя белых	Над памятью боя
На камни присели.	Два голубя белых –
Осколки святыни	То слово святое
На солнце блестели.	И правое дело!



Анджелко ЗАБЛАЧАНСКИ

Подстрочный перевод с сербского – Диана Медведева

Поэтическое переложение – Евгений Капустин

Анђелко Заблаћански

НОЋ СЕЋАЊА

НОЧЬ ВОСПОМИНАНИЙ

Грле ме сенке
месец у крошњи снева
снове од сребра.

Месяц сквозь ветви
Смотрит серебряный сон,
Тень обнимая.

Славуји краду
капи росе из ока
тајну далеку.

Птицы собрали
Капли росы из очей
Тайны далёкой.

Осмех се враћа
у ноћ лепливу од зноја
пољубац жудње.

Снова в улыбке
Ночи, застывшей в поту,
Страсть поцелуя.

Тама ме тргне
месец се за облак скрио
славуји ћуте.

Тьма прикоснулась.
Месяц за облаком спит.
Птицы умолкли.

Поглед ми лута
кроз украдено време
просту самоћу.

Взгляд заблудился.
Сквозь одиночества сеть
Время уходит.

Мирослав АНТИЧ

Подстрочный перевод с сербского – Мария Лямина

Поэтическое переложение – Евгений Капустин

Мирослав Антић

* * *

* * *

Важно је, можда, и то да знамо:
Човек је жељан тек ако жељи.

Каждый желающий станет желанным,
Если начнёт он желать безраздельно.

И ако себе целога дамо
тек тада и можемо бити цели

Если себя раздаёт неустанно –
Только тогда он останется цельным.

Сазнаћемо – тек ако кажемо
речи искрене, истоветне.

Истину сможем постигнуть однажды,
Если за слово своё мы в ответе.

И само онда кад и ми тражимо,
Моћи ће неко и нас да сретне.

Если мы ищем, стремимся и жаждем,
Кто-нибудь нас обязательно встретит.

Мария МОЙСИЧ

12 лет, Ораховац, Косово

Опубликовано в журнале «Косовски Божур»

Перевод **Евгения Капустина**

Мария Мојсић

СЛОБОДА

Живим да осетим
Слободу, да полетим
Над земљом светом,
Да се једном осетим
Слободним мајским цветом,
Да једном мирна посетим
Своје Косово свето.
Желим да немам границе,
Да могу до Призрена пешице,
Да одем до Митровице
Без икакве провокације.
Да се помолим у Дечанима
И свим осталим манастирима
Да обиђем гробље своје
И помолим се за изгубљене моје.
Да посетим Пећ, Клину,
Да видим моју околину.
Да посетим Ђаковицу
И пливам уз Бистрицу.
Да останем Србин
И православни син.

СВОБОДА

(СВОБОДА КОСОВА)

Живу ожиданьем,
Свободы желаньем –
Взлететь над землёю,
Как птица весною,
Весь мир обнимая,
Как солнышко в мае!
Мне Косово снится, –
Убрать бы границы,
Пешком прогуляться
Без злых провокаций,
Увидеть могилы
Всех близких и милых,
И горы, и реки,
Родные навеки,
Услышать напевы
Без страха и гнева,
Коснуться святыни
Молчавшей донине,
Быть сербом среди равных
Сынов православных!



Елена МИЛУТИНОВИЧ

шкољница, родилась в Приштини

Поэтическое переложение – Евгений Капустин

ДЕВОЈЧИЦА С ЈУГА

Јелена Милутиновић
рођена у Приштини

Крупне ми сузе падају низ лице,
у моју малу душу туга се свила,
дошла сам овде, али да знате,
уопште нисам радосна била.

Малена ја сам да туга ме слама,
да моје мало лице умива суза,
мисли ми се стално врте по глави

МОЖДА САМ РОЂЕНА
НА ДАН БАКСУЗА?

Малена ја сам у рату била,
поруку теби шаљем, свете,
зар није тужно да рат доживи
једно мало и недужно дете?

Кажи ми, свете, да ли има
негде планете

где нема рата да би могло
да живи свако дете?

Пролазе дани дуги и тешки,
а туга од мене никако да оде,
верујте да живим за тај дан
кад ћу кући на југ да одем!

Живот ми је био прелеп као
бајка предуга,
сада у мом срцу свила се туга,
с тугом вам прича девојница с југа!

Да ли си сад срећан, свете,
што уништи моје прелепе снове
и снове и снове хиљаде
и хиљаде деце...?

ДЕВОЧКА С ЈУГА

(ДЕВОЧКА С ЈУГА КОСОВО)

Моје лице омыли слёзы,
В душе свила гнездо печаль.
Мне снятся крики и угрозы,
В пожарах сумрачная даль.

Я родом с солнечного юга;
Ребёнком я прошла войну...
Вы убиваете друг друга, –
Страдаю я за чью вину?

За что, за что, скажите, люди,
Ребёнку видеть это зло?
Когда уже войны не будет?
Неужто время не пришло?

Скажите, в мире есть планеты,
Где войн не будет никогда?
Где дети ласкою согреты,
Забыты горе и беда?

Война бывает справедливой
Лишь там, в программе

новостей!

Ведь я могла бы быть
счастливой,

Как сотни, тысячи детей!

Ложитесь горе мне на плечи,
И не понять мне одного:
Вам стало радостней и легче,
Убийцы детства моего?

Мои мечты разбиты вами,
Жилыцы дворцов, больших
квартир!

Не передать мне боль словами!
Но разве стал счастливей мир?..

Елена НАКОВИЧ

Подстрочный перевод с сербского – Диана Медведева

Вольное поэтическое переложение – Евгений Капустин

Песня

Петь песню – значит говорить
Словами, голосом и сердцем
В тот самый миг, когда судьба
К иным мирам откроет дверцу.

Ведь песня – это долгий путь
Сквозь лабиринты чудных истин.
Спеть песню – в душу заглянуть:
Ты честен, светел, бескорыстен?

А песня может быть любой:
Суровой, светлой, мудрой, нежной,
Ведь песня соткана из слов
Любовью, чувствами, надеждой.

Милутин ПОПОВИЧ ЗАХАР

Видовдан

Аутор Милутин Поповић Захар

Видовдан!
У небо гледам. Пролазе вјекови,
Сјећања давних једини лекови.
Куд год да кренем теби се враћам поново,
Ко да ми отме из моје душе Косово!

Видовдан!
Ко вечни пламен у нашим срцима
Косовског боја остаје истина.
Куд год да кренем теби се враћам поново,
Ко да ми отме из моје душе Косово!

Видовдан!
Опрости Боже све наше грехове,
Јунаштвом даруј кћере и синове.
Куд год да кренем теби се враћам поново,
Ко да ми отме из моје душе Косово!

Видовдан!...

Видован

Перевод **Алексея Королёва**

Видовдан!

В небо гляжу я, тихо идут века,
Мчатся виденья вихрем издалека.
Где бы я ни был, знаю и верю оттого,
Что не отнять, не вытравить зверю Косово!

Видовдан!

Пламенем вечным в сердце народа издавна
Косова боя вечная истина.
Где бы я ни был, знаю и верю оттого,
Что не отнять, не вытравить зверю Косово!

Видовдан!

О прости Боже все прегрешенья нам,
Даруй отвагу доченькам и сынам.
Где бы я ни был, знаю и верю оттого,
Что не отнять, не вытравить зверю Косово!

Видовдан!

Шах-Эмир МУРАДОВ

Мурад

Захъ мурад аватġа вун я адан гъед,
Хуш хиял аватġа, хиял вун я зи.
Дуњняда бахтавар тġахъайтġа чун къвед,
Бахтуниз цġай ягъай завал вун я зи.

Захъ ашкъи аватġа, вун я адан цġай,
Ильгъамдин чешмедин къуват вун я зи.
Дуњнядин девлетрик кутун патал пай,
Къисмеди заз ганвай савкъат вун я зи.

Захъ уьмир аватġа, вун я адан рагъ.
Вилерин ищигъдин буллах вун я зи,
Рикġевай гъизрандин хер тġахъайтġа сагъ,
Сурани ийидай сурагъ вун я зи!

Шах-Эмир МУРАДОВ*Великий поэт Дагестана*Перевод с лезгинского выполнил сам **Шах-Эмир Мурадов****Мечта**

Есть у меня заветная мечта –
 Дышать всю жизнь с тобой одним дыханьем.
 Чтоб сердце льнуло каждым трепетаньем
 К тебе, мой друг, к тебе, моя звезда!

Есть у меня заветнейшая цель –
 Преодолеть все творческие муки
 И облачить в ликующие звуки
 Тебя, мой друг, тебя, моя газель!

Есть у меня мечта и цель. И я
 Молю лишь об одном – о чуде дивном:
 Пусть мой предсмертный стон восславит гимном
 Тебя, мой друг, тебя любовь моя!

Александр КОРОЛЁВ**ПЕРЕВОДЫ**

Шарль ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ
(1818–1894)

Эльфы*Мадмуазель Эмме Л. де Л.*

Эльфы в венчиках из чабреца и тимьяна
 Танцевали в лесу, где большая поляна.

Там, где бродит олень по тропинке лесной
 Своего седока конь несёт вороной.
 Шпор его золотых было видно сверканье;
 И когда проезжал рыцарь, в лунном сиянье
 Средь ветвистых деревьев по тропе, то на нём
 Шлем в неверных лучах отливал серебром.

Эльфы в венчиках из чабреца и тимьяна
Танцевали в лесу, где большая поляна.

Окружили его, и казалось порой,
Что пчелиный кружит возле рыцаря рой.
– Ночь ясна и нежна, так куда, рыцарь милый,
Ты направил коня? Королева спросила.
Злые духи кругом, полон нечисти лес,
На лугу танцевать оставайся ты здесь.

Эльфы в венчиках из чабреца и тимьяна
Танцевали в лесу, где большая поляна.

– Нет! Невеста моя ждёт меня в этот час,
Взгляд так нежен её, завтра свадьба у нас.
Пропустите меня, Эльфы, дайте свободу,
На лугах средь цветов вам водить хороводы;
От любимой вдали не держите меня,
Вот пробьётся уже свет грядущего дня.

Эльфы в венчиках из чабреца и тимьяна
Танцевали в лесу, где большая поляна.

– Не спеши от меня, славный рыцарь, постой.
Дам волшебный опал, перстень дам золотой.
И дороже всего, славы или фортуны
Дам я платье своё из материи лунной.
– Нет! – Сказал он.

– Ступай, ты свободен, иди! –

Она белым перстом прикоснулась к груди.

Эльфы в венчиках из чабреца и тимьяна
Танцевали в лесу, где большая поляна.

Он пришпорил коня шпорою золотой.
Побежал, поскакал резво конь вороной;
Рыцарь вдруг задрожал, над конём наклонился;
Белый призрак ему на дороге явился,
Руки тянет к нему, прямо в душу глядит:
– Демон, дух или Эльф, не мешай, отойди!

Эльфы в венчиках из чабреца и тимьяна
Танцевали в лесу, где большая поляна.

– Не мешай, отойди! – Гордый рыцарь сказал, –
 Я к невесте спешу, чьи прекрасны глаза.
 Призрак вдруг говорит: – О, супруг, верный, милый,
 Брачным ложем для нас завтра будет могила.
 Я мертва! – и когда он её увидал
 От тоски и любви рыцарь замертво пал.
 Эльфы в венчиках из чабреца и тимьяна
 Танцевали в лесу, где большая поляна.

Шарль-Юбер МИЛЬВУА
(1782–1816)

Падение листьев

Останки бранные свои
 Лес обронил уже на землю,
 Утратив тайну, рощи дремлют
 И безголосы соловьи.
 В лучах бледнеющей авроры
 Ступает юноша больной
 Взглянуть хоть раз на лес, который
 Он так любил порой иной.

«О, лес любимый, в час прощанья
 Ты траур в честь меня надел,
 Моё, предвидя умиранье,
 Твой лист последний облетел.
 Из Эпидавра мне оракул
 Сказал: Увидишь в этот час
 Ты листья жёлтые, однако
 Всё это уж в последний раз.
 И будет ночь твоя последней,
 Она как осень будет бледной,
 Когда закроешь ты глаза.
 Она придёт и срок настанет,
 И юность как трава увянет,
 Как виноградная лоза.
 Я умираю! И холодным
 Дыханьем тронули ветра,

Зима, близка её пора,
Весны мгновенья мимолётны.
Кусты засохшие стоят,
Любуюсь редкими цветами,
Но не украсится плодами
Уж зелень чахлая моя.
Лети, лети, листва сухая
Мой путь последний устилать!
Лети, от матушки скрывая
Где буду завтра я лежать.
Моя любимая аллеей,
Однажды обо мне жалея,
Придёт рыдать на склоне дня,
Разбудит листьев шум меня
И будет тень мою лелеять», —
Сказав, ушёл... и навсегда!

Последний лист, кружась уныло,
Как день последний опадал.
Под дубом вырыли могилу.
А он любил, и этой даме
Под дуб тот не прийти к нему.
И лишь пастух порой шагами
Вспугнёт в долине тишину,
Как будто в опустевшем храме.

Πиршество в замке

«Скажи мне, пастух, чей тот замок высокий,
Угрюмые башни, бойницы вдоль стен?»
Из странствий своих, возвращаясь с Востока,
Спросил трубадур, славный рыцарь Ивейн.
«Не сир ли Равенны за стенами замка?»
Ответил лукаво пастух, пряча взор:
«Хозяина нет, в замке только хозяйка,
Уж год на Востоке, должно быть синьор».
Воскликнул Ивейн: «Не Гермоза сама ли?
Я клятву сдержу, раз мы клятву давали.
Сегодня я двери её отворю
Чтоб молвить последнее: Благодарю!»

Вот мост опустили под пение рога
 И карлик Ивейна провёл за собой,
 Хозяйка встречала его у порога,
 «Гермоза! О небо!», «Ивейн дорогой!
 Супружество это моей было мукой,
 Но весть донеслась, что погиб ты в борьбе;
 Синьору Равенны была я супругой
 По имени только, а в сердце тебе.
 Когда ты меня так внезапно покинул
 Невинной была я, осталась невинной,
 Свидетелем небо себе я беру».
 И рыцарь ответил ей: «Благодарю!»

Медлительно в замке часы протекали,
 Роскошнее чем во дворцах королей
 Готовилось пиршество пышное, в зале
 Ивейн восседает с Гермозой своей.
 «Пока благовест не раздался вечерний
 Мой доблестный рыцарь, не трогай меня,
 Но время придёт, и тебе буду верной
 Супругой твоей до последнего дня.
 Напиток сей славный в старинном бокале
 Врачуется тоску, утоляет печали...»
 «Так пей же со мной!» «Я бокал свой беру
 Чтоб после ответить: Благодарю!»

Он кубок подносит к устам благородный,
 И вместе они выпивают до дна;
 И тут же он влагой покрылся холодной,
 И тут же застила глаза пелена.
 Прекрасной Гермозы глаза угасали;
 Бледнея, ему улыбнулась она:
 «Ты видишь, Ивейн, утоляет печали
 Старинный бокал золотого вина».
 Сказала Гермоза ему, умирая:
 «Супругу до смерти осталась верна я.
 Последний тебе поцелуй подарю».
 И вместе воскликнули: «Благодарю!»

Шарль ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ
(1818–1894)

Сердце Хильмара

Ночь ясна. Снег кроваво окрашен.
Мертвецы здесь лежат без могил,
Меч в руке, взгляд безумен и страшен.
Крики воронов, трепет их крыл.

Диск луны в облаках пробирался,
По полям кровь лилась горяча,
Средь бойцов мёртвых Хильмар поднялся,
Опершись на обломок меча.

– Эй! Ещё здесь остались живые
Среди сильных и смелых парней?
Пели песни они удалые
По утру, как дрозды меж ветвей.

Все молчат. Сталь пробита доспехов,
Я топор обронил боевой.
Слышу моря далёкого эхо,
Слышу, волчий доносится вой.

Что же вороны медлят слететься?
Грудь мою Ворон клювом терзай
И моё ещё тёплое сердце
Дочке Ильмера ты передай.

Где-то в Упсале ярлы пьют пиво,
Кружек звон золотых, хор поёт,
Ты невесте моей молчаливой
Отнеси, Ворон, сердце моё!

На вершине той башни, высоко,
Ты увидишь её, Ворон мой,
Белоснежно лицо, чёрный локон,
Взгляд звезды голубее ночной.

Пусть к ней скорбная весть донесётся,
Сердце смелое было в борьбе.
Ты скажи что люблю, улыбнётся
Дочка Ильмера, Ворон, тебе!

Умираю, не знавший позора.
 Пейте, волки, скорей мою кровь.
 Молодой и смеющийся скоро
 Буду я восседать средь богов.

Марселлина ДЕБОРД-ВАЛЬМОР
(1786–1859)

Ты спишь?

А ты! Уж спишь прекрасной ночью нежной,
 Когда ты сам изменчивей волны,
 Когда познал восторг души мятежной,
 Теперь ты спишь, какие видишь сны?

В твоей душе смешалось наваждение
 И наших тайн любовных сладкий плен,
 От этих тайн придёшь освобожденья
 Просить однажды у моих колен.

На голос твой ответят трепетаньем
 Под музыку вечернюю цветы.
 Нет! Никогда, уже своим дыханьем
 Мне осушить не сможешь слёзы ты!

Страна любви останется с тобою,
 Храни любовь, способную предать,
 Ты боль храни, дышать мне этой болью,
 Она нежна, но с ней мне умирать!

Молитва

Не дай погибнуть мне под спудом лет минувших,
 Ты, кто зажёл любовь в душе моей огнём;
 Храни дитя своё под бурей ревущей,
 Господь! Мне ночь страшна. Позволь воскреснуть днём!

Господь, любила я, мне страшно угасанье;
 В могилу, вслед за ним меня влечёт мой рок,
 Мне холода страшны, о, если бы он мог
 Коснуться бы меня своим дыханьем.

Собой удивлены, займутся два огня,
И время никогда огни те не потушит.
Увы! Не ты ль вселил предчувствие в меня,
И в поцелуе ждут друг друга наши души?

Готфрид БЕНН
(1886–1956)

О Ночь

Перевод Алексея Королёва

О Ночь, я принял кокаин,
Кроводвижение, иступление,
Прошедшее – полёт годин.
Я должен в этом диком рвении
Ещё хоть раз упиться им.

О Ночь, так много мне нельзя,
Хотя чуть-чуть соединенья
Твоих туманов, отторженья
Пространств от собственного я.

Рецептор, шарик кровавой,
И от-, и к-, и с-обонянье,
Слов облак в клочья растерзанье
В глубины мозга, в сон пустой.

Ещё к земле летят камни,
И рыбка ловит тень тиши,
Через мельчайшие явления
Ползёт крылатый мир души.

О Ночь! Не мне твоя любовь,
Дай малость мне, твою заколку
И в чрезмерность втихомолку
Прошедшим я упьюся вновь.

О Ночь, о дай взаймы главу,
Разлей себя вокруг дня бывшего,
Верни меня из мифа злого
В отчизну славы наяву.

Молчи! Мне ведома истома
От звёзд – я здесь шутить не мог –

Смотри, я: одинокий бог
Сбираю силы в мире грома.

Кокаин

Перевод Алексея Королёва

Самораспад, столь сладостно желанный,
Ты дал, и сохнет горло у меня!
Уже звучат неназванные странно
Виденья в недрах собственного дня,

И не мечом, что в материнском ложе
Явился, здесь и там вершить свой труд,
И сталью бьёт, сокрытый в вереск тоже,
Где холм упрятал формы в свой приют.

Так нечто, гладкость, малое создание
Для дуновенья тёплого идёт,
И тур зажат в несамосодроганье,
И зритель мозга – тленный мимоход.

Разорван я – нарыв ещё созреет –
Заснеженная страсть – о сладкий пир
Прорыв плотин – о истекай скорее –
Роди меня, оформи в этот мир.

Алексей КРАЙКОВСКИЙ

Перевод из О. Уайльда

Шуметь не смей, под снегом тут
Лежит она.

Ей слышно, как цветы растут
Когда весна.

Померкло золото волос
Как первоцвет.

Нежнее лилий, ярче роз –
Её уж нет.

Как снег была она чиста,
В тиши цвела,
И, женщиной ещё не став,
Ушла, ушла.

ο πλατωνισμός ο πατριωτισμός ο πνευματισμός π³

И гроб, и тяжкая плита
Ей давят грудь.
Я одинок, душа пуста
И долог путь.
Ей не слышны стихов слова,
И звоны лир.
В тиши вся жизнь моя, мертва
Лежит в пыли.

Коста ХЕТАГУРОВ

В 2009-м году исполнилось 150 лет со дня рождения Коста Левановича Хетагурова (15 октября 1859 г. – 19 марта 1906 г.) – великого сына осетинского народа, поэта, публициста, художника.

*... пусть знает враг,
Какой незыблемой заставой
Ему здесь загородят путь.
С какой отчаянной отвагой
Здесь каждый грудью встретит грудь!
Как – страха, жалости не зная –
Здесь все решились, как один,
Погибнуть, кровью истекая,
Как честь страны, свободу края
Ценить умеет осетин!..*



Коста Хетагуров: «Плачущая скала»



Хетаг*(Начало никогда не имеющей быть оконченной поэмы)*

Читатель! Сбираюсь поведать тебе
 Старинную повесть о славном
 И доблестном предке, стяжавшем себе
 Бессмертье в потомстве забавном.

Я сам из потомков его и, как гусь,
 Лишь годный в жаркое, нередко,
 Встречаясь с другими «гусями», кичусь
 Прославленным именем предка.

Преданье я черпал из тысячей уст,
 А памятник цел и поныне:
 Священная роща иль «Хетагов куст»
 Стоит в Куртатинской долине.

Ещё не касался ни разу топор
 Его долговечных питомцев;
 В нём странник чужой потупляет свой взор,
 Послушный обычаю горцев.

* * *

Да, я люблю её... но не позорной страстью,
 Как объяснять себе привыкли вы любовь, —
 Я не влеку её к обманчивому счастью,
 Волнуя сладостным напевом её кровь.

Нет, я люблю её, как символ воплощенья
 Доступных на земле возвышенных начал
 Добра и истины, любви и всепрощенья,
 Люблю её, как жизнь, люблю, как идеал,

Как трон свободных дум без гордости надменной,
 Как свет познания, как мавзолей искусств,
 Как храм поэзии, мечтою окрыленной,
 И как чистилище ума, души и чувств.

Да, я люблю её по долгу, по призванью,
 Награды за любовь не требуя себе;
 Как раб, приветствуя её посильной данью,
 Я награждён вполне, признателен судьбе.

Я счастлив, что люблю... Любви одной покорный,
Под знаменем её пойду на смертный бой,
Пойду на суд толпы холодной, дикой, вздорной,
С спокойной совестью, с ликующей душой...

И если я порой мучительно страдаю,
И если я не сплю из-за неё ночей,
То разве я тогда ребячески желаю
И слёз, и ласк её задумчивых очей?

Нет, – я боюсь... Боюсь, что, в жизнь едва вступая,
Она доверчиво отдастся ей во всём,
И к ней прокрадется незримо ложь людская,
Которой осквернить святыню нипочём.

Вот, вот чего боюсь, что грудь мою терзает:
Она доверчива, наивна, молода,
А жизнь заманчиво зовёт и соблазняет...
Боюсь, что разлюбить могу её тогда.

Памяти А. Н. Плещеева

Его ланит рукой безжизненной и влажной
Коснулась смерть, и вмиг застыли все черты,
И он покинул нас, испытанный, отважный
Поборник разума, добра и красоты...

Мой друг, не плачь о нем, – безумными слезами
Ты робость детскую пред битвой не буди!–
Он не умрёт для нас, пока позорно сами
Мы не сойдём с его тернистого пути...

Ему не надо слёз. Лишь то святое дело,
Которому он жизнь с любовью посвятил,
Пусть не умрёт в тебе, – иди под знамя смело,
Храня его завет и не жалея сил!..

1893 г.



Памяти П. И. Чайковского

Разбита стройная, чарующая лира,
Повержен жертвенник, разрушен пышный храм,—
Навеки улетел «соловушка» от мира
В страну далёкую, к далёким небесам...

И стало тяжело на сердце, безотраднo,
И мрак, холодный мрак сгустился над душой,—
Удар безвременный, и как он беспощадно,
Как неожиданно направлен был судьбой!

Оценим ли теперь великую потерю,
Горячая слеза найдётся ль у кого?
Тогда лишь в будущность народа я поверю,
Когда он гения оплачет своего;

Когда печаль свою он глубоко сознает
И вещи слова поэта он поймёт:
«Пусть арфа сломана, — аккорд ещё рыдает...
Не говорите мне: он умер,— он живёт!»
1893 г.

Памяти А. Н. Островского

Угас и он, как витязь благородный,
Не кинув бой неравный до конца, —
И эта смерть печалью безысходной
Наполнила все чуткие сердца.

Уж нет его среди друзей послушных,
Соратников под знаменем любви...
Не плачь о нём! Ты, вместо слёз ненужных,
Себя его идеей вдохнови.

Невежеством беспомощно сражённый,
Ты не сходи с тернистого пути, —
Иди за ним! И факел, им зажжённый,
Раздуй сильнее и всюду им свети.

Пусть умер он для новых вдохновений,
Для новых дум, печалей и труда,
Ведь не умрёт его великий гений
В его родном народе никогда.
1894 г.

Христос воскрес!

Умолкни, ненависть и злоба,
Цепей бряцанье, звон оков!
Развейся, мрак холодный гроба,
Безумье варварских веков!

Прочь, скорбь, печали и сомненья!
Свершилось чудо из чудес –
Из мрака, суеты и тленья,
Скорбей и слёз Христос воскрес!

Слёз, мироносицы, не лейте!
Не плачь, святая Дева-Мать!
Идите, сеятели, сейте
На нивах Божью благодать!

Спасенье миру возвещая,
Гремит торжественно с небес
Бесплотных духов песнь святая:
«Христос воскрес! Христос воскрес!»

Настанет день, – сплотившись дружно
Под светлым знаменем креста,
Мы все пойдём единократно
На зов Спасителя-Христа...

Девизом будет нам распятие,
Благословление небес
Повсюду с нами... Пойте, братья:
«Христос воскрес! Христос воскрес!..»

<Не позже 27 марта 1893>

На Пасху

«Христос воскрес!» – победно песнь святая
Вновь грянула с ликующих небес,
И тленный мир от края и до края
Поёт в ответ: «Воистину воскрес!»

И всё цветет, всё счастливо, согрето,
Обласкано живительным лучом,
И всё полно веселья и привета, –
Клокочет жизнь, могучим бьёт ключом.

Развёрзнуты горячие объятья,
В лобзании сливаются уста,
Сплотились все, как любящие братья,
В одну семью мы именем Христа.

В одну семью сплотились все народы,
У всех один небесный Царь-отец,
И вся земля – обширный храм свободы,
И целый мир – сплошной союз сердец.

И чужд душе, блаженством упоённой,
Вседневный чад борьбы и суеты...
О милый друг, любовью ослеплённый,
Так думаем лишь только я да ты!..

<Конец марта 1895 г.>



Работа Ярослава ФРОЛОВА

ПУБЛИЦИСТИКА



Maria Seledchik

Работа Марии СЕЛЕДЧИК

Данила ДАНИЧ
Георгий РУСАНОВ

Я вас больше чем люблю¹²

Нет ничего выше Родины и служения ей. Цель и смысл всей моей жизни – создание России, единой и могучей, создание мирной и спокойной жизни при производительном труде под охраной закона, той жизни, по которой так истосковалось население нашей страны.

А. В. Колчак



Осенью 2008 г., наконец, на экраны вышел давно всеми ожидаемый фильм о замечательном учёном и великом патриоте России, авторе, по не до конца ещё, правда, проверенным данным, знаменитого романа «Гори, гори, моя звезда...» – Александре Васильевиче Колчаке (4 ноября 1874 – 7 февраля 1920), и о самоотверженной женщине и прекрасной русской поэтессе – Анне Васильевне Тимиревой (урожденной Сафоновой, 1893 – 31 января 1975), о их высокой и чистой любви. И сразу же, кроме справедливого восторга российского общества, потому что хороший фильм сегодня – явление просто исключительное, раздался злобный вой сразу с двух, вернее, даже с трёх, сторон. Злобно были недобитые сталинисты, муссирующие советские красные басни о жестокости адмирала и т. п., якобы, грехах его, называя восхваление его имени происками предателей и демократов. Ещё более громко, кажется, были сами эти демократы-либералы, называя правду о Колчаке происками державников и патриотов (у большинства западников и то и другое слово – нечто вроде ругательств). Кто-то ещё говорил об идеализации его образа и, наоборот, о совсем уж смешных и нелепых вещах, наверное, вызывающих улыбку даже у тех, кто их придумывает, – о его, якобы, измене Родине с союзниками по Антанте, в ходе Великой войны, или Второй Отечественной, как её называли в российской истории, или, как выражались советские историки, империалистической войны. Историки «ловили блох», смаковали исторические неточности в реквизитах, сокращённую передачу собственно

¹² – Строка из письма А. В. Колчака к А. В. Тимиревой

военных подробностей в фильме, его авторы, очевидно, пошли на это ради главного – воссоздания достоверного психологического колорита эпохи. Интересно, что бы сказали эти критики, скажем, об «Антонии и Клеопатре» по Шекспиру, или о «Спартаке» по Джованьоли, где ни исторической, ни психологической достоверности вообще не было и в помине. А в фильме «Адмиралъ» психология людей того закала передана безукоризненно! Нашему поколению повезло, мы ещё застали «последних могикан» русской интеллигенции, как они сами себя называли. Мы были в 60-ые годы XX-го века детьми, а они – доживали свой век, благодушно радуясь хрущёвской оттепели и тому, что было для них намного дороже, намного важнее их личной свободы и личного благополучия – тому, что Россия снова – великая держава, как это было до февральской смуты.

Их было тогда ещё много – этих «Ангелов и воинов» в одном лице, как назвала их М. И. Цветаева, этих рыцарей без страха и упрёка, причём буквально, в полном смысле слова, как подчёркивал, говоря о них Н. А. Толстой. Мне особенно помнится один из них, просто потому, что его я видел не от встречи к встрече, хотя бы и часто, а каждое лето и каждый день с раннего утра и до позднего вечера у нас на даче, где он жил со своей женой – самой близкой подругой моей бабушки, начиная с их юности. Его звали Владимир Исидорович Шиняков, он был лет на 10 старше своей жены и моих бабушки с дедушкой, которые все родились в 1892 г. К февралю 1917 г. Владимир Исидорович был уже полковником артиллерии, без двух минут генералом. Про него без малейшего преувеличения можно было сказать словами Лермонтова:

Полковник наш рождён был хватом:

Слуга Царю, отец солдатам...

Революция отняла у него всё, и он нисколько не жалел об этом. Когда его жена часто и очень страстно возмущалась всем, что она видела вокруг, – грубостью нравов, подлостью и необязательностью, – и жалела, что ей выпало на долю прийти в этот мир в эпоху войн и революций, он всегда говорил, что очень интересно «посетить сей мир» именно в эти минуты и пожить при разных режимах. Их трогательную престарелую пару все кругом называли старосветскими помещиками. Всегда безукоризненно деликатный и абсолютно невозмутимый, он казался всем несокрушимой скалой и опорой посреди хаоса и любых беспорядков. Если бабушка утром заходила за чем-нибудь в их комнату, где стоял наш посудный шкаф, а Владимир Исидорович ещё только кончал бриться, то всегда слышалось: «Фрейя Владимировна, простите, я не одет!» Это означало, что он из-за бритья не застегнул ещё верхнюю пуговицу и ещё недостаточно туго затянул гал-

стук. И сколько же было поэзии в их рассказах, воспоминаниях о молодости, о любви, о прекрасных знакомых дамах, о забавных случаях, о посещении имений друг друга, о воинской службе, о невинных офицерских попойках в царской армии, о многом, что не только им самим, но и всем слушателям, виделось прекрасным, безвозвратно далёким, почти унесённым ветром.... Наверное, мне никогда не передать словами, с каким пиететом произносилось слово «Государь». «В тот день приезжал (в полк) Государь». Какая интересная закономерность! Все любители выборов и демократий, кричащие о политических свободах, всегда авторитарны, всегда командуют, хотят быть маленькими царьками хоть в чём-нибудь. А пламенные монархисты – всегда воплощённая забота о правах человека и о свободе и неприкосновенности личности. Я с детства всегда слышал от старших: «Раньше (т. е. до февраля 1917 г.) была свобода».

Очень скоро после 1917 г. Владимир Исидорович, поскольку его жена очень за него волновалась, вышел в отставку (а до революции волнения жены не были основанием, чтобы перестать служить своей стране) и стал работать извозчиком, или, как тогда говорили, лихачём. Его родственники и теперь вспоминают, что в карточке было написано примерно так: происхождение – из дворян, звание – полковник, специальность – лихач. И он был очень лихим кучером! В конце 30-ых годов все его родные дрожали, когда в разгар репрессий он во всеуслышанье заявлял: «Я – полковник царской армии», не добавляя перед словом «полковник» даже слова «бывший», как тогда требовалось от тех, кто вообще осмеливался об этом вспоминать. И, как ни странно, не нашлось желающего что-нибудь написать на столь скромного и ни у кого не вызывающего зависти человека. Так он ни разу за всю жизнь и не был репрессирован! Правда, каждую ночь, услышав шум подъезжающей машины, он подходил к окну посмотреть, за кем сегодня приехали. И как он потом обожал Хрущёва! Как радовался тому, что отстояли Кубу! Он на старости лет, плохо видевший и почти глухой, писал стихи, прославляющие величие России, дружбу с Кубой и Вьетнамом.

Прекрасно, что образы людей такого типа, наконец, появились в литературе и кинематографе. Ведь большинство произведений советского периода изображало русскую интеллигенцию исключительно карикатурно. Не всегда, правда, эта карикатура была очень злой, как Киса Воробьянинов в «12 стульях», иногда она бывала довольно доброй, как профессор Горностаев в «Любови Яровой», но всё равно это была карикатура. В лучшем случае, интеллигентов изображали вызывающими улыбку умиления взрослыми детьми, нуждающимися в нравственной опеке, а не властителями дум человечества.

Если же в каком-нибудь произведении в советское время образ интеллигента и выводился без иронии и даже как некий идеал и пример, тогда осуществлялась, как правило, подмена русского интеллигента советским интеллектуалом, причём часто подчёркнуто хамоватым, а иногда и развращённым.

Как отмечают многие исследователи и писатели (Д. С. Лихачев, А. Г. Битов, Н. С. Михалков, Ю. М. Лотман и др.), понятие интеллигенции существует в русском обществе приблизительно начиная с 60-ых годов XIX века как некий более широкий и более демократический аналог понятия дворянства, дворянской культуры и чести.

Конечно, два века напряжённой интеллектуальной селекции, которая проводилась в соответствии с Табелью о рангах на одной шестой части планеты, не взирая ни на национальную, ни на религиозную принадлежность, превратили русское дворянство из просто служилого сословия, которым оно было изначально, в настоящую интеллектуальную элиту российского общества, цвет цвета русской нации.

Предводитель дворянства Черниговской губернии граф Г. А. Милорадович, отмечая присущие русскому дворянству, и, соответственно, русской интеллигенции «тонкое чувство чести, устранение от всяких беспринципных способов эксплуатации своих ближних, беспристрастие и справедливость, деятельное и умелое участие во всех важных общественных делах, искреннее стремление к просвещению и благосостоянию народных масс», писал также в 1901 г. в предисловии к Родословной книге Черниговского дворянства¹³:

«Русское Дворянство, столь отличающееся по своему сословному характеру от дворянства западных государств,... сильное своею историческою связью с народом и своею беззаветной преданностью самодержавию... светом разума и чистотою дел своих зовёт к себе всех и хочет всех до себя поднять. Не станет дворянства в тот день, когда, благодаря ему же, все другие сословия дорастут до него и будут разделять его идеалы».

Круг дворянства в России стремительно расширялся в отличие от «загнивающей аристократии Запада» (Милорадович). Единственное, о чём заботилось в этой связи российское правительство, – это о том, чтобы темп расширения круга дворян не превышал темпа распространения дворянской культуры и понятий о чести. В противном случае, эффект мог оказаться обратным: вместо подъёма нравственного уровня всего населения благодаря благотворному влиянию дворянства, само дворянство могло быть захлёстнуто волной неопитов, а уровень дворянской культуры и морали мог в результате сильно понизиться. Поэтому по мере развития российс-

¹³ – Родословная книга Черниговского дворянства. Том 1. Граф Г. А. Милорадович. С.-Петербург, С.-Петербургская Губернская Типография, улица Глинки, 8. 1901.

кой государственности, по мере развития всех сторон жизни и резкого увеличения числа служащих во всех отраслях деятельности, и, как следствие, стремительного расширения круга лиц, получающих потомственное дворянство, планка получения дворянства всё время повышалась. Это делалось не с целью превращения дворянства в касту наподобие гниющего запада, а с целью приведения процесса распространения культуры в соответствие с процессом распространения дворянства. Дворянство составляло уже порядка 30% населения Российской Империи и должно было в перспективе полностью охватить российское общество, как это практически произошло в Польше и в Армении. В результате этих правительственных мер понятие благородного сословия уже не совпадало с понятием дворянства. Любой служащий считался существом благородным, носителем высоких идеалов благородства и чести, титуловать его полагалось «Ваше благородие, Ваше высокоблагородие, Ваше высокородие» – в зависимости от чина, но потомственное дворянство давал только младший генеральский чин (на любой из четырёх служб), т. е. чин, требовавший по Табели о рангах титулования «Ваше превосходительство», или же соответствующий орден, или просто исключительные достижения в любой области на благо людям. В частности, любой офицер считался носителем чести рыцарского сословия, был обязан быть рыцарем без страха и упрёка, причём, повторюсь, буквально, в полном смысле слова, а дворянином, часто, и не был. Так рождалась русская интеллигенция, исключительное и единственное в своём роде явление, которого больше не было, и нет нигде в мире. Её рождение было чудом, сравнимым разве с возникновением жизни на Земле или с появлением центральной нервной системы у позвоночных.

В отличие от западного понятия интеллектуала, основным в понятии интеллигенции была вовсе не принадлежность к профессиональному умственному труду, а соответствие определённому неписаному кодексу чести (в России вообще, начиная с эпохи Петра I, законы неписанные всегда имели определённый приоритет перед законами писаными). Русская интеллигенция представляла собой своего рода светский монашеский орден со своим неписанным уставом и, также неписанными, но очень высокими и благородными нравственными требованиями. Русскими интеллигентами могли быть и русский писатель Д. В. Мережковский, и граф Л. Н. Толстой, и армянский аристократ, русский государственный деятель, министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов, и служащий на главпочтамте российский немец-часовщик, и плотник в сельской артели. И если писатель или государственный деятель, или учёный, инженер, священнослужитель действительно могли быть не только интеллигентами, но и людьми, профессио-

нально занятыми сложным умственным трудом, то для плотника или часовых дел мастера следование строгим требованиям интеллигентности оставалось их единственным увлечением и главной целью жизни. Естественно, что это понятие было ненавистно большевикам и Ленину, они превратили его в ругательство. Ленин часто говорил и писал, что русская интеллигенция с его точки зрения – это ... (фекалии).

Нигде в мире, кроме России, ни на Западе, ни на Востоке не существует понятия «интеллигент». В Британской энциклопедии в статье «Интеллектуал» есть также подраздел «Русский интеллигент». Понятие просто «интеллигенция», т. е. люди, профессионально занимающиеся сложным умственным трудом, было придумано большевистской социологией. Во всех петербургских семьях понятие «новая интеллигенция», «современная интеллигенция», «советская интеллигенция» сразу стало бранным словом. Один знакомый старый интеллигент называл их также «интеллигентные хамы». А.И. Солженицын предложил называть образованных людей послеоктябрьского разлива словом «образованцы», чтобы не позорить слова «интеллигент». Революция разрушила среду, в которой люди становились русскими интеллигентами за одно поколение. Сколько прекрасных и благороднейших деятелей России были крестьянскими детьми или детьми деревенского священника! Их тысячи! Граф Сперанский, профессор Мерзляков, генералы Антон Иванович Деникин и Алексеев, да здесь можно перечислять бесконечно. Но вот среда разрушена в 1917 г. и теперь культура передаётся только в семьях. Сразу же рождается идиотский миф, что истинный интеллигент должен быть потомственным интеллигентом, что есть (вопреки данным естествознания) некая врождённая культура. Проходит поколение и миф корректируется. Теперь интеллигент должен быть обязательно в третьем колене. И так далее. Всё время оказывается, что истинный интеллигент должен быть интеллигентом как минимум в таком колене, сколько прошло поколений от февраля 1917 г. Наступила эпоха Перестройки и нового крушения страны. И снова на устах у необольшевиков слово «интеллигент». Но не бывает просто «интеллигенции», без приставки «русская». Русский интеллигент может быть человеком любой национальности, но он в любом случае является русским интеллигентом, слугою белого царя и отцом родным для тех, кем он поставлен руководить. Слугами царя и отцами солдатам были и князь Багратион, и граф Милорадович, и Владимир Исидорович Шиняков. Когда Каховский с князем Оболенским убивали на Сенатской площади графа Милорадовича, тот перед смертью принялся рассматривать извлечённую из его груди пулю. Увидев, что она выпущена не из солдатской винтовки, а из револьвера, Милорадович, сча-

стливый, сказал: «Ну, теперь я могу спокойно умереть», – и умер. От современных деятелей можно услышать утверждения вроде: «Настоящий интеллигент, такой, как Сахаров, например, никогда не взял бы в руки оружия». Нет, господа, не знаю, что вы подразумеваете под «настоящим интеллигентом», а русским интеллигентом, Ангелом и воином, никак не может быть назван человек, не владеющий оружием.

Даже в изображении такого чистого и святого человека, каким был Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900–1981), великий русский биолог-эволюционист, зоолог и биофизик, основатель радиобиологии, генетик, эколог, философ, знаток истории и ценитель искусств, человек, которого сравнивали и сравнивают с титанами эпохи Возрождения, человек, который ещё при жизни стал легендой и чьё имя до Перестройки вообще невозможно было упоминать в литературе из-за цензурных соображений, даже в повести о нём Д. А. Гранина «Зубр» иногда чувствуется некоторая доля снисходительной или ироничной интонации. «Он только позволял себя любить...» «Он отвечал только перед своей честью и могилами предков...» «Он не желал апеллировать к этой шпане». О философских и религиозных убеждениях Ресовского вообще, кажется, ничего определённо не сказано. Создаётся ощущение, что великий учёный-эволюционист, старавшийся разгадать тайну жизни и трагически понимавший, что всё равно не сумеет сделать этого, был материалистом. И, кажется, только одна фраза Ресовского в «Зубре» наводит на мысль о его мировоззрении: «Мы все придём в смерть, как бы мы к этому ни относились. Бойся её или презирай, мы все там будем. И ужасно будет прийти туда с нечистой совестью!» Впрочем, о глубокой религиозности Тимофеева-Ресовского мы знаем из рассказов о нём Льва Николаевича Гумилева. Конечно же, в целом повесть Д. А. Гранина «Зубр» явилась всё-таки настоящим гимном великому учёному и человеку столь возвышенной души, и его трагической судьбе в условиях большевизма и германского фашизма. Но и таких произведений о русской интеллигенции написано, а в данном случае, надиктовано, к сожалению, единицы. Что же касается фильмов... Был фильм о лейтенанте Шмидте. Была вставка о нём в фильме «Доживём до понедельника». Был фильм о Василии Витальевиче Шульгине «Суд истории». Был с его участием фильм «Операция трест» по роману Льва Никулина «Мёртвая зыбь».

И вот теперь этот прекрасный фильм. Едва ли не первый по-настоящему, до конца, правдивый фильм о русской интеллигенции. Конечно, ни о какой «идеализации образа А. В. Колчака» говорить здесь не приходится. Напротив, многие факты, оттеняющие самоотверженность и кристальную честность адмирала, почему-то, не нашли отражения в фильме, по-видимому, из-за его крат-

кости. Ничего не говорится в фильме и о том, что после своих самоотверженных полярных экспедиций А. В. Колчак был тяжело болен, дни его были сочтены, и «каждый день ему давался с боем» даже тогда, когда казалось, что всё хорошо и белое движение должно было увенчаться успехом, об этом мы знаем и из его жизнеописания, и из стихотворений А. В. Тимиревой:

...он совсем один с своей державой

И что идёт ему навстречу ночь.

(стихотворение «Передо мной, не в маршальском мундире...).

Не нашли отражения в фильме заслуги отца Александра Васильевича Колчака – генерал-майора Василия Ивановича Колчака (1837 – 1913), человека известного на службе своей прямоотой и исключительной честностью. В. И. Колчак участвовал в героической обороне Севастополя и был одним из семи выживших защитников Каменной башни на Малаховом Кургане, найденных французами и взятых в плен в бессознательном состоянии среди горы трупов.

Очень кратко показана самоотверженная исследовательская деятельность Колчака, его увлечение океанографией и гидрологией, публикация научных работ, участие в организованной Российской Академией наук экспедиции барона Э. В. Толля, которая началась 21 июля 1900 г., на шхуне «Заря» к берегам Таймыра. Колчак руководил гидрологическими работами и исполнял обязанности магнитолога, вёл интенсивную научную работу. В апреле-мае 1901 г. Колчак вдвоём с Толлем путешествуют по Таймыру и в 1901 г. Толль назвал именем Колчака открытый остров в Карском море и мыс. По возвращении в Петербург после доклада Академии наук о проделанной экспедицией работе, как это предписал ему Толль, Колчак сразу же организует экспедицию в составе 17 человек для поиска и спасения Толля, который с магнитологом Ф. Г. Зебергом и двумя каюрами отправился пешком к северу от Новосибирских островов. После тяжелейшего перехода к острову Беннета на нартах, запряжённых собаками (5 мая – 7 декабря 1903 г.) Колчак и его спутники обнаружили документы экспедиции Толля, дневники и коллекции и выяснили, что Толль и его трое спутников погибли, им не хватило провизии. После этих двух полярных экспедиций в невероятно тяжелых условиях Колчак всю оставшуюся жизнь страдал тяжелой формой ревматизма. Надо было возвращаться в Петербург и 29-летний исследователь, получивший от современников прозвище Колчак-Полярный, больной и измученный двумя экспедициями, отправляется в обратный путь в Петербург, где он должен был обвенчаться со своей невестой Софьей Фёдоровной Омировой. Однако по дороге в Петербург Колчак узнает о начале русско-японской войны, поэтому телеграммой вызывает невесту и

родственников в Иркутск и после венчания прямо из церкви отправляется в Порт-Артур.

Колчак командует миноносцем «Сердитый», затем из-за очень тяжёлого ревматизма его отправляют командовать батареей на сухопутном фронте. Он получает ранение и попадает в плен, через четыре месяца возвращается в Россию и получает чин капитана второго ранга, золотую георгиевскую саблю за храбрость и назначается в группу для разработки планов дальнейшего развития военно-морского флота. В результате работы данной группы был создан Морской Генеральный штаб, составляется судостроительная программа. Строительство новых морских судов идёт крайне медленно, так как для получения ассигнований морским офицерам приходится энергично лоббировать свою программу в гнусном детище революции 1905 г. – Думе. В результате необходимые России корабли вступили в строй только в разгар мировой войны, другая часть заложенных тогда кораблей была достроена только в 30-ых годах.

В то же время Колчак продолжает заниматься наукой. С его участием проектируются специальные ледокольные суда «Таймыр» и «Вайгач». Они были спущены на воду в 1909 г. и отправились в картографическую экспедицию к Берингову проливу и мысу Дежнёва. Колчак в данной экспедиции командовал ледоколом «Вайгач» и по возвращении в Петербург опубликовал в Записках Императорской Академии наук большую монографию «Лёд Карского и Сибирского морей», в которой изложил полученные им результаты о гляциологических исследованиях в Арктике.

С участием Колчака Морской генеральный штаб разрабатывает план защиты Петербурга и Финского залива с помощью минных заграждений при угрозе нападения. В 1914 г. Минная дивизия, не дожидаясь разрешения морского министра или Николая II, выставляет по приказу Эссена минные заграждения в водах Финского залива, а осенью при участии Колчака разработана операция по минной блокаде немецких военно-морских баз. Эта активная и самоотверженная деятельность Колчака нашла отражение в фильме. Только один эпизод, но очень характерная и запоминающаяся деталь, когда Колчак сам идёт на им же выставленные минные поля, заманивая туда неприятеля. В результате, как мы знаем, было подорвано 8 германских эсминцев и 11 транспортов, а также 4 германских крейсера, два (по другим данным, три) из которых затонули. В июле 1916 г. Высочайшим приказом Колчак был произведён в вице-адмиралы и назначен командующим Черноморским флотом.

Дальнейшие трагические и прекрасные обстоятельства жизни и борьбы Колчака переданы в фильме Андрея Кравчука довольно подробно. Только

жаль, что не представлены ни все те безукоризненные в своей кристальной честности поступки адмирала, которыми он по существу обрёк на поражение себя и всё Белое движение, ни его остроумные, мудрые и человеческие высказывания и оценки событий, ни оценки его со стороны современников, главным образом, его соратников. Приведём некоторые из них здесь.

«Отцы социализма, я думаю, давно бы уже перевернулись в гробах при виде практического применения их учений в нашей стране. На почве дикости и полуграмотности плоды получились поистине изумительные. Это хуже, чем проигранное сражение, это хуже даже проигранной компании, ибо там всё-таки остаётся хоть радость сопротивления и борьбы, а здесь – только сознание бессилия перед стихийной глупостью, невежеством и моральным разложением».

После казачьего переворота в Омске и ареста всех четверых руководителей Директории во главе с Н. Д. Авксентьевым Совет министров Директории объявил о принятии на себя всей полноты верховной власти, а затем постановил вручить её А. В. Колчаку с присвоением ему титула Верховного Правителя Российского государства. Обращаясь к населению, Колчак заявил: «Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройств государственной жизни, объявляю, что не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности». Вся деятельность новой власти объявлялась нацеленной на то, чтобы «временная верховная власть Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего могла бы передать судьбу государства в руки народа, предоставив ему устроить государственное управление по своей воле».

«Я прошу вас уяснить, как я сам понимаю своё положение, свои задачи. Они определяются старинным рыцарским девизом “Ich diene” – “Я служу”. Я служу Родине, своей Великой России так, как я служил ей всё время, командуя кораблём, дивизией или флотом».

«Давеча получил странное предложение помощи от Маннергейма. Он предлагает двинуть стотысячный корпус на Петроград, но взамен ждёт от меня признания независимости Финляндии. Я ему ответил, что идеей Великой неделимой России я не торгую и не поступлюсь никогда ни за какие минутные выгоды. Это моё кредо».

«Американская “war for democracy” – вы даже не можете представить себе, что за абсурд и глупость лежит в этом определении цели и смысла войны».

На предложение генерала Жаннена передать золотой запас России, размещённый Колчаком на хранение в омском филиале Госбанка, на хранение союзникам, Колчак резко ответил:

«Я лучше передам его большевикам, чем вам. Союзникам я не верю».

«Я не мыслю себе будущее России иначе, как демократическое и свободное от насилия. Моя мечта, я знаю, имеет вечное и неизменное значение. Возможно, что я не осуществлю её, но я могу жить только с нею и только во имя неё. Моя родина оказалась несостоятельной осуществить эту мечту».

Существует весьма правдоподобная версия, что когда А. В. Колчака вместе с председателем омского правительства Виктором Николаевичем Пепеляевым вывезли на расстрел на берег реки Ушаковки, то по предложению Колчака ему было предоставлено право, которое деятели французской революции, начиная с Наполеона, предоставляли офицерам и префектам – право командовать собственным расстрелом. Как обращает внимание Н. Михалков, даже если это всего лишь легенда, подобные легенды народ слагает только о людях таких, как Колчак, а не о таких, которые его судили и расстреливали.

Когда весть о гибели адмирала достигла русской эмиграции, в Париже состоялась панихида по А. В. Колчаку. На панихиде выступил, в частности, Иван Алексеевич Бунин:

«Настанет день, когда дети наши, мысленно созерцая позор и ужас наших дней, многое простят России за то, что всё же не один Каин владычествовал во мраке этих дней, что и Авель был среди сынов её. Настанет время, когда золотыми письменами на вечную славу и память будет начертано его имя в летописи Русской Земли».

Тема чистой и светлой любви Александра Васильевича Колчака и Анны Васильевны Тимиревой в фильме «Адмиралъ» передана, по нашему мнению, абсолютно безукоризненно, с исключительной психологической достоверностью и точностью, и полностью соответствует духу русской культуры и характеру отношений в среде русской интеллигенции. Их дневники, сохранившиеся письма, материалы допросов, наконец, стихи, обращённые друг к другу, и в особенности солидное поэтическое наследие Анны Васильевны Тимиревой служат неопровержимыми доказательствами глубокой психологической достоверности данной киноповести. Психологический колорит «Адмирала» вполне соответствует рассуждениям о любви Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, А. А. Блока и Л. Д. Менделеевой, или программной работе Владимира Сергеевича Соловьёва «Смысл любви». Трудно было бы найти более правдивое произведение о судьбах и чувствах, о русской культуре и русской интеллигенции, чем фильм (не телефильм, в которой образ адмирала и А. В. Тимиревой значительно снижен, а кинофильм) «Адмиралъ». Жаль, конечно, что ни до, ни после «Адмирала» не выходило на экраны равного, или даже близкого к нему, фильма.

Ещё более жаль, что одноимённый телесериал, вышедший в 2009 г., оказался значительно слабее фильма, образы снижены, психологический колорит эпохи несколько нарушен нелепыми, не относящимися к делу эпизодами, а ничего существенного к фильму не добавлено.

Анна ТИМИРЕВА

(1893 – 1975)

* * *

Над городом сон, над полями тьма.
Но жизнью ночью живёт тюрьма.

До света огни в коридорах горят.
До света ходят, ключи звенят.

Окно открывается – там и тут –
И сонные люди с постелей встают.

И за спину руки, походкой раба,
Идут туда, где ждёт их судьба.

Где жизнь, и работа, и каждая связь
Разбиты, оплётаны, втоптаны в грязь...

* * *

Наперекор тюрьме и горю,
Утратам, смерти, седине
К ночному северному морю
Всё возвращаюсь я во сне.
Встают и движутся туманы
В рассвете золотой зари
Туда, под старые каштаны,
Где о любви ты говорил...
Где, жизни сдав себя на милость,
На крестный путь ступила я
И где навек переломилась
Судьба печальная моя!



* * *

Какими на склоне дня
 Словами любовь воспеть?
 Тебе вся жизнь отдана,
 И тебе посвящаю смерть.
 По дороге горестных дней
 Твоё имя меня вело,
 Но незримо любви твоей
 Осеняло меня крыло.

Оттого, что когда-то ты
 Сердце к сердцу ко мне приник.
 И сейчас, у последней черты,
 Слышишь, бьёт горячий родник!
 Только тронь – зазвенит струна,
 И о чём я ни стану петь,
 Но тебе вся жизнь отдана,
 И с тобой я встречаю смерть.

* * *

Под старость лет, придя к долготерпению,
 И всё простив неласковой судьбе,
 Всем сердцем полюби и помышленьем
 Клочок земли, доверенный тебе.
 И вновь тебе откроются забавы,
 Которым прежде даже не был рад:
 В росе по утру ласковые травы,
 В пролёт террасы золотой закат...
 И чтобы каждый день твой был отмечен
 Крупинкой радости, хоть самую простой,
 Событием станет, радостным, как встреча,
 Цветенье роз, посаженных тобой.



Проводы Ахматовой

На грязных больничных задворках
Стояли в холодных лужах...
А мир будто сделался уже,
И было нам стыдно и горько,
Что всё так бедно и убого.
Собрались – почти по секрету
В последнюю путь-дорогу
Навек проводить поэта...

Но ясен был лик величавый
И нашего чужд смятенья!
Такой принимала славу,
Удары и униженья,
Таковыми снежными горы
Когда-то видала я в детстве...
Стихи да высокое горе –
Богатое наше наследство.

* * *

Полвека не могу принять,
Ничем нельзя помочь,
И всё уходишь ты опять
В ту роковую ночь.

А я осуждена идти,
Пока не минет срок,
И перепутаны пути
Исхоженных дорог.

Но если я ещё жива,
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе.

(1970)



* * *

Передо мной, не в маршальском мундире,
 Каким для всех запечатлён навек,
 А в чем-нибудь помягче и пошире,
 По вечерам один в своей квартире
 Такой усталый старый человек.
 Весь день он был натянут, как струна,
 И каждый шаг ему давался с бою,
 И вот теперь настала тишина,
 Но нет ему отрады и покою.
 Приходит он, из тайников стола
 Достанет свёрток с снимками рентгена
 И смотрит, как на них густеет мгла
 В растущих пятнах губительного тлена,
 И знает, что ничем нельзя помочь —
 Ни золотом, ни знанием, ни славой, —
 Что он совсем один с своей державой
 И что идёт ему навстречу ночь.

* * *

Уходили бабы по обетам
 От горшков, ухватов и печей
 По дорогам ласкового лета
 К золотым крестам монастырей.
 Шли в лаптях, с котомкой за плечами
 И с краюхой хлеба в дальний путь
 Степью и дремучими лесами
 Вольной жизнью глубоко вздохнуть.
 Утешенье вымолить у Бога,
 О нехитром счастье попросить.
 Далека нелёгкая дорога —
 Тянется, как от кудели нить.
 А вернувшись, долго вспоминали,
 Будто с плеч свалили целый пуд,
 Будто легче стали все печали
 И отрадней самый тяжкий труд.

Георгий ВАСЮТОЧКИН

Консюмеризм как финал современной цивилизации

И всему конец...
Ф. М. Достоевский

Предисловие

Дискуссии вокруг «кризиса общества потребления» выплеснулись на общественную сцену лишь в последние два кризисных года. До этого проблема не выходила за двери кабинетов философских кафедр или за пределы малотиражных учёных монографий. Наиболее экономически активная, молодая (до 40 лет) часть российского общества, упоённо наращивавшая свои капиталы, не была озабочена необходимостью философского оправдания её приобретательски-потребительской ухватчивости. Сегодня о таком кризисе говорят и пишут всюду, но среди многочисленных публикаций на эту тему чаще всего попадаются либо сетования по поводу ставшей угрожающей глобальной нехватки природных ресурсов, либо инвективы в адрес «золотого миллиарда планеты», живущего в своё удовольствие за счёт остальных восьмидесяти процентов землян. Я исключаю тему социальной поляризации в каждом из современных государств из своего анализа — об этом уже было говорено много и правильно.

Эту статью можно было бы и не писать, поскольку всё, объясняющее ситуацию момента, уже сказано и написано добросовестными учёными и публицистами. Мне — и по складу натуры, и по направленности интересов просто удобнее сделать популярный материал, обобщающий нужные сведения, разбросанные по страницам различных изданий за последние полвека, которые я собирал «на случай» из личной душевной неприязни к «приобретателям», коренившейся во мне с малых лет. Поэтому здесь я выступаю — в меру сил и авторской честности — как старательный компилятор всего нужного для темы, обозначенной в заглавии. Это оправдывает наличие в тексте развёрнутых фрагментов из работ других авторов и многочисленные ссылки на первоисточники.

I. Взгляд на календарь — когда начался кризис общества потребления?

В середине XX-го века противоборствовали две великие утопии — американская, о справедливом обществе, построенном на праве каждого жить, быть свободным и стремиться к счастью, обществе, где индивид — первичен, а

государство вторично. И советская, провозглашавшая построение общества без эксплуатации, достигающего всеобщей обеспеченности и других благ на началах коллективизма при доминировании интересов государств над интересами личности. Первая утопия реализовывалась на основе капиталистического, вторая – социалистического способов производства. После Второй мировой войны в США капитализм существовал в самом чистом виде – при Президенте Гарри Трумэне лишь треть экономики США была управляема государственными структурами (сейчас – много более), а военная мощь США была достаточной для сдерживания коммунизма в разных регионах Восточного полушария – от Берлина и Греции до Кореи. Экономическое и военное превосходство Америки над странами остального мира было бесспорным.

В середине XX-го века «американская мечта» о счастливой стране, построенной на свободной инициативе личности, торжестве индивидуального созидательного начала терпит крах. Первым это увидел нобелевский лауреат, знаменитый прозаик Уильям Фолкнер.

«Была американская мечта: земное святилище для человека... Мечта, сливающая в едином звучании голоса индивидов – мужчин и женщин. «Мы создадим новую землю, где каждая индивидуальная личность – не масса людей, а индивидуальная личность – будет обладать неотчуждаемым правом индивидуального достоинства и свободы, основывающимися на индивидуальном мужестве, честном труде и взаимной ответственности.

– Мечта, надежда, состояние, которые наши предки не завещали нам, своим наследникам и правопреемникам, но, скорее, завещали нас, своих потомков, мечте и надежде...

– Теперь она ушла от нас.... То, что мы слышим теперь, – это какофония страха, умиротворённости и компромисса, напыщенный лепет; громкие и пустые слова, которые мы лишили какого бы то ни было смысла, – «свобода», «демократия», «патриотизм»; произнося их, мы, наконец-то разбуженные, отчаянно пытаемся скрыть потерю от самих себя.

– Дело в том, что сегодня в Америке любая организация или группа уже потому только, что действует она под маркой свободы печати или национальной безопасности, или лиги борьбы с подрывными элементами, может присвоить себе нераздельное право не считаться с индивидуальностью любого, кто в свою очередь не является членом какой-нибудь организации или группы, или недостаточно богат для того, чтобы отпугнуть их. А недостаток индивидуальной свободы лишает человека индивидуальности, он лишается всего, что стоило бы иметь или удерживать» [1].

Уже через три года после написания этих строк казавшееся незыблемым всемогущество Америки окажется под вопросом – в космосе первый советский спутник. Нация потрясена. Далее – мировой конфуз с полётом Френси-

са Пауэрса, убийство Президента Кеннеди, Вьетнамская война и призывы невменяемого претендента на пост Президента США Барри Голдуотера применить ядерное оружие в Индокитае. И в 1967 году в Нью-Йорке выходит книга Председателя сенатской комиссии по иностранным делам Конгрессмена Уильяма Фулбрайта «The arrogance of Power» – «Самонадеянность силы» (в русском переводе). Всего лишь несколько извлечений оттуда:

«Великая нация странным образом считает, что её сила – проявление божьего благословения, возлагающего на эту нацию особую ответственность за другие народы, состоящую в том, чтобы переделать их по своему образцу и подобию. Сила принимает себя за добродетель и склонна считать, что она всё может. Один раз внушив себе идею своего предназначения, великая держава не в силах расстаться с мыслью, что она может и должна осуществлять волю божью. <...> Во время первой мировой войны немецкие солдаты носили ремни, на пряжках которых было написано: «С нами Бог». Под влиянием подобной слепой самоуверенности – непомерно преувеличенного чувства силы и воображаемого чувства своего божественного предназначения – афиняне напали на Сиракузы, а Наполеон, а затем Гитлер вторглись в Россию. Попросту говоря, они перенапрягли свои силы и поплатились за это.

Я не могу даже подумать, что Соединённые Штаты с их глубокими демократическими традициями могут приступить к завоеванию мира, подобно Гитлеру или Наполеону».

И ещё:

«Мы наносили людям вред не потому, что хотели этого, совсем наоборот, чаще всего мы старались помочь и действительно помогали в некоторых весьма важных направлениях. Во многие уголки мира американцы принесли медицину и образование, производство и современную технику, но в то же самое время они принесли и самих себя, а с собой и снисходительное отношение нации, сам успех которой воспитывает презрительное отношение к другим культурам (!!! – Г. В.) Принеся с собой силу без понимания, американцы оказали глубокое влияние на менее развитые страны мира. Бессознательно американцы разрушили традиционно сложившиеся общества и расстроили их и без того слабую экономику. Они подорвали уверенность людей в себе оскорбительным применением своей собственной силы и успеха» [2].

«Я не могу даже подумать, что Соединённые Штаты могут приступить к завоеванию мира...».

Проницательный и честный сенатор полагал, что «высокомерию силы» найдётся некий внутренний противовес. Как он ошибался. Десятилетняя война во Вьетнаме (1964–1974 гг.), бомбардировка мирного Белграда в 1998-ом, участие в разделе Сербии, поддержка международного терроризма (сотрудничество с Усамой бен Ладеном в надежде сделать его организацию

орудием борьбы с Советским Союзом на Ближнем Востоке), вторжение в Афганистан (2001 г.) и Ирак (2003 г.), участие в нападении стран НАТО на Ливию. Ничем не прикрытый гегемонизм, и в итоге – страна, претендовавшая полтора века на роль образца для развивающихся стран мира, превратилась в объект всеобщей ненависти» [3].

Разве это не крах великой Утопии?

В эти же, шестидесятые годы экстремальному испытанию подвергается сама идея буржуазной демократии как благотельного рецепта для всех стран, магистрального пути человечества. Теоретик «новых левых» антибуржуазный философ Герберт Маркузе учит: чтобы взорвать буржуазное общество, нужно сделать норму патологией, а патологию нормой. Восстание студентов Сорбонны летом 1968-го, потрясшее Францию и приведшее в конечном итоге к отставке любимца нации Генерала Шарля де-Голля, «красные бригады» в Италии, вооружённые молодёжные группировки в ФРГ («Баадер Майнхоф», Кон-Бендит и Руди Дучке) кладут конец идеализации капитализма, как раз навсегда найденного оптимума для мирового развития.

Но конец шестидесятых – это и начало конца мирового социалистического лагеря. Коммунистическая утопия, в которую XX съезд КПСС вдохнул на время угасавшую было жизнеспособность, получила чёткое оформление в словах Н. С. Хрущёва о неминуемом наступлении коммунизма в 1980 г. и уходе с исторической сцены США (Мы вас закопаем!). Даже с отстранением Хрущёва от власти (октябрь 1964 г.) ещё сохранялось инерциальное движение общества по пути «построения социализма с человеческим лицом». Косыгинская экономическая реформа (1965–67 гг.) на несколько лет сообщила определённый импульс исчерпавшей свои мобилизационные ресурсы плановой экономике. ... Август 1968-го, советские танки на улицах Праги показывают это «человеческое» лицо воочию. Временная оккупация Чехословакии войсками четырёх стран Варшавского Договора, ожесточённые бои за остров Даманский в 1969-ом с отрядами КНР демонстрируют миру, что пресловутое единство стран победившего социализма – лопнувший мыльный пузырь. Иллюзии исчезают. А высадка трёх американских астронавтов на Луну – Армстронга, Олдрина и Коллинза (июль 1969) кладёт конец советской десятилетней гегемонии в Космосе. Крах великих утопий, утрата многолетней перспективы развития – на Западе, как и на Востоке, повергает мыслящие круги мировой общественности в шок. Возникает чувство истощенности цивилизационного развития.

Как раз на рубеже 1960-х – 70-х годов появляется монография Элвина Тоффлера под симптоматическим названием – «Футурошок» (1970 г.), где едва ли не впервые появляются слова «деградирующее общество потребления». Впрочем, симптомы его появления в наиболее экономически развитых странах За-

пада, «на проходе» отмечали и раньше. Философ Ханна Арендт ещё в 1960-м году пишет Гертруде фон Ясперс:

«Prosperity расширяется, разгоняемое всё более скорыми темпами. Теперь у каждого уже не две, а три машины в гараже... Мне это жутковато, трудно себе представить, что бы отсюда вышло что-то хорошее. <...> Так называемый народ, несмотря на самое сумасшедшее благосостояние, пребывает в глубочайшем недовольстве, хамстве и тайной надежде, что всё пойдёт косо, пусть даже дойдёт до беды, полон недоброжелательства ко всему и всем, но прежде всего, к так называемому Западу и демократии» [4].

Итак, на рубеже 1960 – 1970-х годов возникает тотальное чувство потери некоей объединяющей сообщества, страны и государства цели – построения некоего, основанного на разумных «научно-выверенных началах» общества всеобщего благоденствия. Как на коллективистском базисе (наша цель – коммунизм), так и на творческой активности свободного самостоятельно действующего индивидуума (США, страны Евроатлантики). Экономическая продуктивность Запада впечатляет по-прежнему, но – вспомним суждение Фолкнера, – это не тот мир, о котором помышляли творцы «американской мечты» об «обществе равных возможностей». Частная Инициатива, добросовестная конкуренция, разумный прагматизм – всё это отброшено за ненадобностью: транснациональные корпорации диктуют крестьянину из Прованса и феллаху в долине Нила, что и в каком количестве производить.

Тот же терминальный кризис целеполагающей идеи – в странах победившего социализма. В СССР на рубеже 60-х и 70-х годов начинаются перебои со снабжением (при плановой экономике!); с 1972 года провинция осаждает электрички – в Москву за варёной колбасой, а в 1981 году Политбюро ЦК КПСС уже вынуждено расписывать и принимать «продовольственную программу» – это вместо обещанного наступления коммунизма, вожделенного общества изобилия, в 1980-м году. Части победоносной советской армии увязают в афганской войне. – «Нет, ребята, всё не так, Всё не так, ребята»... (В. Высоцкий). Позже, в восьмидесятых, СССР начнёт безнадежно проигрывать Америке, разворачивающей программу «звездных войн» – очередное свидетельство того, о чём боялся и думать добропорядочный сенатор Фулбрайт – притязаний США на мировое господство.

Бюрократические аппараты государств по обе стороны железного занавеса продолжают разрастаться, но низовые массы всё острее ощущают свою брошенность вождами; утопии сходят со сцены, остаётся неэффективное администрирование. В СССР это второй концептуальный кризис на протяжении столетия – в 1917-ом приказали забыть о рае небесном, о Боге, в 1970-м лопается мечта о «земном рае». В странах Запада в конце 60-х обре-

тает голос послевоенное поколение, голос потребителей ЛСД, марихуаны, героина. Убивают последнего авторитетного проповедника – взывающего к лучшим человеческим началам, Мартина Лютера Kinga. Христианство сдаёт позиции и в странах Европы. При отсутствии возвышающих устремлений в самом человеке – по обе стороны железного занавеса – постепенно верх берут начала животные. Веками господствовавшие догмы (и поведенческие нормы) подвергаются осмеянию и забвению.

«Либералы говорят себе и другим: взгляни на эти карикатуры, ужаснись и думать, забудь о каких-то там идеалах. Вот к чему приводят мечты. В нашем мире не может быть равенства, справедливости, братства. А потому расслабься и живи в своё удовольствие. Занимайся только собой.

Вот философия, которая строится на фундаменте платоновского гротеска – абсолютно скотского равнодушия» [5].

Начало эпохи консьюмеризма (1960 – 1974 гг.) заявляет о себе и пиком на кривой скорости роста населения планеты – воплощённым лозунгом длинноволосых хиппи – «make love, not war!!!» Взгляните на таблицу, отражающую динамику роста населения планеты.*

Г о д	Численность населения (млрд. человек)	Интервал	Длительность интервала, лет	Прирост мирового населения за один год в млн. чел. и процентах от численности на начало периода (%)	
1927	2.0	1927–1960	33	1.0	1.51
1960	3.0				
1974	4.0	1960–1974	14	1.0	2.36
1987	5.0				
1999	6.0	1974–1987	13	1.0	1.92
2010	6.9				
		1987–1999	12	1.0	1.67
		1999–2010	11	0.9	1.36

* исходные данные (первые два столбца таблицы) взяты из [6]. Прогноз численности на 2010 г. уже оправдался.

Элементарные дополнительные расчёты (последний столбец) обнаруживают главное: годовой прирост, соотнесённый с численностью на начало расчётного периода, максимален (2.36%) – как раз в интервале лет становления консьюмеризма (1960–1974), времени крушения двух великих утопий, о чём говорилось выше. – Если идеалы исчезли, займёмся плотской любовью и детопроизводством... И нынешний консьюмеризм – лишь продолжение начального, «дикого» консьюмеризма равно переломных для стран обоих противостоящих лагерей и сообществ шестидесятых годов.

В абсолютном же исчислении – всего только за полвека – с 1960 года, стартовый год эпохи общества потребления, население планеты выросло более чем вдвое – с трёх до семи миллиардов человек. Ни с чем не сравнимая нагрузка на природные земные, водные и воздушные ресурсы жизнеобеспечения. При отсутствии глобальных войн, сомасштабных по человеческим потерям первым двум мировым!

Отцы-основатели «Римского клуба» – А. Печчеи, Дж. Форрестер и У. Медоуз ещё в 1968 году выступили с предупреждением о грозящей человечеству ресурсной катастрофе, но где там – если жизнь человека подчинена единственной цели, – достать (не заработать, а любыми способами достать, получить) возможно больше денег, все органы чувств его атрофируются, обратная связь разомкнута и алармистские сигналы не поступают в нужные разделы мозга такого homo consumans. Провозглашается будто бы новый жизнеуказующий тезис: живи настоящим. Словно у Тютчева подслушано:

Былое – было ли когда?

Что ныне – будет ли всегда?

Оно пройдёт.

Психология человека-однодневки, расставшегося с нравственными и религиозными направляющими, неотделима от принятого ранее как догма капиталистического, да и социалистического, миров принципа неограниченного экономического прогресса – будто бы единственно возможного условия существования человечества в постиндустриальную (она же информационная) эпоху. Но на что направлен э т о т прогресс?..

В послевоенное двадцатилетие европейские страны – участницы Второй мировой войны в разные (но сжатые) сроки восстановив разрушенные города и деревни, оказались вовлечены в захватывающее соревнование по разработке фундаментальных научных направлений, соревнование, происходившее в русле общей конкуренции двух мировых систем. Миллионы специалистов – у нас и на Западе – от академика и нобелевского лауреата до старшего инженера в закрытом НИИ, посвящали (в буквальном смысле) свои жизни проникновению в тайны Вселенной. Руководитель ядерно-

го центра, один из отцов советского ядерного оружия Ю. Б. Харитон дневал и ночевал у себя в Институте; даже обеденное время он максимально сокращал, поедая вместо полноценного обеда принесённые из дома бутерброды! Нынче двадцатилетний «менеджер по продажам» в супермаркете считает, что умрёт от перенапряжения, если не проведёт свой месячный отпуск на каком-нибудь из турецких пляжей! Оплачиваемые по литературному разряду при Сталине и после наши ведущие учёные подолгу терпели неудобства коммунальных квартир, а уж о коттеджах на Рублёвском шоссе (или у нас, в Сосново) могла помышлять лишь сотня-другая избранных. Сегодня двадцатитрёхлетний предприниматель получает под своё начало «Кировский завод» с соответствующим уровнем выплат и бонусов.

Какова же научная результативность этого «предконсюмеристетского» четвертьвекового периода (1945 – 1969 гг.)? Воспользуемся данными, опубликованными Д. Б. Архиповым [7]. Вот главные достижения мировой науки (без разделения на «советскую» и «несоветскую»).

Атомная бомба и цифровая ЭВМ с программным управлением (1945)

Космологическая гипотеза Большого взрыва (Г. Гамов – 1946)

Голография (Габор) и Транзистор (1948)

Использование ЭВМ в анализе структуры белков (Полинг и Корн – 1951)

Водородная бомба (1952)

Расшифровка «двойной спирали» ДНК (Уотсон и Крик, 1953)

Реактивные пассажирские самолёты (Ту-104 и Comet – 1954)

Мазер (Басов, Прохоров, Таунс – 1955)

Геофизические станции в Антарктиде (1956)

Искусственный спутник Земли (1957)

ЭВМ на транзисторах (1959)

Лазер (Маймн) и волоконная оптика (1960)

Запуск человека в космос (Юрий Гагарин, Алан Шепард, Вирджил Гриссом – 1961)

Доказательство двух видов происхождения нефти (1963)

Кварковая гипотеза (Геллманн и Цвейг – 1964)

Расшифровка «правил» генетического кода (1965)

Пересадка сердца (Барнард – 1967)

Компьютерная томография (1968)

Единая теория электромагнитных и слабых взаимодействий (1968)

Космонавты на Луне (1969)

Впечатляющий перечень, даже без добавления в него открытия Ж. И. Алфёровым гетероциклических структур – на основе которых создавались первые интегральные схемы. А теперь сравним – что сумело подарить че-

ловечеству сорокалетие мирового консьюмеризма (постиндустриального общества):

Микропроцессор Intel-4004, запустивший компьютерную революцию (1971)
 Теория нелинейной термодинамики (Пригожин – 1974)
 Начало генной инженерии, и другие открытия микробиологов (1974–1984)
 Суперкомпьютеры, персональные компьютеры, компьютерные сети (1977)
 Обнаружение кварков (1970 – 1978)
 Объяснение ледниковых периодов (буровые работы на станции «Восток» в Антарктиде – 1985)
 Нанотехнологии, нанотрубки, фуллерены (1986)
 Новая теория движения тектонических плит (1989)
 Мировая компьютерная сеть Интернет (1990)
 Клонирование овцы (1996)
 Новые биосенсоры (1998)

Перечень открытий заканчивается у Д. Б. Архипова на рубеже тысячелетий, и пусть читатель допишет его сам за последнее десятилетие (2000 – 2010). Кажется очевидным, что наука «общества потребления» сосредоточилась на высоких технологиях передачи и обработки информации (микропроцессор, суперкомпьютеры, сеть Интернет) и генной инженерии, которая, по-видимому, ещё не заявила о себе особо полезными выходами в медицинскую практику.

В космосе ничего принципиально нового после полёта космонавтов на Луну и массового запуска коммерческих спутников связи не состоялось, – за минувшие полвека на околоземных орбитах успело побывать и поработать 517 космонавтов – 332 из США и 108 из СССР и РФ [8], но смелые воодушевляющие планы заселения человеком «далёких планет» оставлены как нереальные. Для сравнения: за те же 50 лет с момента первого полёта братьев Райт (1903 г) авиация стала определяющим фактором мировых коммуникаций. И напрасно американские астрономы надеются привлечь инвесторов сообщением о том, что ими найдено 1235 (!) новых планет, «многие из которых могут быть обитаемыми и достигать размеров Земли». Вашингтон только что прекратил финансируемую с 1960-х годов программу поисков внеземных цивилизаций (SETI) [9].

Спутники на геостационарных орбитах работают на потребительский рынок, и как не вспомнить, что в начале 60-х государства не жалели средств на финансирование некоммерческих программ освоения Космоса. Президент США Джон Кеннеди заявлял тогда: «Мы решили достичь Луны в этом десятилетии не потому, что это так легко, а потому, что это чрезвычайно сложно»;

потому, что это ведь послужит организации наших энергий и умений и определит им цену!» [10]. Сейчас некому стало заботиться о консолидации наций.... А что до наших повседневных космических забот, – о полёте на Марс и думать нечего: Глава Роскосмоса Анатолий Перминов туманно высказался насчёт возможности полёта на красную планету – «после 2035 года». А к выполнению гособоронзаказа на текущие нужды в 2011 году «предприятия ракетно-космической отрасли в настоящий момент не готовы» [11]. «Зачем какие-то сверхусилия, не говоря уж о добровольном сгорании на жертвеннике науки подобно супругам Кюри или Игорю Курчатову? Знаменитый философ XX века М. Хайдеггер тогда же, на переломе эпох, в поздние шестидесятые писал: в Европе (и тем более в Америке) уже нет бытия – там есть подручное приручённое существование, когда субъект такого существования сидит перед телевизором или компьютером, имея в качестве собственности всю Вселенную...» [12].

II. Процесс потребления физиологически не ограничен

Западные теории «неограниченного роста экономики» смыкаются с принципом противостоявшей им коммунистической доктрины: «от каждого по способностям, каждому по его потребностям». Но потребление есть следствие приобретения – пищи, одежды, предметов постоянной необходимости. Вот что писал – еще в 1930-е годы знаменитый британский интеллектуал Олдос Хаксли:

«Инстинкт приобретения знает больше извращений, чем половой инстинкт. Страсть к деньгам приобретает более причудливые формы, чем даже любовь. Ни один человек не бывает поглощён половой жизнью – потому, что в половой жизни возможно физиологическое удовлетворение, а когда дело касается денег, оно невозможно. Наше тело буквально принуждает половой инстинкт проявляться нормально. Но когда дело касается приобретения, тогда нет регулятора, нет плоти. Самая лёгкая склонность к извращениям немедленно проявляется. Но, может быть, слово «извращение» в этом контексте бессмысленно. Говоря об извращении, мы подразумеваем некоторую норму, от которой оно является отклонением. А какая норма в вопросах приобретения?» [13].

Эту же мысль подхватывает и развивает современный исследователь:

«Потребление сегодня уже практически утратило связь с удовлетворением некоего уже существующего набора потребностей (так его понимала классическая экономическая теория), укоренённых в человеческой биологии. Это такой процесс, в который покупатель активно вовлекается ради попыток создания и поддержания своей идентичности... Консьюмеризм

превратился в активный процесс, задействующий символические конструкции как индивидуальной, так и коллективной идентичности. <...> Люди пытаются стать теми, кем они хотят быть, приобретая вещи, которые, как они воображают, помогут им создать и удержать идею самих себя, свой образ, свою «айдентити». <...> Предвкушение покупки, желание зачастую переживается как приносящее большее удовольствие, нежели сам акт потребления. Это значит, что у потребления нет пределов. <...> Итак, потребляются идеи, а не вещи. Поскольку это идеальная практика, у неё не может быть конечного физического насыщения. Потребление основано на нехватке – на желании того, что отсутствует. Современный потребитель, следовательно, никогда не будет удовлетворён» [14].

Становится очевидным, что самооценка, самоидентификация личности в постиндустриальном обществе определяется не творческими достижениями, не способностью постигать то, что остаётся недоступным пониманию другого (Л. Н. Толстой в какой-то из бумаг оставил примерно такую запись (передаю лишь её смысл – по памяти): «что мне за дело, что сосед выгодно лесу прикупил – меня больше уязвило бы вот что: он понимает интегральное вычисление, а я – нет» (именно так: вычисление, а не исчисление).

Среди современных потребителей нет места ни капитану Скотту, ни Рольфу Амундсену, ни Пржевальскому, ни Н. И. Вавилову, ни Циолковскому, ни Солженицыну, работавшему над своими произведениями шестидесятых годов при дневном пищевом рационе, положенном им самому себе, в один рубль. То есть налицо – коллективная деградация всей современной цивилизации.

И можно ли забыть о том, что о нарастающем «потребительском буме» А. И. Солженицын сигнализировал ещё до выпуска «Римским клубом» своих предостережений человечеству, – в малоизвестной читателю пьесе «Свеча на ветру» (другое название – «Свет, который в тебе»), написанной ещё в Рязани, в 1960-м году! Одно из главных действующих лиц, знаменитый профессор-музыковед Маврикий Крэйг, живущий вполне комфортно – домашняя библиотека, коллекция тонких вин, дорогие столовые сервизы.... Чувствуя приближающийся конец, он вдруг ужасается тому, что всю свою благополучную жизнь он разменивал на приятные дорогие ненужности. Ниже – фрагмент пьесы. Крэйг исповедуетсЯ своей дочери, Альде:

Маврикий: Альда! Мы в жизни очень боимся пожалеть о чём-нибудь упущенном. Мы мечемся всё брать, чтоб только не жалеть. А вот когда страшно пожалеть – умирая.... Как это жить, чтоб не жалеть, умирая?

Альда: Папа! Вспомни свой юбилей! Сколько учеников! Сколько благодарностей!

Маврикий: Учеников давнишних лет, когда я мог ещё что-то.... Да и тех половина не стоит ничего... Я натолкал в них терминов и цитат, а чувства верного – ни крупцы. Ничтожная жизнь!.. Я жил в этом вертепе счастливых – и он меня съел.... Но почему мы так поздно слышим этот рог? эту трубу? – бесполезно и поздно.... Ещё в понедельник наши головы были заняты тем, какой сервиз покупать – японский или китайский?.. Как это важно! А жестяная облезлая кружка – чем она хуже? И если бы дали ещё год разумной жизни, только чтобы пить из такой кружки?..

Замечательный русский философ Александр Панарин (лауреат высшей литературной награды – солженицынской премии) находит сжатые обобщающие формулировки, раскрывающие смысл и «потребительского бума», и утраты наукой своего общественного предназначения, и ухода потребителей всех мастей в виртуал:

«Рационализация предполагает подчинение инстинкта разуму: потребительское сознание, напротив, олицетворяет собой капитуляцию разумной воли перед «инстинктом удовольствия»;

– Все те знания, которые не имеют отношения к производству богатства, оказываются излишними, обречёнными на отмирание;

– Параллельно с виртуальной экономикой развивается и виртуальная наука, производящая новую научную информацию в обход таких реальных величин, как вещество и энергия;

– Чем выше безразличие к тому, каковы вещи сами по себе, тем выше вероятность строительства в науке виртуального мира, оторванного от Знания, затрагивающего основы – вещество и энергию.

– Особенностью современного потребительского сознания является его стремление уничтожить дуалистскую структуру мира, в которой издавна соседствуют два начала: сфера обмениваемого, продаваемого, и сфера самоценного, не измеряемого в деньгах;

И – как нокаутирующий удар по идеологии «общества потребления»:

– Современный либерализм сводится к уклонению от обязанностей и долга и потаканию такому отклонению. <...> Современная либеральная идеология,... безусловно, примитивнее и вульгарнее марксизма» [15].

Множественность сфер потребления описывается рисунком, поясняющим физический смысл принципа Гюйгенса. Каждая точка волнового сферического фронта является центром возникновения новой волны – и так до бесконечности. Волна захватывает всё материальное пространство. Вице-президент США при Президенте Клинтоне, Альберт Гор нашёл удачное сравнение. – «С течением времени наркоману нужна всё большая доза, чтобы поддерживать стабильный уровень возбуждения. Подобным же образом наша

цивилизация требует постоянного роста потребления природных ресурсов на душу населения. Возможность пережить яркую и наполненную ощущениями жизнь, не испытывая сопутствующих ей страха и боли – таково ложное обещание, лежащее в основе наркоподобного пристрастия» [16].

Если сами лидеры западного мира отчётливо видят тупик в конце постиндустриального периода, ложные увлекающие соблазны консьюмеризма, значит нужно срочно что-то предпринимать. Один из столпов западноевропейского финансового мира Жак Аттали в своей, написанной ещё в девяностые годы пророческой книге – «На пороге нового тысячелетия» утверждает:

«Если мы намерены сохранить мир, пригодный для нормального существования, изолировать его от нового, нарождающегося (защититься от консьюмеризма – Г. В.), избежать маниакального стремления к росту производства, <...> то нам нужно пересмотреть законы политической экономики и глобальный баланс сил. Мы не можем позволить нашему будущему стать таким веком, который постоянно подталкивает вперёд и даже самым фатальным образом стремится преодолеть границы человеческой жизни.

– Если человек, этот захребетный паразит, превращает Землю в археологическое безжизненное пространство, это значит, что его мечта о материальном благополучии может уничтожить саму жизнь» [17].

И автор, находящийся в первом ряду лиц западного экономического истэблишмента, произносит уничтожающие слова по адресу лидера (всё ещё!) современного Запада – Соединённых Штатов Америки.

«За последние несколько лет в США не было изобретено ничего нового, за одним единственным исключением – микропроцессор. Соединённые Штаты почти ничего не экспортируют из произведённых у себя товаров – ни автомобили, ни телевизоры, ни бытовую технику. <...> Все эти печальные изменения коренятся в глубокой культурной мутации, в культе немедленного удовлетворения своих запросов, в чувстве благодушия и самодовольства» [17].

III. «Не может дюжина червей б е с к о н е ч н о изгрызть одно и то же яблоко»

Слова, вынесенные в заголовок раздела, взяты из «Письма вождям Советского Союза» А. И. Солженицына (5 сентября 1973 года). Непосредственно за ними там следует:

«Если земной шар ограничен, то ограничены и его пространства и его ресурсы, и не может на нём осуществляться бесконечный, безграничный прогресс, вдолбленный нам в голову мечтателями Просвещения... Весь «бесконечный прогресс» оказался безумным нерассчитанным рывком че-

ловечества в тупик. Жадная цивилизация «вечного прогресса» захлебнулась и находится при конце.

И не «конвергенция» ждёт нас с Западным миром, но – полное обновление и перестройка и Запада и Востока, потому что оба в тупике» [18].

Почти сорок лет назад, на старте эпохи консьюмеризма прозвучало это предостережение – но как же мирянину – что у нас, что на Западе – обойтись без банки пива, икры, копчёной колбасы, джинсов и авторучки Parker. А в последние двадцать лет – без личного авто, мобильного и частых поездок на Канары и в Анталию. Достоевский понимал это ещё полтора столетия назад:

– Да я за то, чтобы меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить [19].

В 1804 году нашу планету населял один миллиард. Гуманисты Просвещения владели умами, провозглашая главенство «просвещённых» интересов человека. Богатства земных недр оставались п о ч т и нераспечатанными. Начинаясь изнасилование природы уже имело теоретическое «оправдание».

В своё время Ренэ Декарт, Френсис Бэкон и другие архитекторы НТР определили человека, как свободный от телесной оболочки интеллект, отчуждённый от физического мира.

– Картезианский подход к преданию о человеке позволяет считать, что отчуждённость от Земли даёт право видеть в ней всего лишь неодушевлённую совокупность ископаемых богатств, которые мы вольны эксплуатировать, как захотим. Эта ошибка восприятия и привела нас к нынешнему кризису [16].

– Не садовод-самоучка из провинциального Козлова «одарил» коммунистов ключевой фразой, оправдывающей покорение ими природы («Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у неё – наша задача»). Впрочем «взять» – ещё не означало: «взять силой». Западная мысль простиралась глубже. Ещё в начале XVII-го века Френсис Бэкон положил целью человека установление власти над природой и победу над ней [20].

Всего несколько прикосновений к уничтожающим статистическим показателям:

– чтобы произвести 1 литр апельсинового сока во Флориде требуется 2 литра бензина и 1000 литров воды;

– при производстве 1 т. бумаги расходуется 98 тонн различных материалов;

– количество отходов, возникающих при изготовлении полупроводникового микрочипа более чем в 100000 раз превышает его вес;

– чтобы обеспечить потребности одной среднестатистической американской семьи среднего класса в течение года промышленность добывает, экстрагирует, перерабатывает, сжигает и сбрасывает почти 2 млн. кг материалов. В расчёте на одного человека – 500 тонн;

– общее количество ежегодных отходов в США, включая сточные воды, сейчас превышает 23 млрд. тонн в год. Регенерируется менее 2% от общего потока отходов [21].

Подобных статистических данных хватило бы на отдельную брошюру. Лучше процитировать здесь обобщающий их вывод:

– индустриальные системы в значительной степени игнорируют обратную связь с окружающей средой, круговорот материалов отбирает у природы высококачественный естественный материал в форме нефти, газа, дерева, полезных ископаемых и возвращает его в форме **о т х о д о в** [21].

Ещё несколько впечатляющих фактов «под занавес».

– За последние 35 лет (1967 – 2002 гг.) использовано 80-85% нефти и газа, добытых со времён античности.

– По данным на 2002 год срок обеспеченности России нефтью – 19 лет [22].

Вот уж лет двадцать, как потребителей углеводородов обнадеживают лазурными перспективами перехода на добычу основного энергоисточника – природного газа – из сланцев. Но в год кризиса – 2009-й – в США добыча сланцевого газа неожиданно выросла до 51 млрд. куб. м. – т. е. до 10% общей добычи газа в Америке. Однако специалисты считают, что по этому «пилотному» проекту сегодня (возможно в рекламных целях) отбираются «сливки» из наиболее «дебитных» скважин. Во многих – в первую очередь горных – районах таких сланцев просто нет. И для многих стран Европы и – особенно – Азии (Япония, Тайвань, Южная Корея) переход на сланцевый газ невозможен. Да и срок эксплуатации таких скважин – год-два вместо двадцати лет для скважин натуральных газовых структур. К тому же – по результатам исследований Корнельского Университета США – на сланцевый газ приходится на 20% больше выбросов парниковых газов в атмосферу, чем на каменный уголь. Экономические риски перехода на этот новый способ добычи сырья не просчитаны. Да и затраты по добыче сланцевого газа на порядок больше, чем у традиционного газа: более 200 долларов на 1 тысячу куб. м. [23]

При столь тревожной перспективе истощения основных энергоносителей планеты беззаботность современных потребителей, радующихся каждой новой модели мобильного телефона или гидрокостюма, «Лексуса» или «Мицубиси», подобна радости детей дошкольного возраста, зажигающих костёр на полу детской... Пусть эти горестные раздумья о ближайшем будущем, которое может не наступить, завершает резюме публициста Николая Беляева:

– Мы вошли в западную систему тогда, когда её «позитивные очевидности» уже у м е р л и, т. е. она уже не имеет в себе никаких потенциалов развития, а значит, и вошедший в эту систему не имеет в ней никакого будущего, кроме окончательной гибели системы.

– Российский обыватель ринулся в капитализм не затем, чтобы много и хорошо работать, но только затем, чтобы просто и прямо без всякого труда безудержно потреблять и получать разом все удовольствия. Предмет, это всё дающий – деньги.

– Как следствие, мы разрушили не социалистическую экономику, но экономику как таковую, не социалистические государственность и законность, а государственность и законность как таковые. И никакие законы, указы, проекты, политические акции ничего не изменят, ибо единственная цель и критерий нашей успешности – деньги.

– Логика развития кризиса неизбежно ведёт к рождению новой системы отношений, новой цивилизации [24].

Источники:

1. Уильям Фолкнер. О частной жизни (Американская мечта или что с ней произошло?) (1955) В сб. Уильям Фолкнер. Статьи, речи, интервью, письма. М. 1985.

2. Дж. Уильям Фулбрайт. Самонадеянность силы. М. 1967. сс. 11 и 19.

3. Гор Видал. Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира. М. 2003.

4. Ханна Арендт. Vita Activa, или о деятельной жизни. Санкт-Петербург, 2000, с. 428.

5. Валерий Рокотов. Из котлована. Литературная Газета, 9.08.2011.

6. Источник: «О некоторых аспектах демографии и миграции населения (Справочная информация)». Сообщение Федеральной миграционной службы Российской Федерации. Информационный бюллетень Департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации. 22 августа 2000г. Воспроизведено в кн. В. Ф. Пряхина (см. [25]).

7. Д. Б. Архипов Краткая Всемирная история. Наукометрический анализ. Санкт-Петербург, 1999.

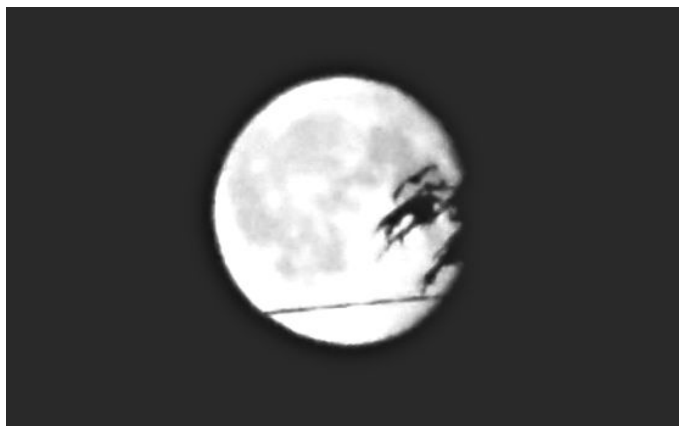
8. Леонид Радзиховский. Новая эра или фальстарт? Российская газета, 12.04.2011.

9. Вне зоны доступа. Российская газета, 28.04.2011.

10. Владислав Иноземцев. Издержки взросления. Известия, 12.04.2011.

11. Пьер Сидибэ. Посадка в ручном режиме. Российская газета. 14.04.2011.

12. Александр Казин. Конец света – не выдумка. Литературная газета, 20-26.04.2011.
13. Олдос Хаксли. Контрапункт, любое издание.
14. Андрей Приепа. Производство теории потребления. В сб. ЛОГОС. Философско-литературный журнал. Москва. 2000, № 4. сс.30-32.
15. Александр Панарин. Стратегическая нестабильность в XXI веке. Москва, 2004.
16. Альберт Гор. Земля на чаше весов. М. 1993.
17. Жак Аттали. На пороге нового тысячелетия. Москва, 1993.
18. А. И. Солженицын. Письмо вождям Советского Союза. УМСА-PRESS ПАРИЖ, 1974.
19. цит. по изданию: Ф. Достоевский. Бесы. Записки из подполья. Москва, 1994. с.506.
20. цит. по: Игорь Шафаревич. Будущее России. Имперское возрождение 2/2005.
21. Поль Хокен, Эймори Ловинс, Хантер Ловинс. Естественный капитализм. Москва, 2002.
22. данные на июнь 2002 г. «British petroleum statistical review of World energy».
23. Александр Фролов. Проблемный посланец недр. Российская газета. Выпуск «Экономика» 1 сентября 2011.
24. Николай Беляев. Новая цивилизация как неизбежность. Москва, 8/2010, с.153-172.
25. В.Ф.Пряхин. Как выжить. Новая идеология для человечества. Москва, 2008. Сентябрь 2011.



Работа Ивана ЛЕБЕДЕВА

Содержание

π³	3
<i>Предисловие</i>	6
<i>Интервью Главы Российского Императорского Дома</i>	
<i>Её Императорского Высочества Государыни</i>	
<i>Великой Княгини Марии Владимировны</i>	
Материал Олега Черницкого. Газета «Московские новости»	12
Иван Александрович ИЛЬИН	
Из книги «Наши задачи»	24
<i>Философия любви Владимира Сергеевича Соловьёва</i>	30
1. Бог есть любовь	30
2. Смысл любви	32
3. Любовь к народу	34
Калерия СОКОЛОВА	
Largo appassionata	37
Анемподлист КАЙДАЛОВ	
«Appassionata»	38
РУССКИЙ БАЛ	39
А. И. КУПРИН.	
Юнкера.Отрывок из романа	40
Глава XX Полонез	40
Глава XXI Вальс	44
Глава XXII Ссора	49
Евгений БАРАТЫНСКИЙ	
«Блится тысячью огней...»	55
Александр ПУШКИН	
Евгений Онегин. Отрывок из романа	56
Глава первая. XXVIII	56
XXIX	56
Глава пятая. XLII	57
Афанасий ФЕТ	
Бал	57
Граф Алексей Константинович ТОЛСТОЙ	
«Средь шумного бала, случайно...»	58
Графиня Евдокия РОСТОПЧИНА	
Искушение (отрывок)	58
Николай ГУМИЛЁВ	
Старина	59
Николай ЛИСТОВ	
«Я помню вальса звук прелестный...»	59

Алексей ПЛЕЩЕЕВ	
«Когда я в зале многолюдной...»	60
Иван БУНИН	
Вальс	61
Марина ЦВЕТАЕВА	
Генералам двенадцатого года	61
<i>Мария Алексеевна Дмитриева</i>	63
<i>Язык веера</i>	64
<i>Феномен Л. А. Чарской</i>	66
Л. А. ЧАРСКАЯ	
Из повести «Записки институтки»	74
Глава XVII. Высочайшие гости	74
125-ЛЕТИЕ СП6 ГЭТУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III	80
125-летие СП6 ГЭТУ Императора Александра III	81
Надежда БАРАНОВА	
Гимн ЛЭТИ	87
Ксения БУРЖСКАЯ и Алексей ЛЕБЕДЕВ	
Гимн ЛЭТИ	88
Юрий КОРОЛЁВ	
Сюрреалистический гимн ЛЭТИ	89
Лада КОРОЛЁВА	
Гимн ЛЭТИ	89
Алексей КОРОЛЁВ	
Элегия	90
Мария КУДРЯВЦЕВА	
ЛЭТИ	91
Элина ЛАПП	
Гимн ЛЭТИ (ЭТУ)	92
Людмила НОВИКОВА	
Виват, ЛЭТИ!	93
Алексей КОРОЛЁВ	
ФЭМу	93
8 МАРТА В ЛЭТИ	95
Татьяна ЗАХАРЧЕНКО	
«Во славу дам технического вуза...»	96
«Восьмое марта – самый женский день...»	96
Константин АНСИМОВ	
«Ты загадочна как фенилкетонурИя...»	96
«Ты глупа как большая советская энциклопедия...»	96
«Ты притягательна как Млечный путь...»	97
Алексей АПУХТИН	
«Когда любовь охватит нас...»	97

Поль ВАЛЕРИ. Перевод Александра Королёва	
Шаги	98
Алексей КОРОЛЁВ	
«Вас поздравляя с праздником весны...»	98
«Ещё лежат глубокие сугробы...»	99
«Желаем Вам, чтоб Ваша доброта...»	99
Альбер МЕРА. Перевод Александра Королёва	
Пейзаж	100
Луи-Ксавье де РИКАР. Перевод Александра Королёва	
Мотыльки	100
Святослав ТЕРНОВ	
«Поздравленья, подарки, цветы...»	101
Александр ПАК	
Ещё раз о Прекрасной Даме	101
Андре ФОНТЕНА. Перевод Александра Королёва	
Гимн	102
Максим ШВЕЦ	
«Любимых женщин красота...»	103
Поздравление	103
С праздником 8 марта	104
«Я знаю женщину!...»	104
КОТОСТРОФИКА и СОБАКОЛАЙСТВО	106
Ирина ЗНАМЕНСКАЯ	
Кошка	107
Олег ИЛЬИН	
«Мне сказали: про кота напиши...»	108
Морис КАРЕМ. Перевод Александра Королёва	
«Мой кот глаза открыл...»	108
Елена КАЧАРОВСКАЯ	
Кстати об обедах	109
Алина КОЛЫЧЕВА	
Кошки	109
Александр КОРОЛЁВ	
Коту Барсику	110
«Густеет сумрак за окном...»	110
Время белого кота	111
«В доме хлеба нет ни крошки...»	112
Я рисую портрет кота	112
Кн. Мария МЕЩЕРСКАЯ	
Кошачий стих	113
Ирина ЯРКОВА	
«Все пройдёт, я знаю, понемножку...»	114

Катя НИГАЙ	
Про кота	114
Людмила НОВИКОВА	
Фея	115
Анастасия ПЕРЛУХИНА	
К нам переехала Нева	116
Антон ПОГРЕБНЯК	
Кормление Кошки	116
Калерия СОКОЛОВА	
«Октябрь. Мороз. Глазастая собака...»	117
Святослав ТЕРНОВ	
Про кота	117
Вера ЧИГАРИНА	
Четыре кота на крыше	118
«По питерским мостам гуляла кошка...»	118
Максим ШВЕЦ	
В квартире	119
Ирина ЯРКОВА	
Вечер	120
Екатерина МУРАДОВА	
Кошки и ислам	120
ДЕТИ СВОБОДНОГО ПЛЕМЕНИ	124
Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ	
Осторожная волчица	125
Анастасия БОЖЕНОВА	
«Я твоей никогда не буду...»	126
Кирилл БУСУРИН	
Ветхий хуторок	126
Марина ГАДЖИЕВА	
Луна	127
Юлия ЖИВОЛУПОВА	
«Я – чужая. Я – другая. Я – не та...»	128
Кристина ЗУБОВА	
Вереск	128
Алексей КОРОЛЁВ	
Серый волк	128
БАБОЧКИ И КОМАРЫ	130
Евгений КАПУСТИН	
Элегическое посвящение комару	131
Максим ОГУРЕЦКИЙ	
«Узором расписным покрыто...»	132

Калерия СОКОЛОВА	
«Оно вернулось! Ласточкой высокой...»	132
ЗВЕРЯТА Веры ЧИГАРИНОЙ	132
«За печкой сверчки...»	132
«Леопард звонит косуле...»	133
«Павлины Арсений и Ада...»	133
«Однажды синица по имени Вера...»	133
«Пью кофе в уютном кафе я...»	133
МАТЕМАТИКИ ШУТЯТ	134
Виктор Павлович СКИТОВИЧ	
Гимн математиков	135
«На дне глубокого сосуда...»	136
Калерия СОКОЛОВА	
«Ни черта не пишется – ну и фиг с ним...»	136
«ЕЩЕ МОЛИМСЯ О БОГОХРАНИМЕЙ СТРАНЕ НАШЕЙ,	
ВЛАСТЕХ И ВОИНСТВЕ ЕЯ...»	137
ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА	138
Александра СЕВОСТЬЯНОВА	
О дедушке	138
Георгий КАШИРИН	
За оборону Ленинграда	139
Николай АГНИВЦЕВ	
«Вы помните былые дни...»	141
Сергей АЛЯКРИНСКИЙ	
Белый генерал	142
Алексей АПУХТИН	
Солдатская песня о Севастополе	143
Николай АРТЁМЕНКО	
«Вьются ленты голубые...»	144
Виктория БАЗЛОВА-БОРЦЕВСКАЯ	
Осока	145
«Знаешь, мой милый солдатик...»	146
Юлия ЖИВОЛУПОВА	
«Просто – все против всех...»	146
Сергей КОПЫТКИН	
Сербскому народу	147
В полевом лазарете	148
Польше	148
Царьградская легенда	149
Алексей КОРОЛЁВ	
12 августа 2008	150

Тост	151
Новелла МАТВЕЕВА	
«Какое странное море!...»	151
«Нет, бушевы совсем не террористы!...»	152
Дым отчества	152
Екатерина МИТИНА	
Белый	152
Владимир НАБОКОВ	
Родина	153
Расстрел	154
Валентина ОСИПОВА	
«Я сегодня чистая, как дождь...»	154
Песня черниговского полка	155
Песня уланского полка	155
Георгий ПЕТРЕНКО	
«Я грешный и одинокий...»	156
Александр ПУШКИН	
«Увижу ль, о друзья! народ неугнетённый...»	156
«Полней, полней! и, сердцем возгоря...»	157
Друзьям	157
Клеветникам России	157
Калерия СОКОЛОВА	
«Что может быть отрадней, чем Россия...»	159
«Слава Богу, я не Клеопатра...»	159
Блокадное	159
«Монологи улиц и проспектов...»	160
Александр СПОТЫКАЧ-САГАЙДАЧНЫЙ	
7 ноября	160
Вера СТЕПАНОВА	
«Грязной девкой отдаётся за рубли...»	161
Михаил СТРОКОВ	161
«Наша Русь – монастырь наш родной...»	161
Граф Алексей К. ТОЛСТОЙ	
«Колокольчики...»	163
Иван ТУРГЕНЕВ	
Крокет в Виндзоре	165
Фёдор ТЮТЧЕВ	
Чёрное море	167
Афанасий ФЕТ	
15 мая 1883 года	168

Марина ЦВЕТАЕВА	
«Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли...»	169
Саша ЧЁРНЫЙ (Александр ГЛИКБЕРГ)	
«Кто б ни божился «правдой сокровенной»...»	169
Ирина ЯРКОВА	
Не сетуй	169
СТИХИ РУ... НО...	170
Анна АВТУХОВА	
Парниковый эффект	171
Наталия АНДРЕЕВА	
«Шумит густой свободный лес...»	171
Анастасия АНДРЕЙЧУК	
Санкт-Петербург – Париж: Любовь и ненависть	172
«Я – память о доме твоём...»	173
«У смысла жизни вкус поцелуя...»	174
Елизавета АНДРИАНОВА	
Апельсин	174
«Снег сегодня нежен и прозрачен...»	175
«Красивей в мире всех она...»	175
«Нет ничего печальнее весны...»	176
«Как загадочен, чист этот огненный лёд...»	176
Наталия АЛЕКСЕЕВА	
«Пронзает душу ветер осенний...»	177
«Там соловьи поют чуть слышно...»	177
Полина АНИСИМОВА	
Предпочтенье – чистоте	178
Для любви	178
Константин АНСИМОВ	
Напишите шедевр о любви	179
Мёд	179
Эфирное	180
Тамплиер	180
Дарья АНТОНОВА	
«А мне скучно и грустно, что я снова одна...»	181
Ксения АНТОНОВА	
«Корица»	181
«В бокале красное вино...»	182
«Отчаяние»	182
Николай АРТЁМЕНКО	
«Ночью снегом весь двор завалило...»	183
«Не открывал тогда он глаз...»	183

«Сошлись в поединке жрецы вдохновенья...»	184
«В сером городе дождь и сырая дорога...»	185
Ален БАГАБО	
«Спасибо Вам Жизнь за лекции Ваши...»	185
Виктория БАЗЛОВА–БОРЩЕВСКАЯ	
Ответное письмо	186
Записки на лепестках	186
Романтика без романтизма	187
«Лиха беда – начало... Всё – с нуля...»	188
«Полынь и бессмертник...»	188
Надежда БАРАНОВА	
Неназванное-лирическое	189
Лето	189
Листья	190
«Не ждёшь, не думаешь... Давно ли?...»	190
Многозначия	190
«Ночь цепляется за подоконник...»	191
Анна БАРЕНКОВА	
«Небо лиловое ливнем лилось...»	191
«Если завтра меня не станет...»	191
«Лето по-царски с осенним приветом...»	192
«Кто-то вспорол пуховую перину небес...»	192
«Ну, нет во мне города стати...»	192
Мария БЕЗРУЧКИНА	
Детство	193
«Бестелесные блики...»	194
Павел БЕКЛЕШОВ	
В поисках себя	194
SMS	194
Зимнее	195
Елизавета БЕЛЯНИНА	
«Устало лёг задумчивый апрель...»	195
«А теперь я пройдуся каблуками...»	196
Лето моё	196
Дарья БЕРТОВА	
Обречена	197
На трассе	198
Дорога в детство	199
Константин БОБКОВ	
«Адмиралтейство – гордость наша...»	199

Анастасия БОЖЕНОВА	
«От неба пахнет дождём...»	200
Анна БОНДАРЬ	
Музыка: Frédéric François Chopin	200
Спящая	201
Анна БОХАНОВА	
«Вот и всё. Я в душе ощущаю тоску и немного досаду...»	201
«Давай в глаза друг другу взглянем снова...»	202
«В лучах моего последнего солнца запутались волосы...»	202
Юлия ВЕРТЕЛА	
Музыка вечера	202
«Я снова беспокойная ушла...»	203
Сергей БОХАНОВ	
Прощальная	203
Монастырь Коневец	204
Екатерина ВОРОБЬЁВА	
Мой Корабль	205
«Опадает, беспечных и знойных...»	205
Лето	205
Марина ГАДЖИЕВА	
1. «Ты бросил в воду камень гнева...»	206
2. «Ты простил мне мои измены...»	206
3. «Прошепчи мне свои стихи...»	207
Море	207
«Я плакала у Бога на коленях...»	207
Любовь	208
Вера ГАЙДАР	209
Без названия	209
Дарья ГАРЦУЕВА	209
Есть в поднебесье мир	209
Лунная мелодия	209
Инна ГОНЧАРОВА	
Брату	210
Нелли ГОРБАТОВА	
«Мы иногда у телевизора должны...»	210
Мама	210
Чайки и я	211
Анна ГРАДЫШЕВА	
«Я хочу быть немного кошкой...»	211
Екатерина ГУСЕВА	
Бывшая	212

«Крутится-вертится пыль вдоль дороги...»	213
Данила ДАНИЧ	213
Сонеты	213
1. «Я не люблю, вернее, не могу...»	213
2. «Мне нравится, когда блестит вода...»	214
«То были чёрные года...»	214
Евгения ДРАЧЕВА	215
«Утром на паре сажу, спросят меня или нет?...»	215
Екатерина ДУБКОВА	216
«О чём ты думаешь сейчас?...»	216
Ольга ДЬЯКОВА	216
«Золото – молчание, прячет хвост луна...»	216
«Ломка души. С подоконника падает свет...»	216
«Когда-нибудь ты, вспомнив обо мне...»	216
«Чтобы нежно ложились тени...»	217
Юлия ЖИВОЛУПОВА	
«Не-быть...»	217
«Свет в окно...»	218
«Всё стало на свои – мои! – места...»	218
«Ко дну – тону!...»	218
Наталья ЗАБЕЛИНА	
Берег	219
Алина ЗАКИРОВА	
Знаю знаки значимости	219
Алишер ЗАРИПОВ	
Поднимаясь на гору Баодай	220
Татьяна ЗАХАРЧЕНКО	
«Если кажется, всё не так...»	221
«Если фразы, то вздорные...»	221
«Пишу тебе SMS-ку...»	222
«Мне снится небо над Парижем...»	223
«Я пишу без умолку, взапой...»	223
«Как отчаянно пахнет весной...»	224
«Перевернули лист календаря...»	224
«Мои веки – обереги...»	224
Оксана ЗИНОВЬЕВА	
XXI век	225
Наталья ЗУБАРЕВА-ХРАМОВА	
Открывая Псалтирь	225
«Да, я как раз из тех...»	226

Наталья ИЛЬИНА	
Царское. Свободное	227
Дуэт	227
Олег ИЛЬИН	
«Окуная перо в inferнальную кровь...»	228
«Когда стояли мы над пропастью в ночи...»	228
«Я приду к тебе в ночь...»	229
Ирина ИОЛИНА	
«Этим воздухом не надышаться, весна!..»	229
«Ландыши, сосны и глыбы гранита...»	230
«В кругу деревьев я – в лесу...»	230
Сергей ИСАЕВ	
Евтерпе	231
Евгений КАЗАРЦЕВ	
«Что ждёт, триумф или позор?...»	231
Евгений КАПУСТИН	
Творцам	232
Русь	233
Жизнь	233
«Наедине с ветром...»	234
«Сказаны в вечность слова...»	234
Елена КАЧАРОВСКАЯ	
«Слова ничего не значат...»	234
«Ты о прошедшем тосковал...»	235
Кстати об осени	235
«Облака нежную кожу...»	235
«Душа рассыплется на нежности...»	236
«В чукотском небе бисер звёзд...»	236
Даниил КОЛМАКОВ	
«Студент выходит из парадной...»	236
Алина КОЛЫЧЕВА	
Колпино (Родному городу)	237
Андрей КОНОВАЛОВ	
«Мои мысли, по венам стекая...»	237
Александр КОРОЛЁВ	
На стихи поэтов «Золотой нити»	238
«Мы сидели дружно в бане...»	238
«Шёл я нынче вдоль пруда...»	239
Прощание Розы	239
«Старинный парк в объятиях печали...»	241
«Почему горит свеча?...»	241

«За эти страдания, мытарства...»	242
Алексей КОРОЛЁВ	
«Такого лета я не знал...»	242
Колыбельная	244
«Был дог пантерой в дымно-сизый час...»	245
«О не отпускайте, опять замело...»	245
Броуновский процесс	246
Маме	247
Голубь	247
Юрий КОРОЛЁВ	
Богатыри	248
«Санкт-Петербург распластан, как алкаш...»	249
Юлия КРАСЬКО	
«Вы знаете, что такое мужчина?...»	249
Кирилл КУДРЯШОВ	
Весна	249
Екатерина ЛАВРЕНОВА	
Небо	250
Татьяна ЛАПИНА	
Вы хотите быть игрушечной	250
Осень	251
«Как я провёл лето»	251
Письмо сыну	251
Элина ЛАПП	
«Полигоны забвенья трясёт перекрёстный огонь SMS...»	252
«Никуда. Спокойно. Сладко...»	252
«Помнишь избушку из серого бруса...»	253
Там	253
«А всё-таки жалко, Джонни, что ты не Уокер...»	254
Иван ЛЕБЕДЕВ	
«В плену золотого дождя...»	254
Владимир МЕДВЕДЕВ	
«Упрёков не надо, обиды забыты...»	256
«...И на плечо легла рука...»	256
Александра МАКАРОВА	
«Летают маленькие мошки...»	257
«Луна, обёрнутая небом...»	258
«Я сорок лет гадаю – в чём подвох...»	258
Мария МАРАЕВА	
Вечно	258

Юрий МАРТЕМЬЯНОВ	
«Звездой с небесной темноты...»	259
«Дайте голодному краюшку вселенной...»	260
Кн. Мария МЕЩЕРСКАЯ	
Ангел на флюгере	260
Но я люблю!	261
Анатолий МИКОВ	
Лимерики	262
Лимерик№1 (инновационный)	262
Лимерик№3 (домашний)	262
Лимерик №7 (про пьянство)	262
Экологическое	262
Екатерина МИТИНА	
Детские	263
«Я хочу (как Шагал свою Бэлу)...»	263
«Мой рассеянный, грустный Ангел...»	264
Новогоднее	264
Евгений МОЧЕНКОВ	
«Обещай, что навсегда...»	265
«Мой мир замкнулся, как в стеклянном шаре...»	266
«Теплеет ветер каждодневно...»	266
«Давай учить язык французский!...»	266
Иван МУРАВЬЁВ	
«Раздаются звуки, шипящие...»	267
Маргарита НЕЧИПОРУК	
Русь	267
Людмила НОВИКОВА	
Белая ночь	268
Живи, ЛЭТИ!	269
Новогодняя телевышка	270
Максим ОГУРЕЦКИЙ	
«Сосны мирно качают иголки...»	270
Артём ОРЛОВ	
«Тихо капает дождь за окном...»	270
Маргарита ОСИПОВА	
«Чего же мы с тобой недоуспели...»	271
«К мёртвым не ревнуют, мёртвых любят...»	271
«А берег одуванчиками дышит...»	272
«А белки-то распрыгались: у них переполох...»	272
Александр ПАК	
«Нарисовать тебя словами...»	273

Геометрические стихи	274
Графиня Мария ПАСКЕВИЧ	
«Нет и времени, нету сил...»	274
Мария ПАХОМОВА	
«...Погибнем мы, но наши дети,...»	274
Старая дача	275
Русская рулетка	276
Анастасия ПЕРЛУХИНА	
Из иных глубин	277
Обрывок сна на Елагином острове в майскую ночь	277
Dostoevskiy	278
Из цикла «Памяти А.А. Ахматовой».	278
Георгий ПЕТРЕНКО	
Пасха	279
Хористке	279
О современном человеке	280
«Понемногу, дворами, украдкой...»	280
Оксана ПЛЕБАНСКАЯ	
«Всегда есть тот, кому ты нужен...»	281
Антон ПОГРЕБНЯК	
Оленьке...	282
Грузинская	282
Пейзаж на ощупь	283
Виктор ПОЖИДАЕВ-ПОКЛАД	
Летние каникулы 1966 г.	284
Анастасия ПОЛЯКОВА	
«Это мой рай...»	285
«Подруга – ты понимаешь меня...»	285
Мария ПОПОВА	
«Уйти в свой мир, где музыка метро...»	285
«Пройдусь с протянутой рукой...»	286
«Россыпью бисера, ртутными каплями...»	286
Нина ПОСТНИКОВА	
«Чёрный квадрат – окно или зеркало...»	287
«Заходи, заходи...»	287
Елизавета ПОТАПОВА	
Хлебобулочные мотивы	288
«Мы знаем своих рыб...»	288
Тени	288
Станислав ПОЧЕБУТ	
Возмездие	289

Воскресенье	289
Весна	290
Маргарита РОМАНОВСКАЯ	
Чёрные одуванчики	291
Костяниковое	291
Апрель вопреки	292
Михаил СЕМЕРЕНКО	
Эдем	292
Дмитрий СЕРГЕЕВ	
«Марионетка»	294
Николай СЕРГЕЕВ	
«Издохла опера, поэзии кранты...»	294
«Я в Праге не читал стихов над Влтавой...»	295
«Путеводная звезда висит на ёлке...»	295
«Звезда абсент над нами не горит...»	295
«Стихов о зонтиках немного...»	296
Наталья СИВОХИНА	
«Потому что однажды захочешь совсем онеметь...»	296
«Оставь такой, какой всегда была...»	297
«Наконец, как и все, устать от любых идей...»	297
Василиса СОКОЛОВА	
«Несётся поезд, и стучат колёса...»	298
Калерия СОКОЛОВА	
«Февраль, а как повеяло весной...»	299
«Краснела северная роза...»	299
«Ты был опять моим дыханьем...»	300
«Ох уж эта цыганская кровь...»	300
«Ради этого трактора страдного, смрадного кузова...»	301
Наталья СОСНИНА	
«Разрыдалось небо, как девчонка...»	301
«Молнии мстительной острый кинжал...»	302
Осень	302
Вера СТЕПАНОВА	
«Годы – любимое старое платище...»	303
«Какое лето пировало...»	303
«В чечётке лета – пляжный кавардак...»	304
Музыка живописи	304
Светлана СТРУК	
Лето	305
Александр ТАНКОВ	
«До чего этот воздух прокуранный рыж...»	306

«Может, где-нибудь под Кандагаром...»	306
«Залитый холодным ртутным светом...»	306
«Ах, наверное, нас научил Фома...»	307
«До свиданья, моя золотая...»	307
«Вечер, растворимый без осадка...»	308
«На гремучей бронзовой латыни...»	308
Святослав ТЕРНОВ	
«Ты исчезла в слове «никогда»...»	309
«С кем-нибудь смазливый, ясноглазым...»	309
По дороге в зоосад	309
«Пьют из солнечного блюда...»	310
Даниил ТИНЯКОВ	
Королевская кобра	310
Наталия ТИХОВА	
«Санкт-Петербург укрылся белым снегом...»	311
Виталий ТРОШКОВ	
«Вечер покойной молитвы...»	312
Ольга ТУРКИНА	
«Прости, что здесь на ты – словно с иконой...»	312
«Дважды в твою воду – я...»	312
«Смотрю то вдаль, то в близь...»	313
«Сахар, просыпанный у гастронома...»	313
Вероника ФИЛИППОВА	
«Вам нравятся мои глаза?...»	314
Светлана ФИЛИППОВА	
«Прошло, прошло...»	314
Философское	315
Виктория ФРАНЦЕВА	
«Будить не надо. Я сама проснусь...»	315
Супервизия	316
«Вот он – колодец в милой Евпатории...»	317
Елена ХИЛКО	
Спасение утопающих – дело рук самих утопающих	317
Ирина ХОРОВЕЦ	
Из цикла «12 месяцев»	318
Петр ЧАЙКОВСКИЙ	
«Сегодня я за чашкой кофя...»	318
Ландыши	318
«Но час пробыёт...»	319
Вера ЧИГАРИНА	
Мне снился сон	319

«Ты снова заблудился сам в себе...»	320
Философское	320
Игра в эрудит online	320
«Осенний дождь, осеннее апчхи...»	321
Елена ШАПКА	
«В этот сумрачный день я проснулась иной...»	321
«Шагнув на перрон...»	322
Максим ШВЕЦ	
Луна	323
«– И растаешь ты поутру...»	323
«Никто не узнает – как, когда...»	324
«Я не верю, я просто знаю!...»	324
«Я – никто, невидимка...»	325
«Ты – утреннее солнце в тишине...»	326
Елена ШИПИНА	
Хвала сонорам	326
«Напялив розовую кофту...»	327
«Гаснут жара, яркий свет, и слабеет усталость...»	327
Корела	328
Лариса ШУШУНОВА	
«Отвергнута подборка сгоряча...»	328
«Я принесла с помойки лом – тяжёлый, десять килограммов...»	329
«Я и раньше этот взгляд...»	330
Нина ЩЕРБАК	
«Проходите, молчите, улыбайтесь...»	330
Анна ЯКУБОВИЧ	
«Мама, когда я вырасту, я стану оленем...»	331
Ирина ЯРКОВА	
Детство	331
«Давай не будем разбираться...»	332
Ночной ливень	332
«Скрипка в метро, цветы деревянные...»	333
ПЕРЕВОДЫ	334
Виктория БАЗЛОВА-БОРЦЕВСКАЯ	
Хокку	335
Алишер ЗАРИПОВ	
<i>ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВЬЕТНАМСКИХ РУКОПИСЕЙ</i>	
<i>БУДДИЙСКИХ МОНАХОВ</i>	335
Полуденный сон	335
Весенний пейзаж	335
Ранней осенью	335

Вечереющий Тхиенчюнг	336
Урош МРДЖИНАЦ. Перевод Евгения Капустина	
Два голубя белых	336
Анджелко ЗАБЛАЧАНСКИ. Перевод Дианы Медведевой и Евгения Капустина	
Ночь воспоминаний	337
Мирослав АНТИЧ. Перевод Марии Ляминой и Евгения Капустина	
«Каждый желающий станет желанным...»	337
Мария МОЙСИЧ. Перевод Евгения Капустина	
Свобода (Свобода Косова)	338
Елена МИЛУТИНОВИЧ. Перевод Евгения Капустина	
Девочка с юга (Девочка с юга Косово)	339
Елена НАКОВИЧ. Перевод Дианы Медведевой и Евгения Капустина	
Песня	340
Милутин ПОПОВИЧ ЗАХАР. Перевод Алексея Королёва	
Видован	340
Шах-Эмир МУРАДОВ	
Мечта	341
Александр КОРОЛЁВ	
ПЕРЕВОДЫ	342
Шарль ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ	
Эльфы	342
Шарль-Юбер МИЛЬВУА	
Падение листьев	344
Пиршество в замке	345
Шарль ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ	
Сердце Хильмара	347
Марселина ДЕБОРД-ВАЛЬМОР	
Ты спишь?	348
Молитва	348
Готфрид БЕНН. Перевод Алексея Королёва	
О Ночь	349
Кокаин	350
Алексей КРАЙКОВСКИЙ	
Перевод из О. Уайльда	350
Коста ХЕТАГУРОВ	351
Хетаг	352
«Да, я люблю её... но не позорной страстью...»	352
Памяти А. Н. Плещеева	353
Памяти П. И. Чайковского	354
Памяти А. Н. Островского	354

Христос воскрес!	355
На Пасху	355
ПУБЛИЦИСТИКА	357
Данила ДАНИЧ, Георгий РУСАНОВ	
Я вас больше чем люблю	358
Анна ТИМИРЕВА	
«Над городом сон, над полями тьма...»	369
«Наперекор тюрьме и горю...»	369
«Какими на склоне дня...»	370
«Под старость лет, придя к долготерпенью...»	370
Проводы Ахматовой	371
«Полвека не могу принять...»	371
«Передо мной, не в маршальском мундире...»	372
«Уходили бабы по обетам...»	372
Георгий ВАСЮТОЧКИН	
Консюмеризм как финал современной цивилизации	373
Предисловие	373
I. Взгляд на календарь – когда начался кризис общества потребления?	373
II. Процесс потребления физиологически не ограничен	382
III. «Не может дюжина червей б е с к о н е ч н о изгрызать одно и то же яблоко»	385
Источники:	388

Книга издана на средства спонсоров

Подписано в печать 21.09.2012. Формат 60х88 1/16

Печать офсетная. Усл.- печ. л. 24,9. Тираж 500 экз.

Заказ № 165Р

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.

Тел/факс (812) 766 05 66

E-mail: renome@comlink.spb.ru

www.renomespb.ru



**Глава Российского Императорского Дома
Её Императорское Высочество Государыня
Великая Княгиня Мария Владимировна**



И. Крамской.
Портрет императора Александра III

Иван Крамской
“Портрет Императора Александра III”,
Основателя Санкт-Петербургского
Электротехнического Университета («ЛЭТИ»)
ГРМ. Холст, масло 129 x 91,5



Анна БОНДАРЬ “Птица”



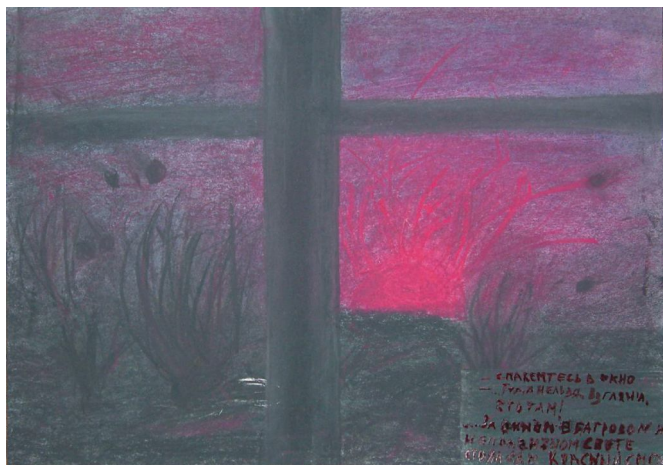
Анна БОНДАРЬ “Близнецы”



Сергей СИМКИН "Освещенный северным светом
Михайловский замок", 70х100, холст, масло, 2006



Сергей СИМКИН "Улица "Большая Зеленая" под лунным освещением
в зимнюю ночь, ведущая на острова", холст, масло, 60х90, 2005



Наталия КЛИВАК “Красный смех”

- Спасемтесь в окно.
 - Туда нельзя! – крикнул брат. – Туда нельзя. Взгляни, что там! ...
 - За окном в багровом и неподвижном свете стоял сам Красный смех.
- (Леонид Андреев)



Работа Дарьи ЖУРАВЛЁВОЙ



Александра СУВОРОВА "Луна..."



Александра СУВОРОВА "Милая, как Рената"

РУССКИЙ БАЛ





8 МАРТА В ЛЭТИ









ГАЛЕРЕЯ ЛИТО ЛЭТИ



Работа Ксении КАЗАКОВОЙ



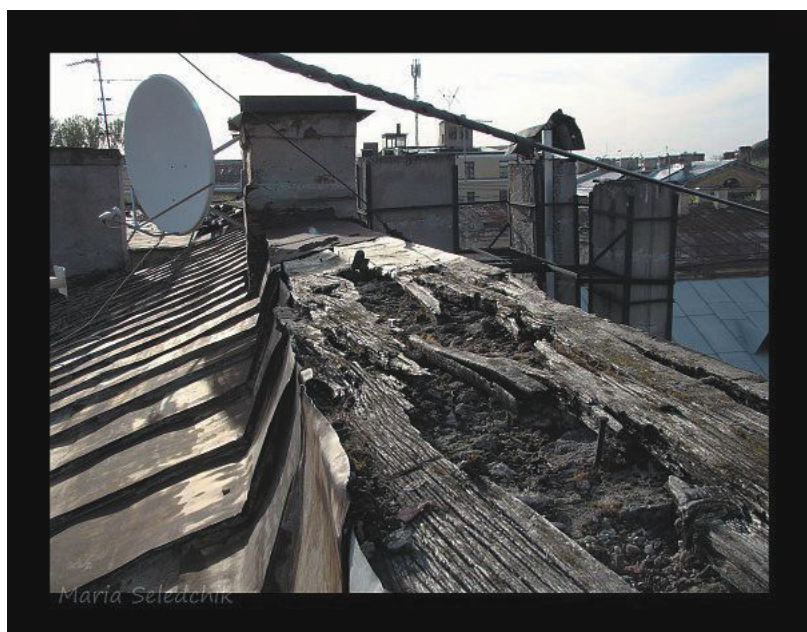
Работа Наталии КЛИВАК



Елена БАКСИНЕР. Холст, масло.



Елена БАКСИНЕР. Холст, масло.



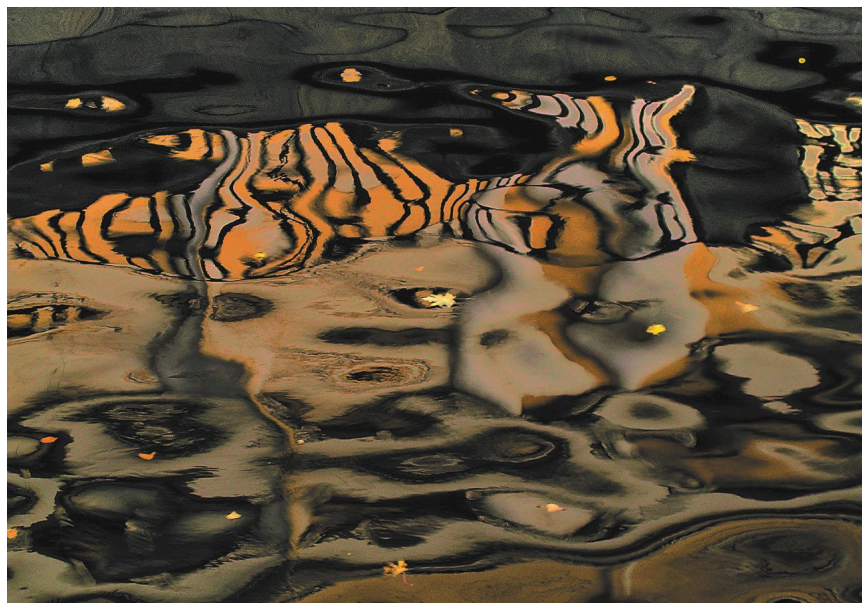
Работа Марии СЕЛЕДЧИК



Работа Марии СЕЛЕДЧИК



Работа Ярослава ФРОЛОВА



Работа Ярослава ФРОЛОВА